

*МУЗЕЙНЫЙ
АЛЬМАНАХЪ*

Кыштымъ

2014

Мечтаемъ

Мечтая, мы надеемся, что всё будет хорошо. Столь уютный и кажущийся неизменным мир, каким мы его видели в детстве, не утратит своей доброты и ясности. Всё будет хорошо! Может ли большой мир обидеть нас, сделать нашу жизнь невыносимой? Мечтая, мы становимся сильнее. Именно мечта дает нам силы жить, воплощать свои надежды, менять мир, в котором мы живем.

Музей устремлен в прошлое, и мечтая о своем будущем, всматривается в лица людей, след которых уже давно растаял.

Наши альманахи-это большая мечта, прежде всего о нас, о тех, кто работает в музее, и о том, каким в наших мечтах он представляется.

Спасибо.

Галябиева Р.С.

Август 2014 года

г. Кыштымъ

Вёшенский манифест

Сегодня мы стоим перед реальной возможностью исчезновения музеев, их растворения в диснейлендах с мифическими бизнес-планами.

Мы против национального комплекса неполноценности, выражающегося в пренебрежении наследием, против рейдерства, против финансового унижения, против художественной и исторической неграмотности.

Мы против того, чтобы музеи перестраивать по моделям доморощенного бизнеса и грубых политехнологий. Напротив, пропаганду и бизнес нужно строить с оглядкой на музейную модель гуманитарного и ответственного действия.

Мы хорошо знаем, как нам действовать, у нас учатся многие музеи мира. Мы требуем сохранить право на принятие решений самостоятельно.

Мы за подлинность художественного восприятия, за обучение общества языку культуры, за чувство собственного исторического достоинства, за единое музейное пространство и грамотное обеспечение музейного сотрудничества инфраструктурой и гарантиями, за развитие «цифровых» музеев как особого явления, за право музеев заниматься наукой и образованием.

Для этого мы требуем признать специфику музейной деятельности в российском законодательстве, с учетом стратегических документов, подготовленных российским музейным сообществом.

Музеи выполняют государственную функцию сохранения культурного ДНК нации, они создают культурный продукт, обеспечивающий передачу этого ДНК. От государственного аппарата мы ждем политики поддержки этой высшей миссии музеев. Ее выполнение рождает и вторичные музейные функции, которые иногда принимают за основные – среду для досуга и прибыльного туризма. Грамотно понятые и эти функции могут послужить будущему нации, а не только бизнесу.

Исполнить свою миссию музеи России смогут только в том случае, если государством и обществом будет сделано несколько шагов.

Первый и главный шаг – это полный и безоговорочный отказ числить музеи по разряду культурно-просветительных, досуговых или развлекательно – «креативных» заведений. Музей, по своей природе, это особое, в значительной степени уникальное образование, сочетающее в неразрывном единстве исполнение важнейшей общественной миссии и государственной функции по формированию, сохранению и изучению Музейного фонда страны и осуществление разнообразной просветительской деятельности.

Все – правовой статус, финансирование, оценка эффективности работы, охрана и т.д., – должно строиться, исходя из этой особой природы Музея.

Второй важнейший шаг – это закрепление во всех законодательных актах и в правоприменительной практике органов власти всех уровней принципа целостности, неприкосновенности и неделимости Музейного фонда Российской Федерации, музеефицированных объектов культурного наследия и историко-культурных территорий.

Третий шаг – это принятие государством обязательств по материальному обеспечению существования музеев.

Без строительства современных музейных фондохранилищ, создания соответствующих всем требованиям экспозиционных и выставочных помещений, без технологического переоснащения ни сохранить Музейный фонд, ни «оказывать услуги» музеи не смогут.

Без постоянной поддержки собирательской деятельности музеев мы не сможем донести до потомков свидетельства отечественной истории, творения современных представителей творческих профессий, достижения сегодняшней научной и технической мысли.

Без вложений в музейную науку кусочки огромной исторической головоломки никогда не соберут в целостную картину.

Культура и ее важная часть – музеи, являются критерием качества нации. С этим критерием сегодня, к сожалению, не все в порядке.

*Принято на расширенном заседании
Президиума Союза музеев России*

*Станица Вёшенская
16 сентября 2012 г.*

Орхан ПАМУК

Мой скромный манифест для всех музеев

Я люблю музеи и, как многие, с каждым днем получаю от них все больше удовольствия. Я воспринимаю музеи всерьез, и поэтому иногда меня посещают гневные, даже яростные мысли. Но мне бы не хотелось говорить о музеях с гневом. В Стамбуле моего детства музеев было мало. Почти все они были важными памятниками истории. Либо же это были какие-то пафосные государственные экспозиции наподобие музеев – таких много в неевропейских странах. Много лет спустя в переулках европейских городов маленькие музеи помогли мне почувствовать, как можно рассказать историю каждого персонажа такого музея (в этом они были похожи на романы). Я никогда не забываю о том, что такие музеи, как Лувр, Метрополитен, Топкапы, Британский музей, Прадо, являются сокровищницей человечества. Но я бы не хотел, чтобы большие, величественные сокровищницы стали образцом для музеев будущего. Музеи, особенно те, которые появляются в быстроразвивающихся неевропейских странах, должны исследовать новый мир современного человека, его человеческую природу и рассказывать об этом. Ведь большие музеи, которым государство оказывает поддержку, представляют именно государство, а не человека. А это не добрая и вовсе не невинная цель.

Свои соображения относительно музеев я хочу изложить по порядку.

1. Великие национальные музеи, такие, как, например, Лувр и Эрмитаж, появившиеся в результате того, что для людей открыли императорский либо королевский дворец, и ставшие обязательной для посещения туристической достопримечательностью и национальным символом, показывают, что история нации (то есть исторический процесс сам по себе) важнее, нежели история отдельного человека. Однако именно на примере истории отдельного человека легче показать духовную высоту человечества.

2. Можно усмотреть параллель в том, как осуществляется превращение дворцов в большие музеи и превращение народных эпических сказаний-дастанов в романы. Да, эпические сказания, повествующие о героических подвигах правителей древности, подобны дворцам, в которых те жили. Однако большие музеи на романы не похожи.

3. Надоели музеи, которые пытаются поведать историю какого-нибудь сообщества, организации, команды, общины, нации, государства, народа, фирмы или какого-нибудь предмета, объекта. Мы устали от них. И мы все сознаем, что истории обычных людей будут намного богаче, важнее и подарят нам больше радости, чем история всех народов, вместе взятых.

4. Вопрос не в том, чтобы суметь рассказать, насколько богата китайская, индийская, мексиканская, иранская либо турецкая история и культура. (Конечно, и это тоже важно, но это нетрудно.) Трудно суметь показать в музее в том же масштабе, с той же силой и глубиной историю конкретных людей, живущих в этих странах сейчас.

5. Я считаю, что музеи необходимо оценивать не по тому, хорошо или плохо они представляют государство, нацию, фирму, определенный фрагмент истории, а по тому, демонстрируют ли они личные качества отдельно взятых людей.

6. Музеи должны стать меньше, индивидуальнее и дешевле. Только так можно рассказать людские истории. В больших музеях с большим входом нас собирают, чтобы напомнить о государствах и народах, но забывают о нашей индивидуальности. Поэтому везде вне западного мира люди по музеям ходить боятся.

7. Задача музеев настоящего и будущего – рассказывать не о государстве, а о человеке. Правда, не стоит забывать о том, что человек этот веками переживал жестокие трудности.

8. Средства и источники финансирования, предназначенные большим, величественным, символическим музеям, следует отдавать маленьким музеям. Эти деньги должны поощрять и поддерживать обычных людей в том, чтобы они превращали свои маленькие дома и маленькие истории жизни в музеи.

9. Если предметы искусно и осторожно поместить в их родные дома, не оторвав их от своей среды, от своих улиц, то свою историю они расскажут сами.

10. Огромные дворцы, властвующие над кварталами и городами, не показывают наши души, наоборот – они их стесняют. Человеку ближе идея скромного музея, который превратит квартал, улицу, дома, магазины – словом, все вокруг во фрагмент музея!

11. Будущее музеев – в наших домах.

Всё на самом деле очень просто:

Как было раньше	Как нужно сделать
Эпосы	Романы
Представление	Свидетельство
Дворцы	Дома
История	Истории
Народ	Люди
Собрания людей, сообщества	Отдельно взятые личности
Большие и дорогие музеи	Маленькие и дешевые музеи

Досье:

Орхан Памук
(тур. *Orhan Pamuk*; родился 7 июня 1952 г. в Стамбуле, Турция) – современный турецкий писатель, лауреат многочисленных международных литературных премий, в том числе IMPAC Dublin Literary Award (2003), Международной премии мира (2005) и Нобелевской премии по литературе (2006). Популярен как в Турции, так и за ее пределами. В 2006 г. по версии

журнала *Time* был включен в сотню наиболее влиятельных людей мира. Произведения писателя переведены на 60 языков и изданы более чем в 100 странах. Одна из последних книг автора, «Музей невинности», посвящена вещам как отражению реальности прошлого. «День сегодняшний состоит из дней вчерашних, прошлое всегда возвращается. Для меня очевидно, что говорить о настоящем невозможно, не говоря о прошлом. И вообще, что такое прошлое? Прошлое – это и есть настоящее».

В 2009 г. Орхан Памук читал лекцию в Московском университете. В своем выступлении, посвященном выходу на русском языке своего нового романа, он рассказал среди прочего, что сейчас работает над созданием в Стамбуле настоящего музея с таким названием. Он должен открыться через год, и те, кто предъявит у входа экземпляр романа (в том числе на русском языке), смогут пройти туда бесплатно.

Музей открыл свои двери для посетителей 28 апреля 2012 г.

Из истории Кыштымского музея

1897 год:

«По прибытии они пошли осматривать заводской музей минеральных пород и каслинского фигурного литья, столь прославленного на рынке сбыта».

Кричевский В. Я. Экскурсия членов VII геологического конгресса на Урале // Урал. – Екатеринбург. – 1897. – № 201.

1899 год:

«Видал я на выставках это литье не раз, но то, что увидал в Кыштыме, где склад или, вернее музей этих отливок, то превзошло все мои ожидания. Отливка тончайших медалей, ажурных блюд, бюстов и статуй так тонка и чиста, что во всех отношениях не уступает бронзовой. Есть вещи действительно превосходные... Рядом с отливками в музее лежат массы наждачного (прямо корундового) камня, находящегося здесь в окрестностях, и много образцов разных руд, в которых я, однако, не разобрался, зная, что Урал ими богат».

Менделеев Д. И. Полное собрание сочинений: в 25 т. – М., 1949. – Т. 12. – С. 594-596.

1904 год:

«Музей находится в здании, близ управления заводами. Минералогическая и геологическая коллекции очень богатые и обширные; в них собраны тысячи образцов разных руд и различного рода ископаемых и минералов. ...собраны отливки из чугуна и изделия из железа и стали. Обращает на себя внимание художественное литье из чугуна, выделяемое в Каслинском заводе. Отливка тончайших медалей, ажурных блюд, бюстов и статуй очень чистая и тонкая. Есть вещи положительно превосходные по рисунку и исполнению».

Весновский В. Путеводитель по Уралу. – 1904.

В «Путеводителе по Уралу», написанном в 1904 г. Виктором Весновским, можно встретить следующее описание музея:

«Музей находится в здании, близ управления заводами. В музее несколько отделений: минералогическое, геологическое, заводское и историческое. Минералогическая и геологическая коллекции очень богатые и обширные; в них собраны тысячи образцов разных руд и различного рода ископаемых и минералов. Здесь же можно видеть глыбы наждачного камня, богатые залежи которого находятся в окрестностях завода. В заводском отделе собраны отливки из чугуна и изделия из железа и стали. Обращает на себя внимание художественное литье из

чугуна, выделяемое в Каслинском заводе. Отливка тончайших медалей, ажурных блюд, бюстов и статуй очень чистая и тонкая. Есть вещи положительно превосходны по рисунку и исполнению. Искусство формовщиков видно особенно на мелких брелоках к часам и на часовых цепочках. Чугун, применяемый в каслинском литье, содержит 0,4% фосфора. Льют или прямо из доменной печи, или из вагранки. В историческом отделе хранится кровать, на которой почивал Император Александр I при своем посещении Екатеринбурга в 1824 г., останавливаясь в доме владельца Кыштымских заводов (Харитоновский дом). Здесь же хранится одно из орудий пытки в крепостное время. Оно представляет собою гирю, весом до 4 пуд., на подобие монашеской камилавки. От этой гири идет железная цепь, оканчивающаяся 2 подвижными скобками. Эти скобки надевали на шею провинившимся в чем либо рабочим, запирали на замок и с гирею заставляли ходить или работать».

Продолжение следует...

Культурный вектор

Мы представляем постоянную рубрику «Культурный вектор», где будем знакомить читателей с нашими предпочтениями в литературе, живописи, музыке. Смеем надеяться, что читатели примут наш вектор и мы будем двигаться в одном направлении.

Это стихотворение в 2010 г. написала Екатерина Канайкина. Про нее известно, что она кандидат философских наук.

ТЕКСТИЛЬНАЯ ГЕОПОЛИТИКА

Родилась в рубашке Россия, босиком.
И сразу – прыг в ромашки и по полю бегом.

Росла Россия, словно с рубашкою слилась.
По вороту – Коломна, да Углич, да Можайск.

По Мурому – дорожки узорчатой тесьмой,
А рядом – чудо-брошки – Владимир с Костромой.

Сережкой в мочке – Устюг. Россия влюблена.
В подарок ей сорочки – Печора да Двина.
Зима. Уж скоро святки да ряженые в дверь.
Россия гладит Вятку и вышивает Тверь.

Сложила Северск девка в плетёный туесок,
И подвязала крепко Смоленский поясok.

– Скорее за грибами!
– Куда в такую рань?!
Вплети сначала в косу атласную Рязань.

Казанско-астраханский кокошник не забудь,
Поволжский посох царский возьми с собою в путь.

Набрось на белы плечи сибирские меха.
Весенний ветер крепче, чем руки Ермака.

Орлы пока без решек. Сибирь – початый край.
Гляди, какой Орешек, – держи, не потеряй!

Россия веселится: ей Хатанги налей.
Красавицу-девицу щекочет Енисей.

Где ж поясok Смоленский? Никто его не брал?
Зипун широк ей женский: Охотка да Урал...

Красавица, не бойся, в осенний теплый день
Эстляндией укройся, Лифляндию надень.

Финляндская перчатка запястье облекла.
В карманчике Камчатка. Звонят колокола –

Ура, Россия едет! Империя, виват!
Глядит в окно на леди и аглицких солдат.

На немцев и голландцев восторженно глядит,
На шведов, на упрямцев, но взор ее сердит.

Монисто Казахстана залиvisto звенит.
Россия неустанно на лошади летит.

Красивая, в веснушках, и легкая, как дым, –
Взяла себе в игрушки веселый остров Крым.

Кубанки-черевички на сахарных ногах.
Балтийские косички и бантик-Карабах.

России волос русый был прежде невредим.
Япония на память отстригла Сахалин.

Расшитый плащ носила, смеялась на ветру,
Бухары да Хивины пустив по подолу.

Каемку Самарканда пустив по рукавам,
Мила, но беспощадна, она пила Агдам.

И губы вытирала сплошь Северной землей.
Россия так играла, так пела!.. Боже ж мой!..

Росла как богатырка по фирменным часам.
Но чу... в кармане – дырка. Литовец выпал сам,

Поддержанный примером, эстонец прыгнул вниз,
Случайно зацепился и в воздухе повис.

Вот Грузия упала, Молдавия – бабах!
Азербайджан свалился и бантик-Карабах.

Назвался Украиной оторванный рукав.
Забыв про дисциплину, Россия впопыхах

Досадную прореху не стала зашивать.
Продолжила потеху – по полюшку скакать.

И вот уже Курилы в досадную дыру
Сигают, что есть силы, как в кроличью нору.

Иголку бы да нитку, да ночку потемней...
Закрой окно, калитку и дырочку зашей.

Дорогой читатель!

Ты держишь в руках первый выпуск Альманаха, посвященного Первой мировой войне. У этой войны много названий. В Императорской России ее называли «германской» и «Второй Отечественной», считая первой Отечественной войну 1812 г., в Советской России – «империалистической», для англичан и французов она стала «Великой», а после начала Второй мировой ее назвали Первой мировой войной.

Именно эта война осталась в памяти народов как война нового исторического типа и принципиально нового, планетарного масштаба. Она стала общенациональной для всех государств-участников. Война впервые затронула каждую семью, потребовала отдачи всех национальных сил, мобилизации всех сфер и сторон жизни общества. Именно Первая мировая положила начало цепи глобальных геополитических изменений, продолжающихся до сих пор. Многие народы обрели свою национальную государственность именно в связи с событиями Первой мировой войны.

В преддверии 100-летия Первой мировой войны с сожалением приходится констатировать, что память об этом важнейшем для нашей страны событии занимает незаслуженно скромное место в российском историческом сознании. Конечно, свою роль сыграло то, что Первую мировую войну затмили две революции в России и Великая Отечественная война, Великая Победа мая 1945-го, добытая невиданным в истории национальным сверхусилием. Однако по степени влияния на дальнейший ход российской и всемирной истории события 1914–1918 гг. имеют колоссальное значение, предопределив и будущую Вторую мировую войну.

О мировой войне 1914-1918 гг. помнят немногие. Профессиональные историки, те, кто интересуется и изучает военное прошлое, и люди, в семьях которых сохранилась память о воевавших на этой войне прадедах. В нашей стране таких семей совсем немного, поскольку в годы советской власти память о «царском режиме» в любых ее видах не поощрялась. Это одно из самых страшных наследий семи десятилетий строительства социализма – оборванная 1917 г. связь поколений, попытка начать историю с нулевой отметки. Для миллионов семей биография родственников становилась не предметом гордости, а опасной темой: классово чуждое происхождение, наличие в родне репрессированных, раскулаченных, расказаченных, проживавших на оккупированных территориях и так далее...

О Первой мировой войне отрывочно знали больше по «Хождению по мукам» А. Н. Толстого, романам Э.-М. Ремарка и художественным фильмам про революцию и гражданскую войну, в которых на обломках Российской Империи и царской армии ковалось светлое будущее человечества. В Первую мировую русский солдат воевал за веру, царя и Отечество. С ее бесславным для России окончанием вера обратилась воинственным безбожием, императорскую фамилию расстреляли, верность Отечеству сменилась на преданность партии большевиков. Среди всех стран Антанты Российская Империя понесла самые большие потери.

Надевать на себя «царские» военные награды официально не полагалось, лишь ближе к 70-м гг. прошлого века это разрешали делать совсем уже стареньким ветеранам, да и то при условии их соседства с советскими боевыми наградами. Той войне большевики дали второе имя – империалистическая, и ассоциироваться она должна была не с победами и героизмом русского солдата, а только с ее несправедливыми целями, массовым дезертирством с фронта после февральской революции 1917 г., классовым антагонизмом между простыми солдатами и офицерами.

Мифология о Первой мировой настолько прочно срослась с мифологией о революции и Гражданской войне, что до сих пор в массовом сознании она остается «белым пятном», заполняемым обрывочными образами и самыми крайними оценками.

В результате Первой мировой войны прекратили свое существование четыре империи: Российская, Австро-Венгерская, Османская и Германская (хотя возникшая вместо кайзеровской Германии Веймарская республика формально продолжала именоваться Германской империей). Страны-участницы потеряли более 10 млн. человек убитыми солдат, около 12 млн. убитыми мирных жителей, около 55 млн. были ранены.

С тех пор прошло уже сто лет, и, конечно, ни одного солдата, прошедшего этот ад, не осталось в живых (к слову, последним из русских воинов был Михаил Ефимович Кричевский, который умер в возрасте 111 лет в Донецке 26 декабря 2008 г., а последним в мире ветераном Первой мировой войны – Флоренс Грин, она в 1918 г. успела послужить в ВВС Великобритании, умерла 4 февраля 2012 г., когда ей было 110).

В силу указанных выше причин, Первая мировая война никогда не была для нашей страны главной военно-мемориальной темой, а ее мемориалы, соответственно, никогда не были основой почитания памяти павших. Это почетное место принадлежало сперва Гражданской войне, а затем вплоть до настоящего времени – Великой Отечественной.

Первая мировая в России до сих пор остается забытой войной. Во всей стране нет официального места поминовения ее героев и жертв. Неудивительно, что после десятилетий идеологической обработки память о Первой мировой войне в значительной мере стерлась в российском историческом сознании. У нас почти не помнят героев, павших в той войне. разве что изредка упоминается Алексей Брусилов, да и то благодаря его переходу потом на сторону большевиков. У нас почти полностью отсутствуют памятники, связанные с событиями 1914–1918 гг. Редкие исключения – возведенная в 2008 г. стела в Царском Селе под Петербургом и мемориальный камень в Калининградской области на чудом сохранившихся братских могилах участников ожесточенных боев и открытый там же в 2014 г. музей Первой мировой войны.

Память эта важна для российского общества потому, что она позволяет понять очень важные и фундаментальные вещи: «За что нам пришлось воевать в XX в.? Какие цели и ценности национального бытия нам нужно отстаивать для продолжения себя в истории?». Ведь в начале XX в. Россия

столкнулась с такими внутривосточными и геополитическими вызовами, которые удивительным образом повторились на рубеже XXI столетия. Восстановление исторической памяти о войне 1914–1918 гг. способно пробудить утраченное чувство преемственности нашей истории, уберечь от повторения ошибок.

Поэтому мы должны по-новому посмотреть на Первую мировую войну, которая даст нам и видение геополитики XX в., и примеры безграничной доблести, отваги и самопожертвования русских людей.

Коллектив создателей Альманаха питает надежду, что этой работой мы отдадим дань уважения и нашей благодарности тем, кто отстаивал честь и достоинство России в той войне, и напомним о ней читателям.

В сборнике собран не только теоретический материал о войне в целом, мы постарались внести в него региональный компонент: как и чем жил в военные годы Уральский край.

К 100-летию Первой мировой войны наш музей подготовил Выставку фотоматериалов и документов начала 20 столетия: это 60 фотографий из фондов музея и личных семейных архивов кыштымцев, копии присяги на верность службы Царю и Отечеству и «Дела о динамите» (строительство динамитного завода в Кыштыме). Выставка явилась итогом большой исследовательской работы сотрудников музея и их добровольных помощников: Казакова Виктора Владимировича, Старченко Зинаиды Давыдовны, Огнивовой Тамары Николаевны, Шангитовой Галины Алексеевны, Елисеева Владимира Александровича, Новокрещенновой Ольги Алексеевны, Мелентьева Алексея Владимировича, Дмитрия Козманишвили и Владимира Пряхина. Выражаем им благодарность за их неравнодушие, за их память. Материалы, предоставленные ими, также вошли в Альманах.

Дорогой читатель! Мы надеемся, что материалы, собранные здесь, тронут твое сердце и душу. Ждем отзывов и приглашаем к сотрудничеству, мы всегда открыты для новых идей и предложений.

Только факты

Человечество сошло с ума! Нужно
быть сумасшедшим, чтобы делать
то, что творится. Что за резня...
Что за сцены ужаса и кровавой
бойни!

Я не могу найти слов, чтобы
передать свои впечатления.
Даже ад не может быть таким
ужасным!

Люди сошли с ума!

(из дневника французского лейтенанта Альфреда Жубера)

Первая мировая война началась 28 июля 1914 г. (с убийства в Сараево наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда) и завершилась 11 ноября 1918 г. В этом конфликте участвовало, по разным данным, от 33 до 38 государств. Потери с обеих сторон составили около 15 миллионов убитыми, 20 миллионов ранеными.

Московский историк Сергей Волков приводит такие данные: в России мобилизованы были 39 процентов всех мужчин в возрасте от 15 до 49 лет, на каждую тысячу мобилизованных пришлось 115 убитых. В переводе на всю страну, погибли по 11 человек из каждой тысячи россиян.

Вооруженные силы России в Первой мировой насчитывали 12 миллионов солдат, таким образом, это была самая большая армия в этой войне. Более 3/4 были убиты, ранены или пропали без вести.

В Первой мировой войне участвовали тысячи жителей Екатеринбургского уезда Пермской губернии: это солдаты и офицеры сформированных здесь 195-го пехотного Оровайского, 335-го пехотного Анапского и 5-го Особого полков. С честью пронёс своё знамя по полям сражений 37-й пехотный Екатеринбургский полк. Кроме того, со Среднего Урала было отправлено на фронт несколько десятков маршевых рот, одна ополченческая дружина. Из мобилизованных и ушедших добровольцами жителей города погибли около тысячи человек.

Участники Первой мировой войны

Четверной союз: Германия, Австро-Венгрия, Османская империя, Болгария.

Антанта: Россия, Франция, Великобритания.

Союзники Антанты (поддержали Антанту в войне): США, Япония, Сербия, Италия (участвовала в войне на стороне Антанты с 1915 г., несмотря на то, что была членом Тройственного союза), Черногория, Бельгия, Египет, Португалия, Румыния, Греция, Бразилия, Китай, Куба, Никарагуа, Сиама, Гаити, Либерия, Панама, Гватемала, Гондурас, Коста-Рика, Боливия, Доминиканская республика, Перу, Уругвай, Эквадор.

Первая мировая война ускорила разработку новых вооружений и средств ведения боя. Впервые были использованы танки, химическое оружие, противогаз, зенитные и противотанковые орудия, огнемёт.

Танки

Впервые танки были применены английской армией на западном фронте в сентябре 1916 г. в операции на реке Сомме (49 танков). При отправке на фронт первых танков британская контрразведка пустила слух, что российское правительство заказало у Англии партию цистерн для питьевой воды. И танки отправились по железной дороге под видом цистерн (благо, гигантские размеры и форма первых танков вполне соответствовали этой версии). Именно поэтому танки так называются (от английского tank – бак, цистерна). Интересно, что у нас сначала перевели это слово и называли новую боевую машину «лохань».

Во время войны британские танки были изначально подразделены на «самцов» и «самок». Самцы были оснащены пушками, а самки тяжелыми пулеметами. «Малыш Вилли» был первым прототипом танка в Первой мировой. Сконструированный в 1915 г. он вмещал команду из трех человек и двигался со скоростью 4,8 км/ч. Применение танков готовилось в строгой секретности.

Химическое оружие

В ночь с 12 на 13 июля 1917 г. под бельгийским городом Ипр, с целью сорвать наступление англо-французских войск, Германия применила химическое оружие – жидкий отравляющий горчичный газ кожно-нарывного действия, который по месту боев получил название иприт.

Иприт обладает отчетливо выраженным местным действием – он поражает глаза и органы дыхания, желудочно-кишечный тракт и кожные покровы. Всасываясь в кровь, он проявляет и общерастворимое действие. Иприт поражает кожные покровы при воздействии, как в капельном, так и в парообразном состоянии.

Противогаз

22 апреля 1915 года в 3 часа 30 минут у бельгийского города Ипр немцы впервые в истории применили химическое оружие против изготавившихся к наступлению англо-французских войск. Это был хлор. Хотя его и трудно отнести к боевым отравляющим веществам, 1-я французская армия понесла массовые потери. От удушливого, вызывающего мучительный кашель газа не было спасения. Он проникал в любую щель. 5 тысяч солдат и офицеров погибли на позициях. Еще 10 тысяч навсегда потеряли здоровье, боеспособность.

Вскоре, 31 мая 1915 г., газобалонной атаке в районе Болимова, что близ Варшавы, подверглись русские войска. На участке фронта в 12 километров немцы выпустили 264 тонны хлора. Пострадали 8.832 человека, 1.101 из них – погибли.

Во всем мире начали искать средства спасения от нового вида оружия, представлявшего невиданную до этого опасность. Те аппараты для очистки воздуха, которые ранее применялись в промышленности, в боевой обстановке не спасали. Трудно было надеяться и на многослойные марлевые повязки, пропитанные гипосульфитом натрия. В ноябре 1915 г. инженер Э. Куммант придумал резиновый шлем с очками, позволявший защищать не только органы дыхания, но и большую часть головы. Но главного – надежного фильтрующего элемента все еще не было. Его-то, еще с июня 1915 г., и предлагал профессор Николай Дмитриевич Зелинский. Самым эффективным абсорбентом ядовитых газов он считал древесный уголь. Зелинский нашел способы его активизации, то есть значительного повышения пористости. Один грамм активированного угля с чрезвычайно развитой капиллярностью имел поглощающую поверхность в 15 квадратных метров.

Огнеметы

Немцы первыми взяли на вооружение огнеметы в Первой мировой. Их огнеметы могли выбрасывать пламя на 40 м.

Ранним утром 30 июля 1915 г. немецкие подразделения впервые ввели в дело огнеметы в массовом количестве против английской армии. Эффект превзошел все ожидания. Английскую пехоту охватил страх, и она, бросая оружие, в панике бежала в тыл, хотя потерь непосредственно от огнеметов почти не имела.

На русском фронте армия Германии 9 ноября 1916 г. впервые пустила в ход ранцевые огнеметы в бою севернее города Барановичи. Однако русские солдаты 217-го и 322-го полков, предупрежденные о возможности появления огнеметов, не растерялись и сильным ружейно-пулеметным огнем сорвали атаку огнеметчиков, и следовавшей за ними немецкой пехоты с большими для противника потерями.

Впоследствии огнеметы стали разрабатываться во многих государствах и были приняты на вооружение всех воюющих армий и использовались там, где действие ружейно-пулеметного огня оказывалось недостаточным.

В августе 1914 г. немецкие солдаты убили 150 гражданских в Аршоте. Эти убийства были частью стратегии, известной как Schrecklichkeit («устрашение»). Ее целью было запугать граждан оккупированных территорий, чтобы избежать восстаний.

Во время Первой мировой войны к лету 1916 г. число дезертиров и уклонившихся от мобилизации во Франции составляло 50 тыс. человек, а в России – до миллиона двухсот тысяч человек.

Первая мировая война длилась с 1914 по 1918 г., битвы происходили на каждом океане и почти на всех континентах. Большая часть сражений, однако, имела место в Европе.

Самым успешным летчиком-истребителем Первой мировой был Ритмейстер фон Рихтгофен. Он сбил 80 самолетов, больше, чем любой другой пилот на этой войне.

В Первой мировой войне собак использовали в качестве посыльных, они переносили приказы на линию фронта в капсулах, прикрепленных к туловищу. Также собак использовали, чтобы прокладывать телеграфные провода.

Бассейн Мира – это озеро глубиной 40 футов (12 м), расположенное у Мессина в Бельгии. Оно наполняет кратер, получившийся в результате взрыва в 1917 г., когда британцы привели в действие мину, содержащую 45 тонн взрывчатки.

Австрийский пианист Пауль Витгенштейн потерял правую руку в Первой Мировой войне, однако возобновил концертную карьеру и достиг исключительного мастерства, играя одной левой. Virtuозное владение пианистической техникой позволило Витгенштейну успешно исполнять сочинения, достаточно сложные даже для пианиста с двумя руками.

1 апреля 1915 г. в разгар Первой Мировой войны над немецким лагерем появился французский самолёт и сбросил огромную бомбу. Солдаты кинулись врассыпную, но взрыва не дождалось. Вместо бомбы приземлился большой мяч с надписью «С первым апреля!».

За большие заслуги в Первой мировой войне звание полковника английской армии было присвоено почтовому голубю № 888, который был похоронен после смерти со всеми воинскими почестями.

Энни Окли, известная в Америке женщина-стрелок, демонстрировавшая на представлениях свои стрелковые таланты, учила американских солдат стрелять во время Первой Мировой войны. Для примера, известно, что она попадала пулей в сигарету, которую держал во рту будущий кайзер Германии Вильгельм. Один же из наиболее известных трюков состоит в том, что Энни с тридцати метров попадала в торец игральной карты, и до того, как карта падала на землю, успевала сделать в ней дополнительно 5-6 дырок последующими выстрелами.

Во время и после Первой Мировой войны Великобритания вручала родственникам всех погибших памятный медальон с надписью «Он умер за честь и свободу», который в народе прозвали «Пенни мертвеца». На нём были изображены женская персонификация страны Британния рядом с другим символом страны – львом. Два дельфина в стороне символизировали морскую мощь государства, а второй лев внизу медальона раздирает на части немецкого орла. Уникальность данной награды в том, что на каждом из более чем миллиона выпущенных медальонов отчеканены имя и фамилия конкретного человека. Причем звание или должность погибшего не указывались и не влияли на форму или размер награды – тем самым подчеркивалась равнозначность жертвы каждого для достижения общей цели.

Пальто под названием тренкот появилось в начале 20 в. и предназначалось для пехоты британской армии. Именно фронтовики, часто находившиеся в окопах в годы Первой Мировой войны, прозвали этот вид одежды «траншейным пальто» (так буквально переводится trench coat). Уже после войны солдаты и офицеры способствовали появлению тренкотов в массовой моде, причем мода на различные вариации данных пальто не спадает до сих пор. Изначально этот вид верхней одежды появился как удобная и практичная альтернатива тяжелым саржевым шинелям, которые носили британские и французские солдаты в эпоху Первой мировой войны. К изобретателям самой популярной версии современного плаща, так называемого тренкота, причисляют себя сразу два известнейших британских бренда – Aquascutum и Burberry. Доподлинно известно, впрочем, что именно Томас Берберри, изобретатель габардина, впервые предложил Военному министерству Великобритании вариант непромокаемой верхней одежды для британских солдат в 1901 г. Хотя, казалось бы, предложенный гражданским, а не военным, вариант не должен был пользоваться успехом, изобретению Томаса Берберри была уготована иная судьба. В начале двадцатого столетия тренкот быстро превратился в один из самых популярных вариантов верхней одежды для британских солдат, а чуть позже практичные непромокаемые плащи начали приобретать и высокопоставленные военные чины.

В Первой мировой войне участвовали тысячи жителей Екатеринбургского уезда Пермской губернии: это солдаты и офицеры сформированных здесь 195-го пехотного Оровайского, 335-го пехотного Анапского и 5-го Особого полков. С честью пронес свое знамя по полям сражений 37-й пехотный Екатеринбургский полк. Кроме того, со Среднего Урала было отправлено на фронт несколько десятков маршевых рот, одна ополченческая дружина.

Русская армия Первой мировой

Война сильнее всяких проповедей
учит нас патриотизму...
Мы ощутили себя в войне нацией и
государством, русскими и Россией
П. Б. Струве

Всеобщая мобилизация

Численность русской армии до объявления мобилизации составляла 1 423 000 человек. На службе состояли нижние чины призывов 1911, 1912 и 1913 гг. Сколько среди них было уроженцев Пермской губернии (до 1923 г. Кыштымская волость входила в Екатеринбургский уезд Пермской губернии) установить очень трудно. Осенью 1914 г. из Пермской губернии было призвано 17 285 новобранцев. Если учесть, что контингент новобранцев, призываемых ежегодно в каждой губернии, был, примерно, одинаков, то можно считать что к моменту объявления мобилизации в армии находилось около пятидесяти тысяч солдат, призванных из Пермской губернии.

Согласно «Мобилизационному расписанию 1910 г.» из уездов Пермской губернии

после объявления войны было призвано 26 029 нижних чинов запаса. Из них 17 607 человек были отправлены на фронт в составе лейб-гвардии Семеновского полка, 49, 84 пехотных, 11 и 12 Сибирских стрелковых дивизий. 1011 человек были отправлены на флот в составе 1-го Балтийского флотского экипажа. 174 человека попали в полевые госпитали и санитарные

поезда. 5005 человек были направлены в различные запасные части, т.е. попали на фронт после дополнительной подготовки. 2232 человека попали в различные тыловые части и учреждения.

Огромные людские потери на фронте заставили военное ведомство прибегнуть к досрочному призыву новобранцев. В 1914-1917 гг. помимо новобранцев 1914 г., о числе которых мы писали выше, были призваны новобранцы 1915–1919 гг. Общее число новобранцев призванных в годы войны по Российской империи составило почти 4,5 миллиона человек. Сколько из них было уроженцев Пермской губернии сейчас сказать затруднительно. Призванные новобранцы не сразу попадали на фронт, а сначала проходили обучение в запасных батальонах. На территории Пермской губернии были расквартированы 12 запасных батальонов, развернутых в 1916 г. в полки.

Помимо новобранцев, в них проходили службу излечившиеся от ранений в госпиталях нижние чины. Только в Перми и Мотовилихе действовало более десятка госпиталей и лазаретов. Лазареты были открыты практически при всех учебных заведениях Перми. Невозможно установить количество раненых, которые прошли в них курс лечения. Только в декабре 1915 г. из госпиталей и лазаретов Перми и Мотовилихи было выписано через комиссию при Управлении Пермского уездного воинского начальника 1549 человек. Те из них, кто признавались годными к продолжению службы, направлялись в запасные

батальоны, а затем на фронт. За годы войны через запасные батальоны Урала прошло более 700 000 нижних чинов.

Уже на пятый день всеобщей мобилизации были призваны и ратники Государственного ополчения 1-го разряда. Сколько точно было призвано ратников 1-го разряда из Пермской губернии, установить сейчас невозможно. С осени 1915 г. стали призывать ратников Государственного ополчения 2-го разряда. Всего за годы войны по всей России ратников Государственного ополчения первого и второго разрядов было призвано более шести миллионов человек.

На территории губернии было сформировано 19 дружин Государственного ополчения. Есть сведения об участии чинов 699-й Пермской дружины в осаде Перемышля осенью 1914 – зимой 1915 гг. В 1916 г. из 291-й, 292-й, 293-й и 294-й Пермских дружин были сформированы Кавказкие стрелковые полки, из 576-й дружины – 454-й пехотный Полк, из 580-й – части 120 и 121 пехотных дивизий и отправлены на фронт. В 1916 г. дошла очередь до студентов ВУЗов, которые раньше не подлежали призыву. 17 студентов Пермского университета были призваны в армию в мае 1917 г., всего же в 1917 г., только в Пермском уезде, было призвано 110 студентов различных ВУЗов.

Отдельно нужно сказать об офицерах, врачах и военных чиновниках запаса. В нашем распоряжении имеются сведения только по Пермскому уезду. В 1911 г. в уезде числилось 112 офицеров и военных чиновников запаса. С 18 июля 1914 г. по 1 августа 1915 г. Управлением Пермского уездного воинского начальника на действительную службу было призвано 110 офицеров запаса. Не поддается учету количество ушедших в армию добровольцев.

Всего же с 1914 по 1917 г., по данным профессора Н. Н. Головина из Пермской губернии было призвано в армию 36% трудоспособного мужского населения, т. е. около 360 000 человек.

Боевые потери русской армии в мировую войну составили более 7 миллионов человек. Данные о том, сколько пермяков погибло в годы войны еще более отрывочные, чем данные о призыве. По данным того же Головина к началу весны 1915 г. 10 218 уроженцев губернии были убиты или ранены и 6 858 находились в плену.

Русское военное ведомство вело точный учет потерь среди нижних чинов и офицеров армии. «Именные списки убитым, раненым и без вести пропавшим нижним чинам» издавались главным штабом с 1914 по 1920 г. (продолжить работу помешали революционные власти), в них содержатся данные о потерях русской армии с августа 1914 по декабрь 1915 г. Списки погибших, раненых и пропавших без вести офицеров публиковались в «Русском инвалиде», официальном печатном органе военного министерства. Данные по нижним чинам, призванным из Пермской губернии, публиковали «Пермские губернские ведомости» в 1917 г., до прихода к власти большевиков успели опубликовать данные более чем о 10 000 солдат за период с августа 1914 по июнь 1915 г.

А вот собственно сведения по уездам. Во время всеобщей мобилизации 1914 г., по уездам Пермской губернии было призвано запасных нижних чинов:

Пермский	7763
Верхотурский	2491
Екатеринбургский	7017
Ирбитский	173
Камышловский	268
Красноуфимский	2037
Кунгурский	1497
Осиский	2274
Оханский	1168
Соликамский	952
Шадринский	398

Реально было призвано немного меньше, т. к. по официальным данным явка на призывные пункты составила 98%. В Первой мировой войне участвовали десятки тысяч уральцев – жителей Екатеринбургского уезда Пермской губернии. Солдаты и офицеры сформированных в Екатеринбурге **195-го пехотного Оровайского, 335-го пехотного Анапского и 5-го Особого полков** героически сражались за Отечество. С честью пронес свое знамя и имя родного города по полям сражений Великой войны **37-й пехотный Екатеринбургский полк.**

На Среднем Урале было сформировано несколько десятков запасных пехотных полков и батальонов, ополченческих дружин, военных госпиталей.

Екатеринбургский пехотный полк

24 июля 1914 г. полк был отобилизован и 3 августа 1914 г. по железной дороге шестью эшелонами был отправлен на фронт. К 9 августа полк сосредоточился в городе Владимир-Волынский на западной Украине. Он входил в состав 10 пехотной дивизии 5 армии (генерала В. К. Плеве) Юго-Западной армии. 12 августа передовые части полка уже

перешли русско-австрийскую границу. С 13 августа полк втянулся в Томашевское сражение Галицийской битвы. 14 августа полк отбивает атаку австрийской пехоты у фольварка Лашево, берет в плен 1800 австрийцев и 18 орудий.

Следующий бой 16 августа 1914 г. у деревни Павлуква. Тяжело контужен командир батальона капитан Маринов. Бой смещается к деревне Вазучин, оттуда к

посаду Тышовцы. 27 августа полк штыковой атакой обеспечивает взятие города Томашов и прорыв обороны корпуса Иосифа-Фердинанда. 30 августа 1914 г. полк занимает город Любачев, 2 сентября деревню Маковиско, 9 сентября город Ярослав, 16 город Пржеворск.

После успешного наступления полк спешно снимается с фронта, совершает пеший марш в город Люблин, откуда по железной дороге перебрасывается в город Ивангород (Модлин). Оттуда полк совершает марш по правому берегу реки Висла в район Гура-Кальвария, переправляется через Вислу и с ходу вступает в бой с германскими войсками. С 9 по 31 октября полк наступает в первом эшелоне 10 дивизии. К началу ноября успешная Варшавско-Ивангородская операция заканчивается. В связи с прорывом германских войск на Лодзь полк переходит к городу Петроков для обороны его с севера. С 8 ноября 1914 г. полк начинает непрерывные бои с германскими войсками. С 12 ноября полк наступает на город Брезины.

Бои заканчиваются к 24 ноября. Полк переводится в резерв 10 пехотной дивизии. 11 декабря полк атакует германские позиции у деревни Рожнова Воля, но атака отбита. С 18 декабря 1914 по 13 января 1915 г. в ходе упорных боев у деревни Конопницы полк понес тяжелые потери (убито 215 и ранено 187 солдат, ранен командир полка полковник Мольденгавер, который командовал полком еще до начала войны). Этими боями закончилась кампания 1914 г. Фронт стабилизировался, и до начала февраля боев почти не было. Полком командовал полковник Ярошевский.

В начале февраля 1915 г. полк совершил марш в Варшаву, оттуда по железной дороге прибыл в город Новоград-Волынский, вошел в состав отряда генерал-майора А. Ф. Бендерова и 16 февраля 1915 г. атаковал австрийцев, выбив их из деревни Железна. Оборону в этом месте полк держал до мая 1915 г. С 1 по 5 мая полк обороняет позицию

между реками Скрода и Писса. С 5 по 12 мая полк в резерве, с 13 мая вновь на прежних позициях. С 22 по 25 мая позиции полка подвергались непрерывному обстрелу германскими орудиями, понес тяжелые потери, был выведен в резерв, но 29 мая 1915 г. вновь занимает оборону возле деревень Круша и Серафин.

6 июня 1915 г. полк принимает новый командир полковник Буров. 2 июля немцы прорывают оборону русских войск, и полк под угрозой окружения начинает отступление. 6 июля переправляется через реку Нарев, занимает позиции на ее левом берегу. 23-27 июля позиции полка подвергаются непрерывным атакам немцев. За эти дни полк теряет убитыми 4 офицеров и 1300 солдат. Остатки полка временно вливаются в 94 пехотный Енисейский полк.

1 августа остатки полка выводятся из боя возле деревни Лады-Полонье и зачисляются в резерв отряда генерала Д. Н. Надежного. Полк принимает пополнение в деревне Тыкоцин, переводится в 10 армию и срочно перебрасывается по железной дороге к городу Белосток. Пешим маршем полк переходит к станции Ландварово и 13 августа 1915 г. вступает в бой с немцами у деревни Курклишки-Валаршики. 3 сентября полк перебрасывают по железной дороге на станцию Гудогай юго-восточнее Вильно. 13 сентября 1915 г. полк вновь вступает в бой в деревне Чернишки, выбивает оттуда немцев и наступает 14 сентября на деревню Осташков. В ходе успешных боев 18 сентября полк берет 77 пленных и пулемет.

С 20 сентября полк окопался и в позиционной обороне находился до 19 декабря 1915 г. Затем был отведен в резерв, принял пополнение, восстановил четырехбатальонный состав. С учетом опыта боев 1914-15 гг. в каждой роте из отборных солдат был создан гренадерский взвод, проводились учения на местности, отрабатывались новые тактические приемы. 9 февраля 1916 г. полк вновь занимает боевые позиции, а в начале марта принимает участие в наступлении русских войск. 8 марта полк броском занимает две линии окопов немцев. В этих боях полк теряет убитыми 5 офицеров, ранеными 11 офицеров, убитыми 99 солдат, ранеными 688 солдат и пропало без вести 310 человек. Тяжело контужен командир полка полковник Буров. Полк временно принимает полковник Вольнер.

Потеряв в боях марта-апреля 1916 г. еще 159 человек, полк вновь был выведен в резерв, но 15 апреля немцы атаковали позиции 10 дивизии, и в создавшейся тяжелой обстановке командование бросило в бой Екатеринбургский полк, который отбросил немцев и закрепился в деревне Колодино. Полк в этом бою потерял 418 человек. 30 апреля вся 10 дивизия и с ней полк были выведены в резерв для пополнения и отдыха.

В июне 1916 г. полк был переброшен в расположение Юго-Западного фронта генерала Брусилова (в 45 армейский корпус) 21 июня 1916 г. полк переправился через реку Стырь, атаковал позиции австрийцев и выбил их из деревни Новоселки. Потери 402 человека. Выстояв под атаками австрийцев до 3 июля 1916 г. полк атаковал сам австрийцев, вышел к ним в тыл и принудил к сдаче 2350 австрийских солдат и 45 офицеров. Но потери составили убитыми 3 офицера и 49 солдат, ранеными 5 офицеров и 428 солдат, пропало без вести 94 человека.

С сентября 1916 г. Юго-Западный фронт стабилизировался. Полк регулярно находился в окопах, выводился на отдых, а в феврале 1917 г. находился в окопах у деревни Белицк, входя в состав 34 армейского корпуса Особой армии Юго-Западного фронта.

Личный состав был мало подвержен разлагающей революционной пропаганде. При выборах, создаваемых по распоряжению Временного правительства солдатских комитетов, в состав комитета 37 Екатеринбургского пехотного полка не вошел ни один большевик или эсер. В полку сохранялась примерная воинская дисциплина, не было случаев братания с австрийскими солдатами. В июне 1917 г. началось последнее наступление русской армии, но оно было сорвано, немцы нанесли контрудар и 8 июля 1917 г. полк, отбивая атаки, оказался в окружении. Но под умным руководством командира полковника Эльберта полк прорвал окружение, в порядке отступил за реку Серет.

Всего с 6 по 12 июля полк потерял убитыми 19 офицеров и 678 солдат. К 12 июля 1917 г. полку в составе дивизии удалось остановить немцев на берегу реки Гнезна и окопаться у деревни Вялоскурка. Наступило затишье.

13 ноября 1917 г. начались переговоры советского правительства с немцами о перемирии. Полк был в это время в окопах под деревней Жеребки-Хмелиска. В январе 1918 г. распоряжением советского правительства полк был отправлен в Нижний Новгород, где в марте 1918 г. был расформирован. Так заканчивается история Екатеринбургского полка.

В период гражданской войны в Белой Армии существовал 25 Екатеринбургский полк горных стрелков. В Красной Армии было несколько Екатеринбургских полков. Но это уже совершенно иные части, не имеющие никакого отношения к славному Екатеринбургскому пехотному полку. Он исчез в марте 1918 г., как и вся Русская Армия, созданная Петром Великим.

Анапский полк

335-й Анапский пехотный полк был сформирован в Екатеринбурге летом 1914 г. из запасных солдат Екатеринбургского и Верхотурского уездов, а также Саратовской губернии, призванных по всеобщей мобилизации. Командиром стал полковник Максим Никитич Полянский.

В октябре 1914 г. Анапский полк перешел границу России и Германии а затем вел тяжелые наступательные и бои в районе Пшерванкен – Поссессерн – Виллюден. Храбрость и мужество проявили многие солдаты и офицеры. 1 ноября 1914 г. отличился младший унтер-офицер 6-й роты Алексей Евгеньевич Пономарев уроженец Нижне-Исетской волости (с. Уткус) Он вызвался пойти «охотником» в разведку, нашел позицию неприятеля и вернулся с ценными сведениями. Его представили к Георгиевскому кресту 4-й степени.

2 ноября ефрейтор 8-й роты Вячеслав Васильевич Тагильцев (урож. Сысертской волости и завода) проник на вражеские проволочные заграждения, спровоцировал переполох среди сонных немцев, под сильным огнем вернулся к своим и сделал обстоятельный доклад. Наградой ему стал Георгиевский крест 3-й степени. Под пулеметным и ружейным огнем восстановили телефонную связь старший унтер-офицер Иван Алексеевич Мишарин (из д. Истоки Аравильской волости), **ефрейтор Петр Никитович Кудряшов (уроженец Кыштымской волости и завода)** и рядовой Степан Петрович Логиновских (урож. Ревтинской волости и завода).

Фельдшер Михаил Самсонович Разсохин (урож. Верхотурского уезда дер. Балакино) под ураганной огнем противника оказал помощь раненному командиру, за что был награжден Георгиевской медалью «за храбрость».

В феврале 1915 г. в ночном бою под г. Августовом отличился младший офицер 4-й роты прапорщик Гергард Карлович Шуберт (бывший канцелярский служащий в Екатеринбурге). За умелое руководство подчиненными он заслужил свой первый орден святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом.

В феврале и марте полк вел тяжелые бои с наступающим противником. Деревни и села переходили из рук в руки. В марте под натиском превосходящих сил уральцы начали отступать, но получили приказ перейти в контратаку и атаковали немцев. Командир полка капитан Белашов, удачно соединив удар во фланг с фронтальным натиском, обратил противника в бегство. Уральцы захватили в плен двух офицеров, около 350 солдат и 4 пулемета. Полк потерял в бою 19 солдат и 2 офицера, 143 раненых. Противник же оставил на поле боя 810 трупов.

Храбро вела бой пулеметная команда, где служило немало уральцев. Старший унтер-офицер Александр Иванович Михайлов (крестьянин Мраморского завода Екатеринбургского уезда) по собственной инициативе выдвинул пулемет из окопа на близкую дистанцию и его огнем способствовал уничтожению колонны противника. Под сильным ружейным огнем на открытой местности подносили воду и патроны к пулеметам ефрейторы Кирилл Иванович Трофимов (уроженец Щелкунской волости и села) и

Василий Петрович Казаков (уроженец Кыштымского завода), рядовые Павел Устинович Томилов (крестьянин дер. Решёта Верх-Исетской волости) и Мефодий Афанасьевич Баженов (мещанин г. Екатеринбург). Все герои-пулеметчики были награждены Георгиевскими крестами.

В бою 17 марта 1915 г. удачно действовали рядовые Николай Максимович Воронков (Арамильской волости и села), Захар Петрович Курдюков (Верхотурского уезда д. Белая Глина), Федор Петрович Чечулин (урож. Верхотурского уезда Монастырской волости д.

Лопатова), и Василий Григорьевич Пыусьянов (Арамильской волости д. Большой Исток). Они захватили вражеский пулемет, а когда выбыли из строя ротный командир и фельдфебель, под командой унтер-офицера захватили пленных и гнали их до укрепленных позиций.

В штыковой схватке отличился подпрапорщик 5-ой роты Алексей Александрович Санников (уроженец г. Екатеринбург, кавалер 3-х Георгиевских

крестов, погиб 22 апреля 1915 г.), ефрейтор 8-ой роты Александр Прокопиевич Прибавкин (Арамильской волости дер. Полетаевки), рядовые Григорий Михайлович Мишарин (крестьянин д. Исток Арамильской волости), Илья Федорович Медведев (урож. Камышловской волости д. Морозовки). Все были представлены к наградам. Анапский полк был расформирован в начале 1918 г.

195-й пехотный Оровайский полк

18 июля 1914 г. 195-му полку была объявлена мобилизация. 30 июля под командованием полковника Л. И. Третеского полк убыл на австрийский фронт. С августа 1914 и по февраль 1918 г. 195-й пехотный Оровайский полк находился на Юго-Западном, Западном и Румынском фронтах. Всего на Великой войне полк пробыл 1202 дня. Его общие потери составили 8,5 тысяч человек, то есть его состав обновился трижды. Большую часть войны полк провел в Карпатских горах, где неоднократно отличался в сражениях у Старосоли, Дуклинского перевала, г. Риманова и, наконец, в Лесистых Румынских Карпатах у массива Мунте-Корунта. За войну полк сменил десять командиров, дольше всего – с сентября 1915 по декабрь 1916 – им командовал Генерального штаба полковник В. В. Суходольский.

В 1917 г. командиром полка был офицер-борисовец Георгиевский кавалер-дубль полковник А. А. Дмитриев. За отличие в сражении у Старосоли в октябре 1914 г. 195-й пехотный Оровайский полк был представлен к награждению Георгиевским знаменем. Одновременно 3-й батальон представлялся к награждению знаком отличия «За бой у Старосоли 1 октября 1914 г.». По существующей традиции подобного рода награды утверждались и вручались военным частям после войны.

5 Особый пехотный полк (Экспедиционный корпус во Франции)

В начале 1916 г., уступая настоятельным просьбам союзников, российское верховное командование приняло решение о формировании и отправке на фронты западноевропейского театра военных действий специального российского экспедиционного корпуса.

В состав корпуса входили четыре особые пехотные бригады, каждая из которых состояла из двух трех-батальонных полков. В каждом батальоне – по три пулеметные роты с вооружением в 12 пулеметов.

Начальником 1-й бригады был назначен ген.-майор Лохвицкий, Георгиевский кавалер; командиром 1-го особого полка – полковник Нечволодов, 2-го – полковник Дьяконов. Начальником 2-й бригады, предназначенной для отправки на Салоникский фронт, был назначен генерал-майор Дитерихс, а командирами полков: 3-го – полковник Тарбеев, 4-го – полковник Александров.

Начальником 3-й бригады был назначен генерал-майор Марушевский, а полков: 5-го – полковник Нарбут, 6-го – полковник Симонов. Начальником 4-й бригады был назначен генерал Леонтьев, а командирами полков: 7-го – полковник Мочульский, 8-го – полковник Грундштрем.

Личный состав бригад насчитывал 180 офицеров и около 10000 нижних чинов. 1-ая бригада была сформирована в январе 1916 г. и отправлена во Францию длинным путем – по Транссибирской магистрали на Дальний Восток и далее морем из порта Дайрен (порт Дальний, ныне – Далянь) вокруг Азии (с заходом в Гонконг, Сингапур, Коломбо, через Красное море, Суэцкий канал, Средиземное море) в Марсель. Более короткий путь через Балтийское море исключался из-за активности там немецких подводных лодок.

Все последующие бригады экспедиционного корпуса формировались в более спокойном режиме и с большим учетом боевых требований. Эти бригады отправлялись уже через Архангельск. 2-я бригада прибыла в северные французские порты Брест и Нант в июле 1916 г. Затем по железной дороге ее перебросили через всю страну в Марсель, а оттуда морем – в Македонию, на Салоникский фронт.

В августе в Сент-Назере и Нанте высадились 3-я бригада, в составе которой было много Георгиевских кавалеров, успевших поехать на других фронтах. 4-я бригада прибыла в Брест и Ля-Паллис в сентябре-октябре. В отличие от третьей – в ней были новобранцы из резервных полков. Ее также как и вторую отправили в Македонию, но не из Марселя, а через военно-морскую базу Тулон.

На этом формирование корпуса не закончилось: в 1917 г. северным путем во Францию прибыла особая артиллерийская бригада генерал-майора И. Т. Беляева и инженерно-саперный батальон. Таким образом, общая численность Русского экспедиционного корпуса достигла 50 тысяч человек.

Вся эта сила не имела единого русского командования и находилась в оперативном подчинении французскому генштабу, который и решил использовать 1-ю и 3-ю бригады на Западном, а 2-ю и 4-ю – на Салоникском фронтах. После непродолжительной боевой подготовки в лагере Майи 1-я и 3-я бригады были направлены в северо-восточную провинцию Шампань. Вместе с 4-й армией генерала Гуро они вошли в состав Центрального фронта. Воевала 1-я бригада в 1916 г. в районе города Mourmelon-le-Grand, а на отдых располагалась в Майи в Шампани. В этой самой 1-й бригаде служил, тогда молодой солдат Родион Малиновский, будущий министр обороны СССР, маршал Советского Союза. Осенью корпус принял активное участие в завершающей стадии сражения под Верденом, вошедшего в анналы мировой военной истории под названием «Верденская мясорубка».

В тех жестоких боях в течение десяти месяцев участвовали 65 французских и 50 немецких дивизий, общие потери составили около миллиона человек. Благодаря героизму и отваге, проявленных русскими, французским войскам удалось ликвидировать прорыв

противника на этом участке фронта и вернуть себе утраченные позиции вокруг Вердена. В январе 1917 г. 3-я бригада понесла большие потери во время применённой немцами газовой атаки: 300 человек погибло и столько же пропало без вести.

События февраля 1917 г. в России раскололи армию на верных присяге, данной государю, и сторонников Временного правительства. Через небольшую паузу революционный резонанс докатился до частей Экспедиционного корпуса. Наступила всеобщая растерянность, которой с выгодой для себя воспользовались многочисленные агитаторы, доступно объяснявшие ход событий в своих листовках. Русские офицеры не знали, как реагировать на создание «солдатских комитетов», а французское командование – в апреле главнокомандующим стал генерал Нивель – столкнулось с новой головной болью в лице плохо управляемого иностранного вооруженного формирования на своей территории.

Сначала Нивель бросил русский контингент в пекло боев, которые обернулись страшным поражением для Антанты. Обе наши «французские» бригады потеряли около 5000 человек. После «бойни Нивеля» обида на главнокома переросла в откровенную злость ко всем французам, напряженность в солдатской среде увеличилась и стала выливаться в митинги с требованиями возвращения домой. Союзники не знали, как обуздать революционные настроения в русском корпусе и навести в нем порядок. Единственно, что удалось придумать – слить четыре поредевшие бригады в две дивизии, по одной на Францию и Македонию. Это случилось в мае 1917 г.

Первую дивизию разместили в лагере Ля Куртин. Однако, в ней наметился раскол на два враждебных лагеря. Одни были готовы продолжать служить и подчиняться приказам Временного правительства, другие требовали немедленной отправки на Родину. В этой обстановке комдив генерал М. И. Занкевич принял решение отделить группу лояльных властям подразделений от «бунтарей» и перебросить ее в район Бордо. В Ля Куртин остались преимущественно военнослужащие из бывшей 1-й бригады, отказывавшиеся повиноваться приказам командования. Встал вопрос о применении в отношении них силы.

Примерно в это же время из России во Францию для последующей переброски на Балканы прибыла артиллерийская бригада генерала Беляева. Из числа добровольцев этого соединения и лояльной части 1-й дивизии был сформирован ударный отряд, получивший название «батальон смерти». Генерал Занкевич издал приказ о добровольной сдаче властям и объявил ультиматум, срок которого истёк к утру 16 сентября. В 10 часов утра артиллерия открыла по лагерю огонь. За пять дней противостояний по лагерю было произведено более 500 артиллерийских выстрелов. Мятеж был подавлен, более 8000 человек сдались. Различные источники называют число погибших от 10 до 200.

В глазах французской общественности русские из союзников превратились в предателей. В этот драматический момент генерал Лохвицкий обратился к оставшимся верными присяге и долгу офицерам и солдатам с призывом сформировать боеспособную войсковую единицу для эффективного противостояния германским войскам на Западном фронте. В апреле 1918 г. четыре батальона Русского легиона были внесены в штатное расписание французских вооруженных сил в составе т. н. «марокканской дивизии». Весной 1918 г. Русский Легион отличился в тяжелых боях под Амьеном, а в мае принял участие в ликвидации прорыва противника под Суассоном. Тогда говорили, что русские спасли столицу Франции. За проявленные мужество и отвагу многие русские офицеры были награждены французскими орденами. Генерал Лохвицкий и капитан Лупанов стали кавалерами Ордена Почетного Легиона. Так Legion russe стал именоваться Легионом Чести.

К сожалению, долгое время о Русском экспедиционном корпусе (Русском легионе) широкой публике было мало известно. Русскому экспедиционному корпусу посвящена значительная часть мемуаров Маршала Советского Союза Родиона Малиновского «Солдаты России». Глава о корпусе есть в мемуарах военного атташе России во Франции в то время графа А. А. Игнатьева «Пятьдесят лет в строю». Издана книга А. Корлякова, Ж. Горохова: «Русский экспедиционный корпус во Франции и в Салониках 1916-1918 гг.».

Фотографии из фондов музея и личных коллекций

В фонде имеется копия фотографии Алексея Васильевича Новокрещенова (1893 г.р.), уроженца села Осолодка Бродокалмакского района Шадринского уезда (ныне Красноармейский район Челябинской области). Участника Первой мировой войны (Русский экспедиционный корпус во Франции 1916-1917 гг.).

На фото: А. В. Новокрещенов (справа) с товарищем
Оригинал этой фотокопии хранится в семейном архиве дочери А. В. Новокрещенова Ольги Алексеевны.

Список кыштымцев-участников Первой мировой

1.	Абрамов Иван Осипович
2.	Абрамов Михаил Осипович
3.	Абрамов Василий Осипович
4.	Абрамов Павел Осипович
5.	Абрамов Николай Осипович
6.	Богомолов Иван Федорович
7.	Буриченков Георгий Андреевич
8.	Власов Иван Андреевич
9.	Дмитрин Иван Григорьевич
10.	Дмитрин Петр Григорьевич
11.	Долгов Василий Андреевич
12.	Зуйков Иван Федорович
13.	Кзаков Василий Петрович
14.	Касков Александр Николаевич
15.	Клепалов Михаил Егорович
16.	Кочуров Федор Петрович
17.	Кудряшов Петр Никитович
18.	Максимов Андрей Николаевич
19.	Меренков Борис Дмитриевич
20.	Меховов Михаил Федорович
21.	Мещеряков Михаил Васильевич
22.	Новокрещенов Алексей
23.	Онуфриев Иван Андреевич
24.	Портнов Василий Васильевич
25.	Патрушев Василий Никитович
26.	Пичугов Тимофей Иванович
27.	Пыхов Николай Яковлевич
28.	Романов Егор Дмитриевич
29.	Романов Василий Дмитриевич
30.	Рыжаков Яков Александрович
31.	Сакович Карп Осипович
32.	Серков Дмитрий Иванович

33.	Сопляков Иван Васильевич
34.	Терентьев Владимир Яковлевич
35.	Тахтуев Константин Васильевич
36.	Устинов Федор Васильевич
37.	Чевдаев Федор Николаевич
38.	Щербаков Климентий Илларионович
39.	Юдин Иван Алексеевич
40.	Юдин Николай Алексеевич

Фотографии из фондов музея и личных коллекций Участники Первой мировой войны

На фото: Дмитрий Иванович Серков (первый слева) с товарищами
Фотоателье С. Адамовичъ, г. Калуга
Фотография из личного архива В. Прягина, жителя города Кыштыма

Серков Дмитрий Иванович жил в селе Кузнецком, призван в царскую армию, погиб на войне.
В середине 18 в. поселение Кузнецкое было приписано к Кыштымскому заводу. Сегодня – это Кузнецкое сельское поселение Аргаяшского района Челябинской области.

Лейб-гвардии Гренадерский полк

На фото: Солдаты Лейб-гвардии. Красное Село, 1915 г.
Фотоателье К. Ю. Янковского
Фотография из личного архива жительницы Кыштыма М. А. Лёзиной

Лейб-гвардии Гренадерский полк был сформирован графом П. А. Румянцевым по повелению императрицы Елизаветы 30 марта 1756 г. как 1-й гренадерский полк. 6 сентября 1760 г. полк первым из русских частей вошел в Берлин, за что был пожалован двумя серебряными трубами. 10 июля 1775 г. переименован в Лейб-гренадерский полк Екатериной II «в честь и уважение к пехоте армии Российской». В 1813 г. переведен в гвардию с названием Лейб-гвардии гренадерский полк, с правами Молодой гвардии, а в 1831 г. – полку пожалованы права старой гвардии. Особенно отличился полк в новой войне с Турцией в 1877 г. Последней военной кампанией, в которой принял участие полк, была Первая мировая война. В 1918 г. указом Троцкого полк был расформирован.

На фото: В. А. Долгов. 1903 г.

Фотоателье бр. Вирпша, г. Екатеринбург

Надпись на обороте: «15 февраля 1903 года в 10 часов утра от роду 19 лет 6 мес. 4 дня. В. А. Долгов»

Фотография из фондов Кыштымского музея

Долгов Василий Андреевич, унтер-офицер – уроженец г. Кыштыма (1883 г. р.) участник русско-японской, империалистической и гражданской войн. После войны работал бухгалтером на медеэлектролитном заводе.

На фото: В. В. Портнов. 1903 г.

Фотоателье И. Данилова, г. Москва

Надпись на обороте: «Христос Воскресе!»

Фотография из фондов Кыштымского музея

Портнов Василий Васильевич – уроженец города Кыштыма, участник русско-японской, империалистической, гражданской войн. Работал портным в артелях города.

Уже в первые дни всеобщей мобилизации, кроме запасных и новобранцев, на военную службу призвали и ратников ополчения первого разряда, т. е. бывших военнослужащих от 21 до 43 лет, уволенных по возрасту или ранению, а также врачей, ветеринаров, фельдшеров. С осени 1915 г. стали призывать ратников второго разряда. Из ополченцев формировались пешие дружины, конные сотни, артиллерийские батареи и саперные роты. На территории Пермской губернии было сформировано 19 дружин Государственного ополчения.

На фото: **Карп Осипович Сакович с женой Мокриной**. Польша, 1915 г.

Фотография из личного архива кыштымского краеведа Виктора Владимировича Казакова, почетного гражданина города

Саковичи – жители деревни Плески Бельского района Белостокской области (Польша). В 1914 г. Карп Осипович был призван в ряды царской армии. Служил в ополчении. Подвергся газовой атаке, в беспамятстве был пленен. Во французском плену находился до 1918 г. и был освобожден по декрету об обмене пленными. Вернулся Карп Осипович очень больной. Умер в 1919 г. так и не увидев младшей дочери, Анны (матери Виктора Владимировича). Кормиться было нечем, стали умирать: дед Осип, бабушка Матрена, Мокрина. Дети остались сиротами. Пришлось наниматься в батраки, так и выжили. Окрепшая Россия не дала погибнуть батракам-сиротам, все получили образование, профессию, вышли в люди. Они так и остались на Урале.

Нет солдата без котелка *Целый век служит в одной семье полевая утварь с царским гербом*

На память о Власове Иване Андреевиче – его внуку Владимиру Елисееву достались фотография деда 1917 г., иконы из его дома, кузнечские щипцы и – медный котелок.

Гранаты от каптенармуса

С этим котелком Иван Власов прошел Первую мировую войну. Полулитровая посуда до сих пор выглядит как новенькая и сияет медным жаром. Заржавела только проволочная ручка, а в остальном котелок по-прежнему готов к применению по прямому назначению.

Иван Власов – коренной кыштымец. Родился в 1889 г. в многодетной семье. Жили Власовы на улице Солонцовой близ Каменного колодца. Вырос Иван крепким парнем, потому и занялся кузнечным делом. Власовых в Кыштыме много, потому без прозвища в старину никак было не обойтись. Прозвали его Сорвичем.

– Видимо, производное от сорви-голова, – предполагает Владимир Александрович. – Боевой был, но справедливый. Сам не задибался, но и в обиду себя не давал.

Первая мировая началась 28 июля 1914 г. На ту пору Иван уже был семейным человеком и у него уже родился первенец, сын Николай. Куда был призван дед – родные не знают. В армии Власов служил каптенармусом. Это военный чин, ведающий учётом и хранением имущества, выдачей оружием и снаряжением. Фотография, которую он выслал родным, сделана в 1917 году. Хотя снимку почти сто лет, на погонах Ивана Власова отчётливо виден вышитый номер 263. Сейчас уже с помощью интернета можно установить место службы старшего унтер-офицера Власова. Жаль, что фото черно-белое, – можно было бы узнать по цвету погон порядковый номер полка в дивизии. Непосредственно цифры обозначают номер дивизии, а буквы на погоне – это вензель высочайшего шефа полка.

Как известно, после Февральской революции в российской армии начались разброд и шатания. А большевики, придя к власти, и вовсе заключили с немцами мир за несколько месяцев до капитуляции Германии. Россию вычеркнули из списка победителей в Первой мировой войне. Но это было еще пол-беда. Настоящая беда наступила в России с началом Гражданской войны. К тому времени Иван Власов уже вернулся в Кыштым.

Во время Гражданской войны он примкнул к советской власти и был в партизанах. Существует легенда, что, скрываясь от белых на горе Сугомак, Власов с товарищами

успели закопать ящик с боеприпасами в районе родной улицы Солонцовой, а вернувшись в город, о них забыли. Наверное, до сих пор лежат где-то в земле эти гранаты.

На вызов с чемоданчиком

Годы летят, и только уже в зрелом возрасте хочется остановиться, оглянуться и ощутить связь со своими корнями. Всё, что связано со своими предками Владимир Александрович и его родные бережно хранят. Когда среди старых вещей обнаружился медный котелок, Елисеев подумал, что это послание из сороковых годов. Но приглядевшись внимательно, увидел в трёх местах клеймо с царским гербом, буквами МЪДНО-ГРСКАЯ, названием мастерской «КОЛЬЧУГИН. МОСКВА» и год выпуска – 1910! Внутри медный свидетель первой мировой обработан оловом.

– Олово – отличный антисептик! – говорит Елисеев. – Ничем не отравишься. А как практично сделано – на суженном месте, через которое удобно пить, специальный наплыв из олова, чтобы крышка плотно сидела и вода не проливалась.

Внук не мог оставить без внимания дедовский подарок и нашёл ему прямое применение. Владимир Александрович служил в органах госбезопасности. А у таких серьёзных мужчин всегда наготове «тревожный чемоданчик» на случай экстренного вызова по делам службы. Вот в него-то и положил советский офицер повидавший виды медный котелок. Чтобы не противоречить словам «Как без винтовки нет солдата, Так нет его без котелка!» А внутрь котелка – ложку, вилку и кружку. Аккуратно, чтобы не брякали. Так и продолжал служить старина, верный друг русского солдата, уже в мирное время. С 1971 по 1997 год! И сейчас, в канун 100-летия первой мировой войны он снова в центре внимания. Как память о нашем земляке, унтер-офицере с улицы Солонцовой – Иване Власове.

Поэт-фронтовик Василий Чугай, «Баллада о котелке»:

«Когда бывалые солдаты

Речь заведут про службы срок –

Тому, кто служит маловато,

Помянут медный котелок...».

Галина Шангитова

(«Кыштымский рабочий». – 2014. – 31 июля)

Котелок и фотография Ивана Власова представлены на выставке, посвященной Первой мировой войне, которая открылась в Центральной библиотеке имени Швейкина.

Белая гвардия в лицах

Генерал-лейтенант Владимир Каппель

26 января 1920 г. на разъезде Утай в Иркутской губернии от двустороннего воспаления легких скончался один из ближайших соратников Верховного правителя России адмирала Александра Колчака, главнокомандующий Белыми войсками в Сибири 36-летний генерал-лейтенант Владимир Каппель.

Большинству современников его имя памятно по сцене бесстрашной «психической» атаки офицеров-каппелевцев из фильма «Чапаев». Однако мало кто знает, что Владимир Оскарович Каппель остался в истории не только как непримиримый борец с большевиками. Он был одним из героев Первой мировой войны. К примеру, в 1916 г. в штабе Юго-Западного фронта Каппель участвовал в разработке плана знаменитого «Брусиловского прорыва» –

самого крупного успеха русских войск в тех боевых действиях.

Убежденный монархист Каппель не принял ни Февральской, ни Октябрьской революции. 2 октября 1917 г. он оставил службу и уехал к семье в Пермь. Но уже летом 1918 г. оказался в Белой армии. В августе того же года офицерские добровольческие отряды под его командованием в Казани захватили вагоны с золотым запасом Российской империи. В советских газетах Каппеля стали называть «маленьким Наполеоном».

С ноября 1918 г. генерал сражался на Урале и в Сибири рядом с Верховным правителем России адмиралом Колчаком. Командовал корпусом, армией, фронтом. В многомесячном отступлении белогвардейцев к Тихому океану, названном Великим Сибирским Ледяным походом, тяжело заболел. Обмороженному Каппелю пришлось ампутировать стопу левой и пальцы правой ног. Причем – без наркоза, поскольку не было медикаментов. Но всего через несколько дней после операции генерал продолжал командовать войсками.

После смерти Каппеля отступающие белогвардейцы во избежание поругания не стали хоронить тело любимого генерала на территории, которую пришлось оставлять противнику. Упокоился Владимир Оскарович лишь в китайском городе Харбин. В 2006 г. перезахоронен в Донском монастыре в Москве рядом с генералом Антоном Деникиным.

Однако многие другие вожди Белой гвардии до крушения империи тоже успели славно повоевать на фронтах русско-японской и Первой мировой. Мы решили вспомнить боевые подвиги наиболее геройских из них.

Генерал от инфантерии Николай Юденич

Командовал полком в русско-японскую войну, награжден Золотым оружием за храбрость. С начала Первой мировой войны – командующий Кавказской армией. Войска под его командованием с боями успешно продвигались по территории Турции. 13-16 февраля 1916 г. Юденич выиграл крупное сражение под Эрзерумом, а 15 апреля того же года его солдаты овладели Трапезундом.

После Февральской революции отправлен в отставку Александром Керенским, как ярый противник нововведений в армии.

С января 1919 г. – лидер Белого движения на Северо-Западе России с диктаторскими полномочиями. 5 июня 1919 г. Верховный правитель адмирал Колчак известил Юденича телеграммой о его назначении «Главным командующим всеми русскими сухопутными, морскими вооруженными силами против большевиков на Северо-Западном фронте».

В сентябре-октябре 1919 г. организовал поход на Петроград. Дошел до Пулковских высот, но преданный руководством Финляндии и Эстонии, которые опасались великодержавных взглядов русского генерала, остался без резервов и снабжения. Поэтому вынужден был отступить. Войска Юденича были интернированы эстонцами.

Умер 5 октября 1933 г. во Франции.

Генерал от инфантерии Лавр Корнилов

С 1898 по 1904 г. занимался военной разведкой в Туркестане. Совершил ряд разведывательных экспедиций в Афганистан и Персию. В качестве военного агента работал против англичан в Индии и Китае.

В русско-японскую войну командовал бригадой. В сражении под Мукденом именно корниловцам было поручено в арьергарде прикрывать отход наших войск.

Первую мировую встретил командиром пехотной дивизии в Карпатах. Лично водил своих солдат в атаки. В ноябре 1914 г. в ночном бою при Такошанах группа добровольцев под командованием генерала Корнилова прорвала позиции неприятеля и захватила в плен 1200 австрийских солдат.

За стойкость его соединение вскоре получило официальное наименование «Стальная дивизия».

В апреле 1915 г. в Карпатах генерал Корнилов повел один из своих батальонов в штыковую атаку. Был ранен в руку и ногу и оказался в австрийском плену. Был отправлен в лагерь под Веной. Совершил две безуспешные попытки побега. Удачей завершилась лишь третья – в июле 1916 г.

В начале 1917 г. стал главнокомандующим Петроградским военным округом. Но в конце апреля отказался от этой должности, «не считая возможным для себя быть невольным свидетелем и участником разрушения армии». Уехал на фронт командовать 8-й ударной армией.

19 июля 1917 г. назначен Верховным главнокомандующим. Для восстановления порядка в войсках ввел смертную казнь. Многие увидели в генерале последнюю надежду на спасение России. И потому в августе поддержали его попытку выйти из подчинения Временному правительству, вошедшую в историю как «корниловский мятеж». Увы, попытка не удалась и Корнилова арестовали.

После Октябрьской революции генерал пробрался на Дон и принялся организовывать Добровольческую армию. 31 марта 1918 г. убит при штурме Екатеринодара.

Адмирал Александр Колчак

Крупный исследователь Арктики. За участие в полярных экспедициях награжден орденом Святого Владимира 4-й степени и Константиновской медалью.

В русско-японскую войну – командир миноносца «Сердитый». 1 мая 1904 г. корабль Колчака участвовал в постановке минного заграждения у Порт-Артура. Вскоре на русских минах подорвались японские броненосцы «Хацусэ» и «Ясима», что стало самым крупным успехом Тихоокеанской эскадры в той войне. Затем по расчетам Колчака «Сердитый» самостоятельно выставил минную банку. Через три месяца на ней получил пробоину и затонул японский крейсер «Такасаго»

За подвиги в той войне Александр Васильевич награжден орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и Георгиевским оружием.

Первую мировую встретил флаг-капитаном по оперативной части при командующем Балтийским флотом. Вновь проявил себя мастером минной войны. В феврале 1915 г. отряд кораблей под командованием Колчака выставил 200 мин на подходах к Данцигской бухте. Вскоре на них один за другим подорвались четыре крейсера, восемь миноносцев и 23 транспорта Германии.

Осенью 1915 г. в качестве командира Минной дивизии руководил высадкой десанта на занятый немцами южный берег Рижского залива.

31 мая 1916 г. с отрядом в составе миноносцев «Новик», «Олег» и «Рюрик» Александр Васильевич за полчаса разгромил крупный германский конвой, шедший из Швеции. В результате вражеские перевозки на этом маршруте были остановлены до конца войны.

С сентября 1916 г. – командующий Черноморским флотом. Русским на Черном море очень досаждали германские линейные крейсера «Гебен» и «Бреслау», базировавшиеся в Турции. По отработанным на Балтике методикам Колчак провел минирование Босфора. На этом заграждении подорвался вначале «Гебен», а затем и шесть вражеских подлодок. Набеги на наше побережье прекратились.

После Февральской революции был вынужден оставить службу.

С 1918 г. – Верховный правитель России. 15 января 1920 г. в Иркутске был предан союзниками и выдан местному эсеро-меньшевистскому руководству. По мнению историков, это произошло потому, что вместе с вагоном адмирала следовал поезд с золотым запасом России. И Колчак не раз заявлял, что не допустит вывоза принадлежащих народу ценностей за рубеж.

В ночь с 6 на 7 февраля того же года расстрелян без приговора суда.

Генерал-майор Михаил Дроздовский

В русско-японскую войну в составе 34-го Восточно-Сибирского полка отличился в боях у деревень Хейгоутай и Семапу, за что награждён орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». У деревни Семапу ранен в бедро.

В 1913 г. окончил Севастопольскую авиационную школу, где освоил полеты на аэроплане и воздушном шаре. Не раз лично участвовал в корректировке артиллерийского огня с воздуха.

С мая 1915 г. – начальник штаба 64-й пехотной дивизии. В одном из боевых документов про Дроздовского сказано: «Приказом командующего 10-й армией 2 ноября 1915 г. за № 1270 награждён Георгиевским оружием за то, что, принимая непосредственное участие в бою 20 августа 1915 г. у местечка Оханы, произвёл под действительным артиллерийским и ружейным огнём рекогносцировку переправы через Месечанку, руководя форсированием её, а затем, оценив возможность захвата северной окраины местечка Оханы, лично руководил атакой частей Перекопского полка и умелым выбором позиции способствовал действиям нашей пехоты, отбивавшей в течение пяти дней наступающие части превосходных сил противника».

С 6 апреля 1917 г. – командир 60-го Замосцкого пехотного полка. За тяжелый бой 11 июля 1917 г. по прорыву немецких позиций награждён орденом Святого Георгия 4-й степени.

Октябрьскую революцию встретил на Румынском фронте. С первого дня занялся формированием добровольческих офицерских отрядов. Отряд 2500 добровольцев из Ясс с боями привел на Дон и присоединился к Белой армии Деникина. Скончался от ран 8 января 1919 г.

Стратегическое значение крепости Осовец
Краткое описание долины реки Бобра на участке Августовский канал –
река Нарев

Река Бобр, на берегах которой расположена Осовецкая крепость (схемы 1 и 2), протекает по низменной болотистой долине, обладающей большим количеством отдельных озер, болот, рукавов и староречий. Осенью, весной и в дождливые периоды летом долина эта почти сплошь покрывается водой, образуя совершенно непроходимые пространства, и только в летнюю засуху местные жители находят тропы и броды, по которым можно пройти через долину и переправиться с одного берега Бобра на другой.

На правом участке болота занимают особенно большую площадь на правом берегу реки, к северу от селений Н. Долистово – Гониондз; здесь притоки Бобра, протекая по низменной болотистой местности, затопляют весной обширные пространства и уширяют таким образом долину Бобра до 10-15 км. В этом районе почти нет дорог, очень мало селений, отдельные дворы сообщаются между собой по речкам, каналам и узким тропам.

Противник не найдет здесь ни дорог, ни жилья, ни закрытий, ни позиций для артиллерии.

Левый возвышенный берег Бобра командует над рекой и ее долиной и представляет собой природную сильную для обороны позицию с прекрасным обзором и обстрелом, труднейшими подступами и удобным грунтом для возведения фортификационных сооружений.

К северу от Сосня начинается сосновый лес, который в районе селений Белашево – Цемношие и далее на север переходит в обширный лесной массив, крайне удобный для скрытого передвижения больших войсковых масс и расположения тяжелой артиллерии. Много лет командование крепостью думало о вырубке этого массива, известного под названием Белашевский лес; составлялись проекты, сметы, но дело оставалось на бумаге, а в 1915 г. этот лес был занят тяжелой артиллерией германского блокадного корпуса.

Левый берег Бобра на этом участке не имеет хорошего командования над впереди лежащей местностью, и природные позиции здесь не отличаются особой силой, потому форсирование противником долины шириной 1,5-2 км при выполнении некоторых инженерных мероприятий не представляет особых затруднений.

К юго-западу от Сосня начинается левый участок, здесь долина Бобра опять постепенно расширяется до 3-6-12 км.

На этом участке река, протекая среди непроходимых болот (Подлесское, Козий Рынок, Лафки и другие) обращает долину в естественную, трудно преодолимую преграду.

Левый берег этого участка представляет собой песчаное, лесистое, слегка всхолмленное плато, удобное для расположения войск и для производства фортификационных работ.

На промежутке между болотами Подлесское и Лафки существовала гать под названием Гончаровской. Гать находилась в полуразрушенном состоянии, однако после соответствующего исправления противник мог ею воспользоваться для переправы на левый берег Бобра.

На правом берегу долины, в 15-18 км от Сосня, выступает из болот возвышенный холмистый сухой район с достаточным количеством дорог, лесов и селений – Едвабно, Моцарже, Бржостово и др.

Район вполне пригоден для развертывания значительных войсковых сил, однако, ближайшим местом для переправы на левый берег Бобра является путь от селения Визна до селения Стренкова Гура, при впадении Бобра в Нарев.

Из сделанного краткого описания долины Бобра от Августовского канала до Нарева видно, что наиболее удобным местом для форсирования противником долины Бобра является средний участок – от Гониондз до Сосня.

Создание Осовецкой крепости с 1882 г. по 1914 г.

Железная дорога Граево – Белосток, пересекавшая долину Бобра на среднем участке, облегчала движение германской армии из пределов Восточной Пруссии к Белостоку – этому важнейшему узлу железных и шоссейных дорог, находящемуся на магистрали Варшава – Вильна.

Это обстоятельство еще более подчеркнуло значение указанного выше участка Гониондз – Сосня и заставило принять меры к затруднению его форсирования.

После соответствующих изысканий было решено затруднить это форсирование средствами долговременной фортификации, создав в первую очередь на левом берегу Бобра, в 2 км от железнодорожного моста, в непосредственной близости от полотна железной дороги, форт-заставу (схема 3), который и получил название форт-застава Осовец. Постройка форта началась в 1882 г.

Форт занимал значительную площадь – около 1 кв. км; начертание фронтов полигональное и кремальерное. Форт имел мощные двойные валы и глубокие рвы с фланговой пушечной обороной. Внутри форта имелось много кирпичных казематированных сооружений оборонительного и охранительного характера. Форт имел на вооружении 60 тяжелых орудий. Гарнизон форта состоял из соответствующего количества артиллеристов и четырех рот пехоты.

Еще форт не был закончен, как возникла идея активной обороны переправ через Бобр, которая требовала прочного владения правым берегом Бобра и безопасной переправы с одного берега на другой.

Для этой цели на правом берегу Бобра (см. схему 3), в 1,25 км от железнодорожного моста, началась постройка форта № 2, который был назван Заречным. Влево от этого форта до линии железной дороги возвели оборонительный гласис как вспомогательную пехотную позицию.

Заречный форт имел форму пятиугольника, площадь 500 X 400 м, рвы водяные, без фланговой пушечной обороны. Внутри форта были устроены две кирпичные казармы для гарнизона, состоящего из роты пехоты и соответствующего количества артиллеристов и сапер.

Сообщение с центральным фортом производилось по шоссе, которое было прикрыто от обзора и обстрела земляными брустверами высотой до 2 м. Через Бобр был построен деревянный мост на сваях, прикрытый земляным тет-де-поном, вооруженным четырьмя полевыми орудиями (см. схему 3).

Так как созданная позиция была однобокой и никакой внутренней площади не имела, а маневры 1883-1885 гг. указали на явную возможность переправы через долину Бобра около Шведского брода, то с 1886 г. стали возводить на левом берегу Бобра, в 2 км к юго-западу от форта № 1, форт № 3, который был назван Шведским. Этот форт имел форму правильного пятиугольника и размерами своими мало отличался от Заречного форта; особенностью устройства Шведского форта были глубокие сухие рвы, имеющие продольную пушечную оборону из кирпичных капониров.

С течением времени между фортами Центральным и Шведским построили оборонительные гласисы – северный и южный; гласисы были обеспечены водяными рвами.

Лесисто-холмистая площадь, обеспеченная двумя фортами – Центральным и Шведским – и гласисами – северным и южным, получила название плацдарма. На плацдарме стали постепенно развиваться работы по созданию батарей для тяжелых орудий, центральных пороховых погребов и гражданских сооружений – казарм, складов, жилого городка и пр.

В таком виде Осовецкая крепость стала называться крепостью-заставой Осовец.

Боязнь обхода крепости зимой с флангов, особенно с левого, заставила обратить внимание на правобережные высоты у Гониондз и на песчаные холмы под названием Лысая гора и другие на левом фланге крепости.

В 1892 г. были составлены, утверждены и начаты работы по созданию форта № 4 под названием Нового, Ломжинского редута, круглой батареи и других фортификационных сооружений на промежутке между фортами № 3 и 4.

К 1900 г. все эти работы в основном были закончены.

Что же касается правого фланга крепости, то здесь оборонительное строительство не вышло за пределы рекогносцировок и составления проектов.

Только в 1913 г. был утвержден проект Гониондзского узла, но приступить к работам по созданию долговременных сооружений не удалось вследствие начала военных действий.

В 1912 г., после пробной мобилизации, в крепости началось усиленное строительство новых сильных фортификационных сооружений и усиление существующих, чтобы они смогли оказать должное сопротивление новым мощным бомбам германской артиллерии.

В фортах Заречном, Шведском и Новом стали усиливать фортовые казармы, в Центральном форту приступили к постройке новых казарм. Кроме того, начались работы по устройству новых убежищ на плацдарме, на Лысой горе и на Заречной позиции. На Скобелевой горе началась постройка броневой батареи, единственной во всех русских сухопутных крепостях.

К сожалению, не все эти работы были закончены к началу войны, и некоторые из них, например, усиление казармы Нового форта, пришлось закончить спешным порядком, отступив от утвержденного проекта.

Таким образом, к началу 1914 г. Осовецкая крепость представляла собой долговременно укрепленную полосу, состоящую из двух позиций – Заречной на правом берегу и Главной на левом берегу Бобра; Главная позиция состояла из трех опорных пунктов – фортов № 1, 3, 4 – и укрепленных между опорными пунктами промежутков.

Прежде чем перейти к подробному описанию фортификационного устройства крепости, необходимо указать на значение крепости и задачи, которые должна была выполнить крепость в военное время, а именно:

1) преградить противнику ближайший и удобнейший путь на Белосток вдоль железной дороги Граево – Белосток, отразив все попытки форсировать реку открытой силой, и заставить противника потерять время или на ведение длительной осады, или на поиски обходных путей;

2) затруднить противнику устройство обходных путей и переправ;

3) облегчить действия наших войск, назначенных для обороны смежных с крепостью участков Бобра;

4) служить опорой для перехода наших войск в наступление для вторжения в пределы Восточной Пруссии;

5) в случае невозможности удержать противника на крепостных позициях подготовить все средства для полного уничтожения всех переправ и переправочных средств через Бобр и его болотистую долину.

Штурм крепости 6 августа 1915 г. с применением отравляющих газов; действия атаки и обороны, результаты действия газов

Немцы начали устраивать газовые батареи в конце июля (см. схему 15), всего было установлено 30 газовых батарей в несколько тысяч баллонов, батареи были хорошо замаскированы, к каждой группе батарей вел ход сообщения. Более 10 дней ждали немцы попутного (на крепость) ветра и, наконец, 6 августа в 4 часа пустили газ.

Германская пехота для штурма крепости была распределена следующим образом (схема 15):

76-й ландверный полк атакует Сосня и Центральный редут и наступает по тылам Сосненской позиции к дому лесника, что у начала железнодорожной гати;

18-й ландверный полк и 147-й резервный батальон наступают по обе стороны железной дороги, прорываются к дому лесника и атакуют совместно с 76-м полком Заречную позицию;

5-й ландверный полк и 41-й резервный батальон атакуют Бялогронды и, прорвав позицию, штурмуют Заречный форт.

Общий резерв в составе 75-го ландверного полка и двух резервных батальонов наступает вдоль железной дороги и усиливает 18-й ландверный полк при атаке Заречной позиции.

Таким образом, для атаки Сосненской и Заречной позиций были собраны следующие мощные силы и средства:

- 13-14 батальонов пехоты,
- 1 батальон сапер,
- 24-30 тяжелых осадных орудий,
- 30 батарей отравляющего газа.

В ночь на 6 августа передовая позиция крепости Бялогронды — Сосня была занята такими силами (см. схему 15):

Правый фланг (позиции у Бялогронды): 1-я рота Землянского полка и две роты ополченцев.

Центр (позиции от Рудского канала до центрального редута): 9, 10 и 12-я роты того же полка и рота ополченцев.

Левый фланг (позиция у Сосня): 11-я рота того же полка.

Общий резерв (у дома лесника): одна рота ополченцев.

Таким образом, Сосненскую позицию занимали пять рот 226-го пех. Землянского полка и четыре роты ополченцев, всего девять рот пехоты.

Высылаемый каждую ночь на передовые позиции батальон пехоты ушел в 3 часа на Заречный форт для отдыха.

В 4 часа 6 августа немцы пустили газ и открыли сильнейший артиллерийский огонь по железнодорожной гати, Заречной позиции, сообщениям Заречного форта с крепостью и по батареям плацдарма, после чего по сигналу ракетами пехота противника начала наступление.

Газы нанесли огромные потери защитникам Сосненской позиции – 9, 10 и 11-я роты Землянского полка погибли целиком, от 12-й роты осталось около 40 человек при одном пулемете; от трех рот, защищавших Бялогронды, оставалось около 60 человек при двух пулеметах.

При таких условиях немцы могли быстро овладеть всей передовой позицией и броситься на штурм Заречной позиции, однако наступление противника развивалось недостаточно быстро.

На правом фланге 76-й ландверный полк попал под свои же газы, понес огромные потери и, овладев Сосня, дальше не мог продвинуться, остановленный огнем остатков 12-й роты.

На левом фланге 5-й ландверный полк не мог проделать проходы в проволочных сетях Бялогрондской позиции, атака была отбита огнем защитников позиции, и атакующие роты (две или три) были отброшены в исходное положение. Наступление 41-го резервного батальона было остановлено появлением разведчиков 225-го полка из Осовца.

Боевые действия 18-го ландверного полка были более успешны: полк прорезал в проволочных сетях десять проходов и быстро овладел окопами первой и второй линий на участке Рудский канал – полотно железной дороги; приспособив окопы около двора Леонова для стрельбы по тылам позиции, полк продолжал продвигаться по обе стороны железной дороги и скоро достиг грунтовой дороги на Бялогронды (см. схему 15). Эта дорога проходила через единственный мост на Рудском канале, и занятие моста противником отрезало Бялогрондские позиции от остальных участков Сосненской позиции.

Комендант Сосненской позиции развернул роту ополченцев, представляющую общий резерв позиции, на песчаных буграх, вправо от окопов резерва (см. схему 15), и приказал

перейти в наступление; однако рота, потеряв более 50% отравленными и ранеными и деморализованная газовой атакой, задержать противника не смогла.

Создалось грозное положение: с минуты на минуту можно было ожидать, что немцы бросятся на штурм Заречной позиции — остановить их было некому.

Однако меры были приняты, комендант крепости, выяснив обстановку на Сосненской позиции, приказал начальнику 2-го отдела бросить в контратаку все, что можно, с Заречной позиции, крепостной артиллерии было приказано открыть огонь по окопам первого и второго участков Сосненской позиции и остальным войскам крепости быть готовыми к отражению штурма.

Батареи крепостной артиллерии, несмотря на большие потери в людях отравленными, открыли стрельбу, и скоро огонь девяти тяжелых и двух легких батарей замедлил наступление 18-го ландверного полка и отрезал общий резерв (75-й ландверный полк) от позиции.

Начальник 2-го отдела обороны высрал с Заречной позиции для контратаки 8, 13 и 14-ю роты 226-го Землянского полка. 13 и 8-я роты, потеряв до 50% отравленными, развернулись по обе стороны железной дороги и начали наступление; 13-я рота, встретив части 18-го ландверного полка, с криком «ура» бросилась в штыки. Эта атака «мертвецов», как передает очевидец боя, настолько поразила немцев, что они не приняли боя и бросились назад, много немцев погибло на проволочных сетях перед второй линией окопов от огня крепостной артиллерии. Сосредоточенный огонь крепостной артиллерии по окопам первой линии (двор Леонова) был настолько силен, что немцы не приняли атаки и спешно отступили.

14-я рота, соединившись с остатками 12-й роты, выбила немцев из окопов Сосня, взяв несколько человек пленными; немцы быстро отступили, бросив захваченные орудия и пулеметы.

К 11 час. Сосненская позиция была очищена от врага, крепостная артиллерия перенесла огонь на подступы к позиции, но противник атаки не повторил.

Так кончился этот штурм, на который немцы возлагали столько надежд. Велики были потери гарнизона крепости, но велико было и истощение германских полков; они не возобновили атаки, а обстановка на Сосненской позиции к 12 час. была для них крайне благоприятна — проходы в сетях были открыты, противоштурмовое вооружение на 50% уничтожено, на позиции находились три слабых утомленных роты, резервов на Заречной позиции не было.

В чем же заключается причина поражения германских войск, как могло случиться, что несколько десятков отравленных, утомленных стрелков 226-го полка обратили в бегство три полка германского ландвера?

Много было догадок по этому вопросу: говорили, что утром 6 августа немецкая пехота слишком рано пошла в наступление и понесла огромные потери от своих же газов, утверждали, что в 18-м ландверном полку началась паника, были высказаны предположения, что вообще ландверные полки, напуганные непроходимостью болот Бобра, с неохотой шли на штурм крепости, отбивая больше «шаг на месте», чем продвигаясь вперед, и пр. Может быть, здесь и есть доля правды, но действительная причина поражения германцев заключается в огромной выносливости русского солдата, его поразительной выдержке, стойкости и беззаветной храбрости.

Отражение газового штурма 6 августа 1915 г. является блестящей страницей в истории русской армии.

Газы, пущенные немцами 6 августа, имели темнозеленую окраску – это был хлор с примесью брома. Газовая волна, имевшая при выпуске около 3 км по фронту, стала быстро распространяться в стороны и, пройдя 10 км, имела уже около 8 км ширины; высота газовой волны над плацдармом была около 10-15 м.

Все живое на открытом воздухе на плацдарме крепости было отравлено насмерть, большие потери несла во время стрельбы крепостная артиллерия; не участвующие в бою

люди спаслись в казармах, убежищах, жилых домах, плотно заперев двери и окна, обильно обливая их водой.

В 12 км от места выпуска газа, в деревнях Овечки, Жодзи, Малая Крамковка, было тяжело отравлено 18 человек; известны случаи отравления животных – лошадей и коров. На станции Моньки, находящейся в 18 км от места выпуска газов, случаев отравления не наблюдалось.

Газ застаивался в лесу и около водяных рвов, небольшая роща в 2 км от крепости по шоссе на Белосток оказалась непроходимой до 16 час. 6 августа.

Вся зелень в крепости и в ближайшем районе по пути движения газов была уничтожена, листья на деревьях пожелтели, свернулись и опали, трава почернела и легла на землю, лепестки цветов облетели.

Все медные предметы на плацдарме крепости – части орудий и снарядов, умывальники, баки и прочее – покрылись толстым зеленым слоем окиси хлора; предметы продовольствия, хранящиеся без герметической укупорки – мясо, масло, сало, овощи, оказались отравленными и непригодными для употребления.

Газ оказался мощным средством поражения и мог свободно конкурировать с бомбами большой мощности.

Хмельков С. А.

(из книги: Борьба за Осовец. – М. : Воениздат НКО СССР, 1939)

Досье :

Хмельков Сергей Александрович (1879–1945) – военный инженер-фортификатор, доктор технических наук, профессор, генерал-лейтенант инженерных войск, Заслуженный деятель науки и техники РСФСР, основоположник теории построения фортификационных оборонительных сооружений в виде узлов сопротивления долговременных укрепленных позиций (укрепленный район).

В 1911 г. Хмельков С. А. окончил Николаевскую Инженерную академию. В Первую мировую войну принимал участие в обороне крепости Осовец, был дважды контужен, во время химической атаки на крепость получил отравление газами.

Успешно защитил диссертацию по теме обороны крепости Осовец, и получил ученое звание профессор.

С. А. Хмельков является автором ряда работ по истории и теории фортификации. В том числе, его авторству принадлежит книга «Борьба за Осовец», где он описывает устройство и состояние крепости Осовец к началу Мировой войны 1914–1918 гг. и борьбу этой крепости против германских войск в 1915 г.

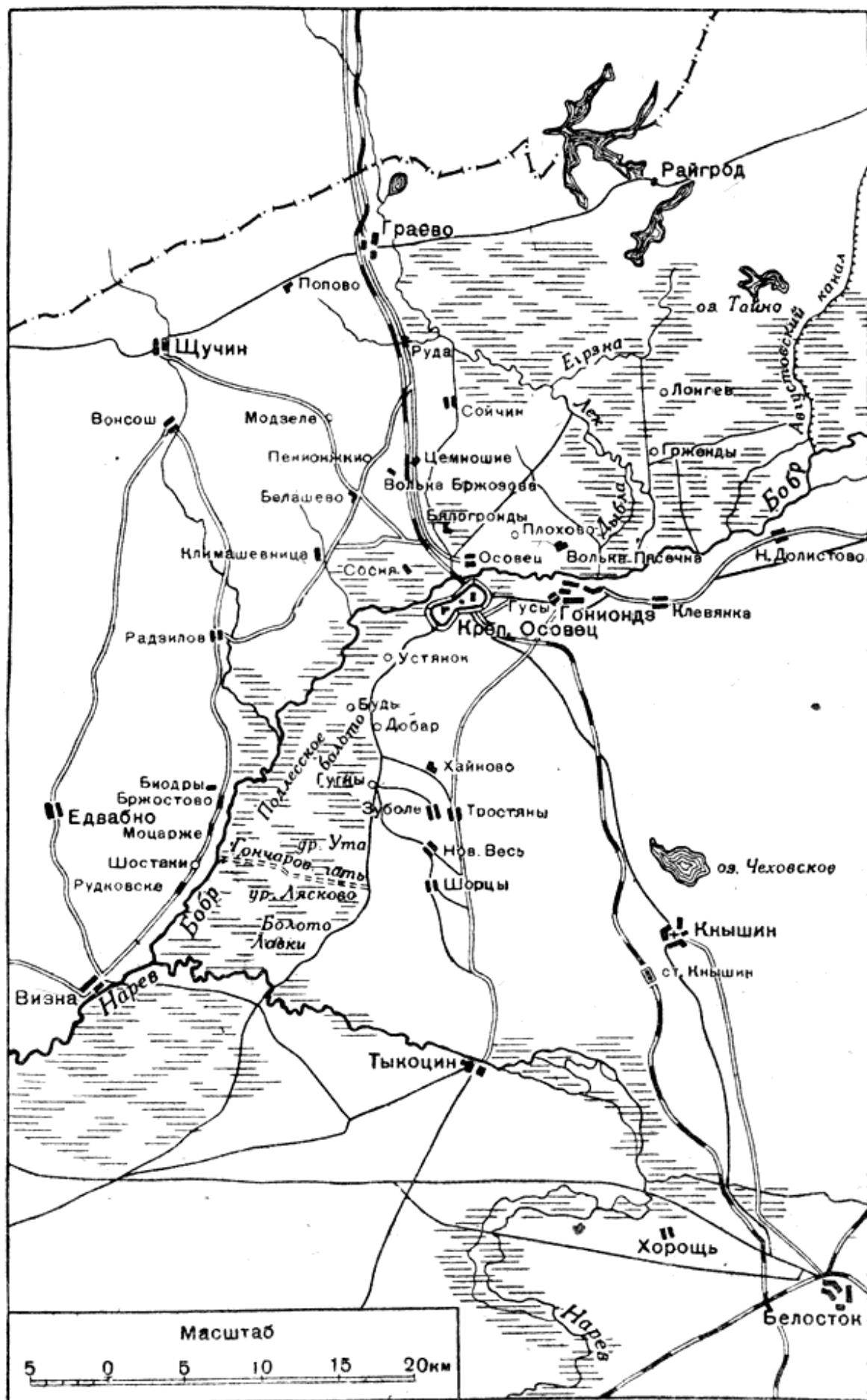

Схема 1. Схема долины Бобра от Августовского канала до Нарева

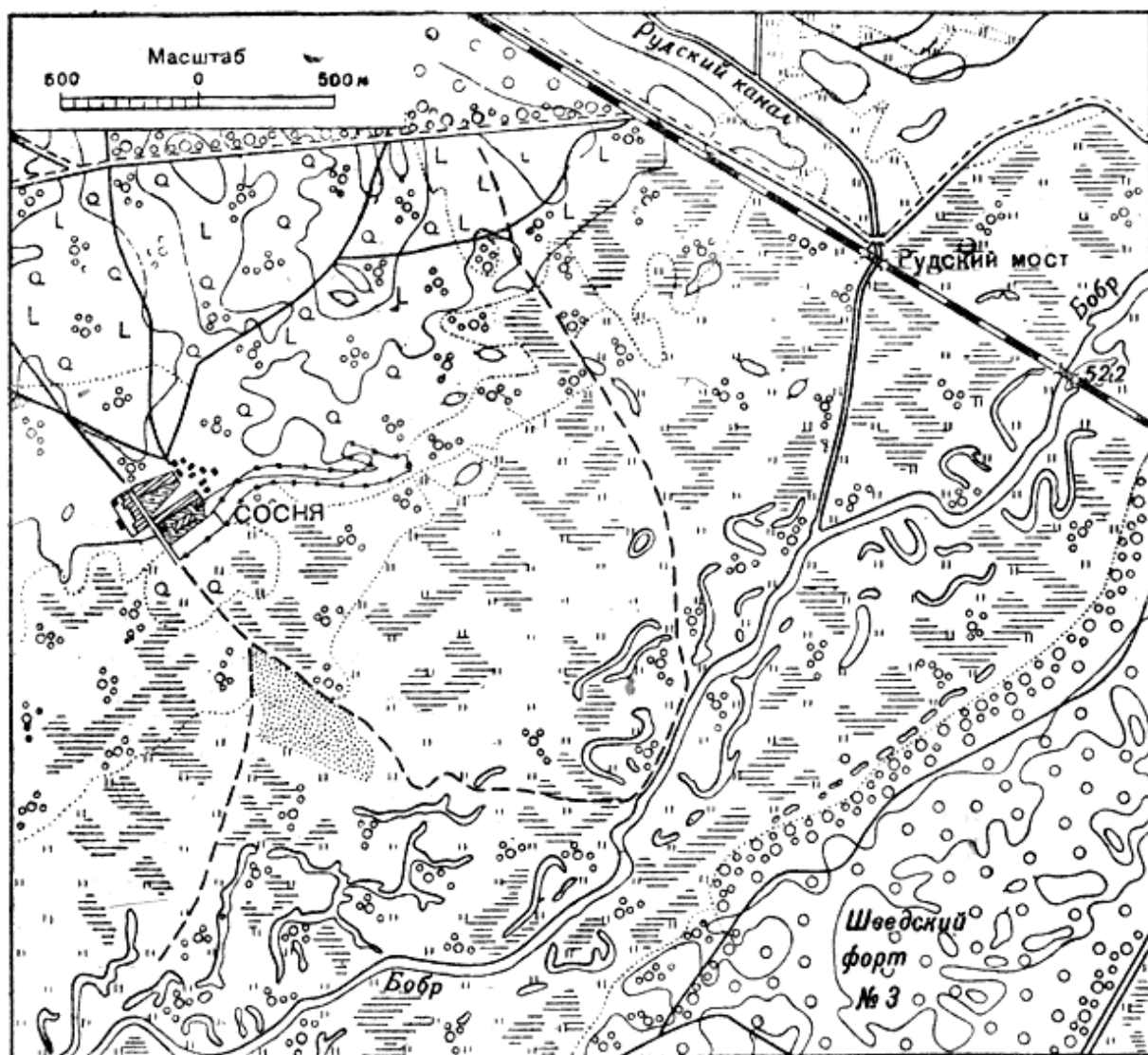

Схема. 2. Схема долины Бобра между железной дорогой, деревней Сосня и фортом № 3 (Шведским)

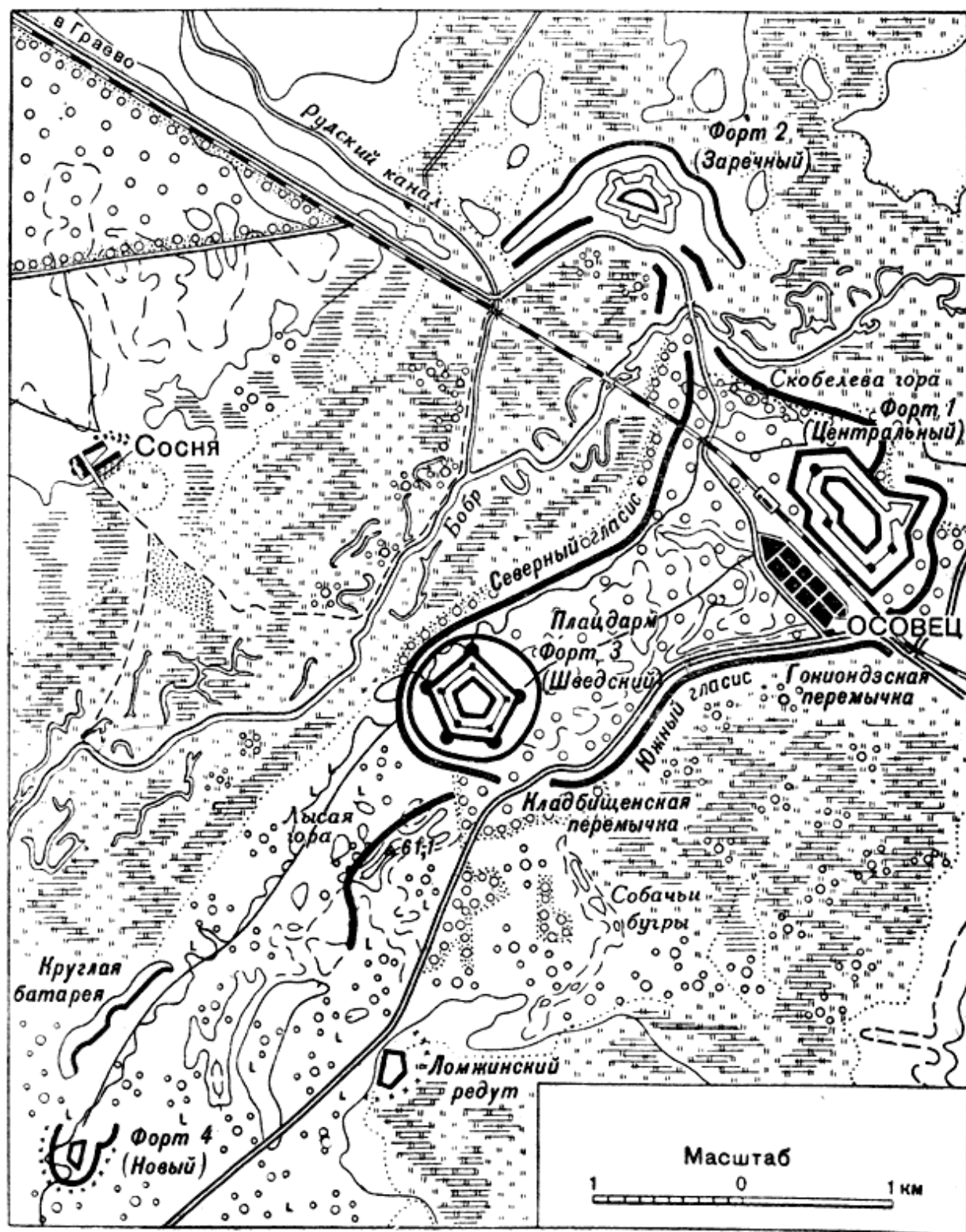

Схема 3. Схема развития Осовецкой крепости

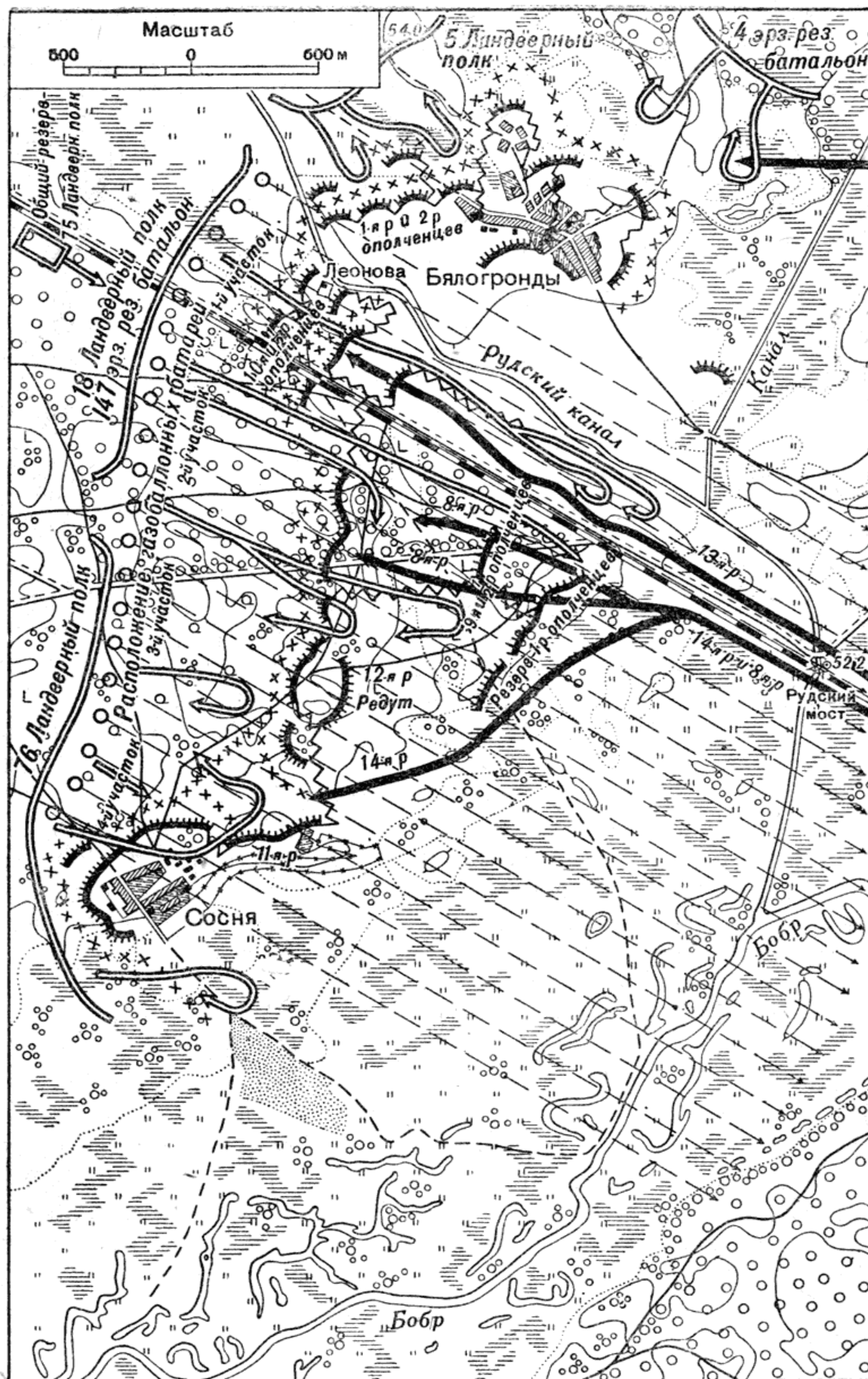

Схема 15. Атака передовых позиций Бялогронды-Сосня 6 августа 1915 г.

Осовец. Атака мертвецов

Под белым флагом парламентария в крепость Осовец явился германский офицер и сказал генералу Свечникову: «Мы даем вам полмиллиона имперских марок за сдачу фортов. Поверьте, это не взятка и не подкуп, это простой подсчет: при штурме Осовца мы истратим снарядов на полмиллиона марок. Нам выгоднее истратить стоимость

снарядов, но зато сохранить сами снаряды.

Не сдадите крепость, обещаю вам: через сорок восемь часов Осовец как таковой перестанет существовать!» Свечников вежливо ответил: «Предлагаю вам остаться со мною. Если через сорок восемь часов Осовец будет стоять, я вас повешу. Если Осовец будет сдан, пожалуйста, будьте так добры, повесьте меня. А денег не возьмем!».

Валентин Пикуль. «Нечистая сила»

Осовец – русская опорная крепость на реке Бобра у местечка Осовице (ныне Польша) западнее города Белосток. Построенная в 23 км от границы с Восточной Пруссией, она предназначалась для обороны стратегического коридора между реками Неман и Висла-Буг. Обойти Осовец было невозможно из-за сплошных болот: «В этом районе почти нет дорог, очень мало селений, отдельные двory сообщаются между собой по речкам, каналам и узким тропам» (Наркомат обороны СССР, 1939).

По планам русского Генштаба, Осовец должен был защищать от немецкого удара переправу через Бобру и транспортный узел Белосток, взятие которого открывало дорогу на Вильно, Брест, Гродно, Минск и далее везде: «Задачей было преградить противнику ближайший и удобный путь, заставить его потерять время на длительную осаду или поиск обходных путей» (С. А. Хмельков, участник обороны Осовца, впоследствии генерал-лейтенант Военно-инженерной академии СССР).

Европейские армии перешли к этому времени на высокоэффективные артиллерийские боеприпасы, которые обесценили существовавшие крепостные сооружения, и Военное министерство России приняло меры по повышению обороноспособности крепости: кирпичные стены усилили бетоном. Объекты строили исключительно из железобетона и бронедеталей.

К началу Первой Мировой на южном берегу Бобры в 2 км от железнодорожного моста стоял форт № 1 («Центральный») – оборонительный объект в виде шестиугольника площадью 1 км. Его главными позициями были внутренний вал высотой 16 м (открытые артиллерийские позиции) и внешний вал (пехотные стрелковые позиции) с толщиной у основания 50 м.

Вокруг был ров, защищенный капонирами и заполненный водой с трех сторон. Во внутреннем дворе форта находились казармы, арсенал, гарнизонная церковь. Северо-восточнее форта на Скобелевой горе был построен укрепленный объект. Стрелковые позиции с мощными железобетонными укрытиями на пехотную роту, оборудованные двумя наблюдательными бронеколпаками. В северной части – батарея полевой артиллерии. В центре – единственный тогда в России бронированный артиллерийский ДОТ с бронешашней системы «Gallopin» фирмы Schneider-Creusot под орудие калибра 152 мм. Эти башни широко применялись в крепостях Верден, Туль, Эпиналь и Бельфор.

Там же находился склад боеприпасов на 2000 зарядов. На северном берегу Бобры для защиты железнодорожного моста был построен форт № 2 («Заречный») размером 400x500 м, окруженный водяным рвом с капонирами. Внутри форта были казармы для стрелковой роты и артиллерийского взвода. В 2 км западнее форта № 1 находился форт № 3 («Шведский») для защиты речной переправы, наведенной здесь еще Карлом XII в 1708 г.

Форт состоял из одного вала со стрелковыми и артиллерийскими позициями. В 3 км западнее форта № 3 был возведен железобетонный форт № 4 («Новый»), окруженный земляным валом со стрелковыми позициями и глубоким рвом с водой. Внутри находились бетонные казармы, глубокие подвалы со сводчатыми перекрытиями (укрытия и арсенал).

Из-за недостатка средств форт к 1914 г. не был готов и служил в качестве вспомогательного объекта. В крепости были госпиталь, оружейные мастерские и даже кладбище. После начала Первой Мировой войны 8-я и 10-я германские армии начали движение из Восточной Пруссии в направлении России. На их пути был Осовец. 60 км фронта здесь держали 27 батальонов пехоты (19 армейских и 8 ополченческих), 13 сотен кавалерии и 26 полевых орудий. Гарнизон самой крепости состоял из пехотного полка, двух артиллерийских батальонов (72 орудия с боекомплектom 750-1000 выстрелов на каждое), саперного и вспомогательных подразделений. Стрелки были вооружены винтовками, легкими станковыми пулеметами Madsen обр.1902-03 гг., тяжелыми пулеметами Maxim обр. 1902-10 гг., турельными пулеметами Gatling.

Германский блокадный корпус состоял из 40 батальонов пехоты, саперного и воздухоплавательного батальонов, вспомогательных отрядов. Таким образом, превосходство было на стороне немцев. Еще большее превосходство было в артиллерии. Это была осадная техника в составе: 4 орудия калибра 420 мм «Большая Берта» (дальность стрельбы 14 км), 16 орудий 305-мм «Шкода» (13 км), 16 орудий 210-мм (11 км), 20 орудий 150-мм, 12 орудий 107-мм – итого 68 тяжелых орудий. Корпусу были приданы 7-й тяжелый артиллерийский полк и несколько батарей 12-го мортирного Саксонского полка.

Самыми мощными орудиями Осовца были устаревшие 150-мм пушки обр. 1877 г. (дальность стрельбы 8 км) и 107-мм пушки обр. 1877 г. (дальность стрельбы до 10 км). Уже во время осады из Кронштадта прибыли две дальнобойные 150-мм морские пушки.

Первый штурм

Первый натиск противник предпринял в сентябре, атаковав крепость пехотными батальонами. Оттеснив полевую оборону русской пехоты до линии, позволявшей стрелять по фортам из пушек, немцы 26 сентября начали обстрел. Он продолжался шесть дней. Немцы пошли на приступ, но были подавлены огнем крепостной артиллерии.

На следующий день две русские фланговые контратаки вынудили немцев спешно отступить. Эта неудача заставила их перейти к позиционным действиям. Чтобы предотвратить артобстрел фортов, русские попытались увеличить дистанцию занятием новых позиций в 8–10 км от крепости. После этого германцы решили «раздавить» крепость сверхпушками и стали наращивать свою тяжелую артиллерию, перебросив из Кенигсберга под Осовец осадные мортиры «Шкода». Противник дислоцировал этих гигантов вне досягаемости крепостной артиллерии в Белашевском лесу за 12 км от крепости.

Вторая попытка

3 февраля немцы опять пошли на штурм. Завязался тяжелый бой за первую линию русских полевых позиций. Пехотинцы в окопах держались 5 дней. Под натиском противника командование гарнизона ночью 9 февраля отвело их на вторую линию.

В течение следующих двух дней, несмотря на ожесточенные атаки, русские части удерживали оборону. Это позволило противнику 13 февраля вновь приступить к обстрелу фортов. Огонь велся залпами каждые четыре минуты. За неделю было выпущено 200 тысяч тяжелых снарядов, а всего за время осады – 400 тысяч! Большинство их поглотили болото, река Бобра, водяные рвы, но более 30 тысяч снарядов попали в объекты обороны. Русское командование просило гарнизон продержаться хотя бы 48 часов, обещая вырубку.

25 февраля противник начал новый обстрел, который продолжался до 3 марта. Главными целями были Скобелева гора, форты № 1 и № 2. Снаряды вздымали гигантские столбы грязи и воды, выбивали в земле целые кратеры; кирпичные строения разваливались, деревянные горели, бетонные давали огромные трещины в сводах и стенах; проводная связь была прервана, шоссе испорчено воронками; окопы, пулеметные гнезда, блиндажи были стерты с лица земли.

Это очень впечатлило европейских корреспондентов: «Страшен вид крепости, окутанной дымом, сквозь который то здесь, то там вырывались огромные огненные языки взрывов; столбы земли, воды и целые деревья летели вверх; земля дрожала, и казалось, ничто не может выдержать этого огня, ни один человек не выйдет целым из железного урагана» (майор Спалек в польском журнале «Сапер и войсковой инженер»). Крепость заволочла туча дыма и пыли. В казематах было трудно дышать. Положение ухудшил обстрел 420-мм снарядами, их было выпущено 30, по фортам № 1–8. Сверху Осовец бомбили немецкие аэропланы.

Крайне сложной была работа русской артиллерии. Особенно активно работала броневая батарея на Скобелевой горе. В тот же день, когда «Большие Берты» открыли огонь по крепости, две из них были поражены прямыми попаданиями.

Немцы небрежно отнеслись к маскировке гигантских орудий, предполагая, что «иван» их не достанет. Пушки обнаружила авиаразведка, и агентура подтвердила эти данные. 28 февраля две прибывшие из Кронштадта 150-мм пушки несколькими залпами подбили «Берты» и взорвали склад боеприпасов. Это произвело на немцев настолько тяжелое впечатление, что они эвакуировали оставшиеся «Берты» и больше из них не вели огонь по крепости. В противном случае борьба за Осовец могла закончиться печально, так как его казематы не выдерживали 420-мм снарядов.

Обстрел не дал результатов, крепость не сдалась. Вторая линия позиций также устояла. Израсходовав огромное количество снарядов, немцы 7 марта прекратили бомбардировку и ограничились стрельбой по батареям и тылам крепости. Неудача вынудила их вновь перейти к позиционным действиям, которые продолжались до начала июля.

Разведка доносила об активных фортификационных работах. Копая днем и ночью, они стремились приблизиться к русским окопам, а свои окопы опутали огромным количеством проволочных сетей, боясь вылазок из гарнизона. Осовец в это время жил сравнительно спокойно. Бобра разлилась, каналы вышли из берегов, болота набухли водой, крепость стала в полном смысле неприступной. Но комендант заявил, что это затишье перед бурей, и приказал вести разведку на всем фронте обороны, усилить вылазки и возобновить фортификационные работы, особенно на передовой позиции (окопы в поле) перед фортом № 2 на правом («вражеском») берегу.

«Атака мертвецов»

В июле германская армия начала широкомасштабное наступление, целью которого был все еще непокоренный Осовец. Ключом к его разгрому был захват полевых позиций между н. п. Сосня и Бялогронды и форта № 2. Для этого немцы стянули в кулак 14 батальонов пехоты (5, 8 и 76-й полки, более 7000 солдат), 1 батальон саперов, 30 тяжелых осадных орудий, 30 батарей (несколько тысяч баллонов) отравляющего газа.

К концу июля они подошли траншеями на 200 м к русским проволочным сетям, вкопали и замаскировали газовые батареи и стали ждать попутного ветра. 6 августа стало для защитников Осовца черным днем.

В то утро на Сосненской позиции было 5 рот (1, 9, 10, 11, 12-я) 226-го пехотного Землянского полка и 4 роты ополченцев. 3 сменных роты (8, 13 и 14-я) находились в форту № 2. Рассчитывать на помощь крепости не приходилось. Заградительный огонь противника не давал возможности перебросить подкрепление на правобережье.

В 4 часа немцы открыли артогонь по всем целям, одновременно пустив газы. Темно-зеленый туман смеси хлора с бромом потек на русские позиции и накрыл их за 5–10 минут. Выпущенная на фронте шириной 3 км газовая волна достигла размеров 8 км в ширину и 20 км в глубину. В этой «зоне смерти» погибло все живое. Листья на деревьях пожелтели, свернулись и опали, трава почернела и легла на землю.

Медные предметы (части орудий и снарядов, умывальники, баки и т. д.) покрылись толстым зеленым слоем окиси хлора. Продовольствие без герметической укупорки (мясо, масло, сало, овощи) было отравлено. Русские части понесли огромные потери: полностью погибли 9, 10 и 11-я роты, от 12-й осталось 40 человек при одном пулемете; от трех рот на защите Бялогронды осталось 60 человек при двух пулеметах.

Газ застаивался в лесу, низинах и около водяных рвов. Вторичное отравление вело к смерти. Большие потери понесла крепостная артиллерия. Люди, которые находились в казармах, убежищах, жилых домах, спаслись, плотно закрыв двери и окна, обильно обливая их водой. После газовой атаки по сигналу 14 батальонов немцев двинулись для занятия выжженных позиций. Но когда германские цепи подошли к русским окопам, им навстречу в штыковую контратаку с криком, а точнее, с хрипом «ура» поднялись выжившие защитники – остатки 8-й и 13-й рот, чуть больше 100 человек.

Еле держась на ногах, они все-таки встали на бой, который, казалось бы, проигран. Вид их был ужасен. Со следами химических ожогов на лицах, обмотанные тряпками, они харкали кровью, буквально выплевывая куски легких на окровавленные гимнастерки.

Неожиданность атаки и вид противника ввергли германцев в такой ужас, что они сломались. Три пехотных полка (7000 штыков!) стадом ринулись назад, затапывая своих. Запутавшись в проволочных заграждениях второй линии окопов, многие из них погибли от шрапнели русских батарей. Сосредоточенный огонь по окопам первой линии, уже занятой немцами, был настолько силен, что те бежали и оттуда, бросив захваченные орудия и пулеметы. К 11 часам дня все было кончено. Сосненская позиция была полностью очищена от врага, крепостная артиллерия перенесла огонь на немецкие окопы, довершая начатое дело. Так кончился газовый блицкриг, на который возлагались большие надежды. Газ оказался мощным средством поражения, мог свободно конкурировать со снарядами большой мощности. Но немцы, впад в тяжелый нокдаун, наступать больше не решились. Хотя обстановка была крайне благоприятной.

К этому времени крепость держалась уже полгода. 6 августа показало ее полную беззащитность от газовых атак. Нужно было срочно принимать меры. Разведка сообщала, что противник готовит штурм с применением еще большего количества газа. Однако в это время обстановка изменилась. Русская армия стала отходить из Польши, стратегическая необходимость в обороне Осовца отпала.

Пришел приказ об эвакуации. Она началась 18 августа и прошла без паники, в соответствии с планом. Отходя, армия организовывала и эвакуацию мирного населения. Все, что нельзя было вывезти, а также уцелевшие укрепления были взорваны. 22 августа последним опустевшую крепость покинул комендант генерал-майор Николай Бржозовский. Подойдя к саперам в полукилометре от нее, он сам повернул ручку взрывателя, и Осовец взлетел на воздух. Войдя 25 августа в руины, немецкие войска не нашли ни одного патрона, ни одной банки консервов.

О крепости

Осовец не был первоклассной крепостью. Его укрепления были просто усилены, а древняя артиллерия не могла тягаться с немецкой. Сила его заключалась в расположении:

он стоял на высоком берегу реки среди непроходимых болот. Окружить его враг не мог, остальное сделала доблесть русских солдат. Осовец сорвал планы немцев, на 6 месяцев преградив им путь на восток.

О людях

Это особая тема. 900-килограммовые снаряды крушили сталь и бетон, позиции были адом, высшее командование уже не верило, что Осовец выстоит, но дух русского солдата не был сломлен. Гарнизон скоро привык к реву и взрывам снарядов; измученные боями и оборонительными работами солдаты балагурили, глядя на ходящие ходуном стены казематов: «Пушай стреляет, по крайней мере выпьемся», — и держались месяц за месяцем. В крепости были опытные офицеры и инженеры, во главе с решительным комендантом, патриотом России. А вот летописцев у Осовца не было. Героем тут был каждый.

...Кем был солдат, пулеметом прижавший к земле ворвавшуюся на позиции немецкую пехоту? Под артогнем погибла вся его рота, а он чудом выжил и, оглушенный взрывами, чуть живой, косил врага, пока его не забросали гранатами. Он спас позицию, и, возможно, всю крепость. Его имя мы не узнаем никогда.

...На защитников ползет зеленое облако смерти; люди хрипят, задыхаются, обматывают лица гимнастерками, выкашливают кровь и куски легких — как поднять их с земли, заставить драться? Кем был тот поручик ополченческого батальона, что через кашель прохрипел «За мной!», встал из окопа и пошел навстречу врагу? Его тут же убили, но ополченцы поднялись и дрались, пока им на помощь не подоспели стрелки.

...А артиллеристы броневой батареи на Скобелевой горе, по которым германец выпустил 2000 тяжелых снарядов? Они оглохли от непрерывного грохота, из ушей текла кровь. И этот ад длился полгода.

...Архивы не сохранили и имена расчетов, прямыми попаданиями разбивших «Большие Берты». Совершив подвиг, они остались безвестными.

Отражение газового штурма 6 августа 1915 г. является блестящей страницей в истории русской армии. Ничего подобного в мировой военной практике не было. Позже сами немцы назвали эту контратаку «атакой мертвецов». Как же могло получиться, что полуживые воины с тремя пулеметами обратили в бегство три полка «самой лучшей в мире» германской пехоты?

Отговорок было много: «Наша пехота слишком рано пошла вперед и понесла потери от своих же газов»; «Солдаты, напуганные непроходимостью болот, больше топтались на месте, чем шли вперед» и т. д. и т. п. Может быть, доля правды в этом и есть.

Но действительная причина поражения умелого германского вояки заключалась в иной «непроходимости»: в огромной выносливости русского солдата, его уникальной стойкости и храбрости.

С конца XIX в. германский генеральный штаб превратил войну в точную науку. Операции просчитывались до мельчайших деталей, до секунды; ловушки, в которые попадала русская армия, были многократно отрепетированы на учениях. В деле убивания людей немцы были «впереди планеты всей».

Первыми создали фантастические пушки, первыми применили газ для массового убийства; им не приходилось экономить снаряды; их грамотные солдаты умели читать карту, казались инициативней и толковее русских крестьян, но ...Они не могли, не могут и не смогут умирать за Родину, «за други своя». Не смогут ложиться на амбразуру дзота, вызывать огонь на себя. А наш солдат сможет! Даже сейчас, когда его усиленно инфицируют деньгоманией и пофигизмом. Потому что это – хромосомный набор, и у нас он иной, нежели у них. Русские не сдаются.

Справка

«Большая Берта» (нем. «Dicke Berta») – немецкая 420-мм мортира для разрушения особо прочных фортификационных сооружений. Построена на заводах «пушечного короля» Круппа в 1914 г. Скорострельность – 1 выстрел в 8 минут, дальность стрельбы – 14 км, вес снаряда – 900 кг. Все три типа снарядов обладали огромным для того времени

могуществом: взрыв фугасного образовывал воронку глубиной 5 м и диаметром 15 м; осколочный имел 15000 осколков с убойной силой до 2 км; бронебойный пробивал перекрытия из стали и бетона до 2 м.

В Первой Мировой войне «Берты» успешно сокрушили дюжину хорошо укрепленных французских и бельгийских крепостей. Практика показала: для уничтожения форта с гарнизоном в 1000 человек необходимы две мортиры, 24 часа и 360 снарядов. Союзники на Западном фронте называли эти пушки «убийцами фортов» (forts killers).

Всего было построено девять орудий, под Осовец привезли четыре из них, недавно разворотившие бельгийскую крепость Льеж. При осаде форта Лонкан единственный снаряд «Берты» пробил укрытия до подвального арсенала, в результате чего весь форт взлетел на воздух.

«Война химиков»

В Первой Мировой войне крупной инновацией стало применение химического оружия. Противники применяли вещества как просто вредные (слезоточивый газ), так и смертельно ядовитые (хлор, фосген). В августе 1914 г. французы стали стрелять по немцам снарядами со слезоточивым этиловым бромацетатом.

Немцы в октябре обстреляли англичан снарядами с химическим раздражителем, а 3 января 1915 г. первыми применили газ как оружие массового смертельного поражения, выпустив 18000 артиллерийских снарядов с ксилит-бромидом на русские позиции под Варшавой.

Основным козырем немцев был хлор. Распыляя его из баллонов по направлению ветра, они травили им противников и на западе, и на востоке. Хлор поражал слизистые оболочки глаз, носа, горла и легкие, вызывал смерть от удушья.

Его смертельный потенциал был невелик (4% смертей от общего количества пораженных), но это было эффективное психологическое оружие. Пехота в панике бежала уже при виде зеленого хлорного облака. Антанта возмутилась: «Германия нарушила международное право», но Берлин парировал: «Гаагская конвенция запрещает применение отравляющих снарядов, а не газов».

Забросав союзников у бельгийского города Ипр минами с маслянистой жидкостью, Германия первой применила иприт. Боевой газ фосген первыми применили в 1915 г. французы. К апрелю 1917 г. были произведены сотни тонн ОВ, так и оставшихся невостребованными на складах; на фронт было доставлено лишь 138 пудов жидкого хлорида. Однако сведений о его использовании нет.

Артем Денисов

Фотографии из фондов Кыштымского музея

Две фотографии неизвестных, имеющиеся в фонде музея – настоящий подарок судьбы. Информации о том, кто на них изображен, к сожалению, нет. Однако из надписи на обратной стороне с удивлением узнаем, что эти молодые люди имеют какое-то отношение к крепости Осовец и ее защитникам.

Фото неизвестного. 1907 г.

Фотоателье С. Карасикъ, г. Гоніондзь

Надпись на обороте: «На добрую память товарищу М. Н. по военщине отъ А. Романова 25-го ноября 1907 г. Кр. Осовец».

Фотография датирована 1907 г., это аж за 7 лет до начала Первой мировой, можно думать, что этот молодой человек служил в крепости Осовец, и, возможно, застал этот чудовищный 1915 г.

Фото неизвестного
Фотоателье С. Карасикъ, г. Гоніондзь
Надпись на обороте: «Крепость Осовец»

Гониондз – заштатный город Гродненской губернии Белостокского уезда, станция железной дороги, пристань на реке Бобре. Основан в XIII в., присоединен к России 1807 г. Жителей 4000 чел. С 1921 г. Гониондз – в составе Польши.

Бессменный часовой

Генерал-майор Бржозовский покинул опустевшую крепость последним. Он подошел к расположившейся в полукилометре от крепости группе саперов. Царило тягостное молчание. Последний раз, посмотрев на свою полуразрушенную, осиротевшую, но непобедимую крепость, комендант Бржозовский сам повернул ручку. Целую вечность бежал по кабелю электрический ток. Наконец, раздался страшный грохот, под ногами затряслась земля и в небо взметнулись фонтаны земли вперемешку с кусками железобетона. Осовец – умер, но не сдался!

Так завершилась более чем полугодовая героическая оборона крепости Осовец.

Гарнизон ушел, часовой остался...

К августу 1915 г. в связи с изменениями на Западном фронте, стратегическая необходимость в обороне крепости потеряла всякий смысл. В связи с этим верховным командованием русской армии было принято решение прекратить оборонительные бои и эвакуировать гарнизон крепости. Но в ней и в окружавших ее фортах находились многочисленные армейские склады, и надо было сделать все, чтобы запасы, хранившиеся там, не попали в руки врага.

18 августа 1915 г. началась эвакуация гарнизона, которая проходила без паники, в соответствии с планами. Эвакуация крепости – тоже пример героизма. Потому как вывозить все из крепости пришлось по ночам, днем шоссе было непроходимо: его беспрестанно бомбили немецкие аэропланы. Не хватало лошадей, и орудия приходилось тащить вручную и каждое орудие тянули на лямках 30-50 человек. Все, что невозможно было вывезти, а также уцелевшие укрепления, которые противник мог бы использовать в своих интересах, были взорваны саперами. Вывод войск из крепости закончился 22 августа и лишь несколько дней спустя немцы решились занять развалины.

В 1918 г. руины героической крепости стали частью независимой Польши. Начиная с 20-х гг., польское руководство включило Осовец в свою систему оборонных укреплений. Началось полномасштабное восстановление и реконструкция крепости. Было проведено восстановление казарм, а также разборка завалов, мешающих дальнейшему ходу работ.

При разборе завалов, около одного из фортов, солдаты наткнулись на каменный свод подземного тоннеля. Работа пошла с азартом и уже довольно быстро была пробита широкая дыра. Подбадриваемый товарищами в зияющую темноту спустился унтер-офицер. Горящий факел вырвал из кромешной тьмы сырую старую кладку и куски штукатурки под ногами.

И тогда произошло нечто невероятное.

Прежде чем унтер-офицер успел сделать несколько шагов, откуда-то из темной глубины тоннеля гулко прогремел твердый и грозный окрик: – Стой! Кто идет?

Унтер остолбенел.

– Матка Боска, – перекрестился солдат и рванул наверх.

И как полагается, наверху, он получил должную взбучку от офицера за трусость и глупые выдумки. Приказав унтеру следовать за ним, офицер сам спустился в подземелье. И снова, едва лишь поляки двинулись по сырому и темному тоннелю, откуда-то спереди, из непроницаемо-черной мглы так же грозно и требовательно прозвучал окрик:

– Стой! Кто идет?

Вслед за тем в наступившей тишине явственно лязгнул затвор винтовки. Инстинктивно солдат спрятался за спину офицера. Подумав и справедливо рассудив, что нечистая сила вряд ли стала бы вооружаться винтовкой, офицер, хорошо говоривший по-русски, окликнул невидимого солдата и объяснил, кто он и зачем пришел. В конце он спросил, кто его таинственный собеседник и что делает под землей.

Поляк ожидал всего, но только не такого ответа:

– Я, часовой, и поставлен сюда, охранять склад.

Сознание офицера отказывалось воспринять такой простой ответ. Но, все же взяв себя в руки, он продолжил переговоры.

– Могу я подойти, – взволновано спросил поляк.

– Нет! – сурово раздалось из темноты. – Я не могу допустить никого в подземелье, пока меня не сменят на посту.

Тогда ошеломленный офицер спросил, знает ли часовой, сколько времени он пробыл здесь, под землей.

– Да, знаю, – последовал ответ. – Я заступил на пост девять лет назад, в августе тысяча девятьсот пятнадцатого года. Это казалось сном, нелепой фантазией, но там, во мраке тоннеля, был живой человек, русский солдат, простоявший в карауле бессленно девять лет. И что невероятнее всего, он не бросился к людям, возможно врагам, но все же, людям общества с которыми он был лишен целых девять лет, с отчаянной мольбой выпустить его из страшного заточения. Нет, он остался верен присяге и воинскому долгу и был готов защищать вверенный ему пост до конца. Неся свою службу в строгом соответствии с воинским уставом, часовой заявил, что его может снять с поста только разводящий, а если его нет, то «государь император».

Начались долгие переговоры. Часовому объяснили, что произошло на земле за эти девять лет, рассказали, что царской армии, в которой он служил, уже не существует. Нет даже самого царя, не говоря уже о разводящем. А территория, которую он охраняет, теперь принадлежит Польше. После продолжительного молчания солдат спросил, кто в Польше главный, и, узнав, что президент, потребовал его приказа. Лишь когда ему прочитали телеграмму Пилсудского, часовой согласился оставить свой пост.

Польские солдаты помогли ему выбраться наверх, на летнюю, залитую ярким солнцем землю. Но, прежде чем они успели рассмотреть этого человека, часовой громко закричал, закрывая лицо руками. Лишь тогда поляки вспомнили, что он провел девять лет в полной темноте и что надо было завязать ему глаза, перед тем как вывести наружу. Теперь было уже поздно – отвыкший от солнечного света солдат ослеп.

Его кое-как успокоили, пообещав показать хорошим врачам. Тесно обступив его, польские солдаты с почтительным удивлением разглядывали этого необычного часового.

Густые темные волосы длинными, грязными космами падали ему на плечи и на спину, спускались ниже пояса. Широкая черная борода спадала до колен, и на заросшем волосами лице лишь выделялись уже незрячие глаза. Но этот подземный Робинзон был одет в добротную шинель с погонами, и на ногах у него были почти новые сапоги. Кто-то из солдат обратил внимание на винтовку часового, и офицер взял ее из рук русского, хотя тот с явной неохотой расстался с оружием. Обмениваясь удивленными возгласами и качая головами, поляки рассматривали эту винтовку.

То была обычная русская трехлинейка образца 1891 г. Удивительным был только ее вид. Казалось, будто ее всего несколько минут назад взяли из пирамиды в образцовой солдатской казарме: она была тщательно вычищена, а затвор и ствол заботливо смазаны маслом. В таком же порядке оказались и обоймы с патронами в подсумке на поясе часового. Патроны тоже блестели от смазки, и по числу их было ровно столько, сколько

выдал их солдату караульный начальник девять лет назад, при заступлении на пост. Польский офицер любопытствовал, чем смазывал солдат свое оружие.

– Я ел консервы, которые хранятся на складе, – ответил тот, – а маслом смазывал винтовку и патроны.

И солдат рассказал откопавшим его полякам историю своей девятилетней жизни под землей.

В день, когда был взорван вход в склад, он стоял на посту в подземном тоннеле.

Видимо, саперы очень торопились, чтобы вложиться в график и, когда все было готово к взрыву, никто не спустился вниз проверить, не осталось ли в складе людей. В спешке эвакуации, вероятно, забыл об этом подземном посту и караульный начальник.

А часовой, исправно неся службу, терпеливо ожидал смены, стоя, как положено, с винтовкой к ноге в сырой полутьме каземата и поглядывая туда, где неподалеку от него, сквозь наклонную входную штольню подземелья, скупо сочился свет веселого солнечного дня. Иногда до него чуть слышно доносились голоса саперов, закладывающих у входа взрывчатку. Потом наступила полная тишина, смена задерживалась, но часовой спокойно ждал.

И вдруг там, откуда лился солнечный свет, раздался глухой сильный удар, больно отозвавшийся в ушах, землю под ногами солдата резко встряхнуло, и сразу же все вокруг окутала непроглядная, густая тьма.

Придя в себя, солдат осознал всю тяжесть происшедшего, но отчаяние, естественное в таких ситуациях, ему удалось побороть, хотя и не сразу. Как бы то ни было, но жизнь продолжается и часовой, прежде всего, стал знакомиться со своим подземным жильем. А жильем его, по счастливой случайности, оказался большой интендантский склад. В нем были большие запасы сухарей, консервов и других самых разнообразных продуктов. Если бы вместе с часовым тут, под землей, очутилась вся его рота, то и тогда этого хватило бы на много лет. Можно было не опасаться – смерть от голода не грозила ему. Здесь даже оказалось солдатское успокоительное – махорка. А спички и большое количество стеариновых свечей позволяли разогнать гнетущую тьму.

Тут была и вода. Стены подземного склада всегда были влажными, и кое-где на полу под ногами хлюпали, лужи. Значит, и жажда не угрожала солдату. Сквозь какие-то невидимые поры земли в склад проникал воздух, и дышать можно было без труда.

А потом забытый часовой обнаружил, что в одном месте в своде тоннеля пробита узкая и длинная вентиляционная шахта, выходящая на поверхность земли. Это отверстие, по счастью, осталось не совсем засыпанным, и сквозь него вверху брезжил мутный дневной свет. Итак, у подземного Робинзона было все необходимое, чтобы поддерживать свою жизнь неограниченно долгое время. Оставалось только ждать и надеяться, что рано или поздно русская армия возвратится в Осовец, и тогда засыпанный склад раскопают, а он снова вернется к жизни, к людям. Но в мечтах об этом он, наверно, никогда не думал, что пройдет столько лет, прежде чем наступит день его освобождения.

Остается загадкой, как коротал девять лет одиночества этот человек, как он сохранил свой рассудок и не забыл человеческую речь. Ведь даже у Робинзона, которому одиночество было невыносимо и чуть его не сломало, было больше надежды на спасение, залитый солнцем остров и Пятница.

Однако и в подземной жизни были свои события, нарушавшие однообразное течение времени и подвергавшие стойкого солдата нелегким испытаниям.

Вы помните, что на складе хранились огромные запасы стеариновых свечей, и первые четыре года солдат мог освещать свое подземелье. Но однажды горящая свеча вызвала пожар, и, когда часовой проснулся, задыхаясь в густом дыму, склад был охвачен пламенем. Ему пришлось вести отчаянную борьбу с огнем. В конце концов, обожженный и задыхающийся, он все же сумел потушить пожар, но при этом сгорели оставшиеся запасы свечей и спичек, и отныне он был обречен на вечную темноту.

А потом ему пришлось начать настоящую войну, трудную, упорную и изнурительно долгую. Он оказался не единственным живым обитателем подземелья - на складе

водились крысы. Сначала он даже обрадовался тому, что здесь, кроме него, были другие живые существа, пусть и бессловесные. Но мирное сосуществование длилось не долго, крысы плодились с такой ужасающей быстротой и вели себя так дерзко, что вскоре возникла опасность не только для складских запасов, но и для человека. Тогда солдат начал войну против крыс.

В непроницаемой темноте подземелья борьба человека с быстрыми, проворными умными хищниками была изматывающей и трудной. Но человек, вооруженный штыком и смекалкой, научился различать своих невидимых врагов по шороху, по запаху, невольно развивая в себе острое чутье животного, и ловко подстерегал крыс, убивал их десятками и сотнями. Но они плодились еще быстрее, и эта война, становясь все более упорной, продолжалась в течение всех девяти лет, вплоть до того дня, когда солдат вышел наверх.

Как и у Робинзона, у подземного часового тоже был свой календарь. Каждый день, когда наверху, в узком отверстии вентиляционной шахты, угасал бледный лучик света, солдат делал на стене подземного тоннеля зарубку, обозначающую прошедший день. Он вел счет даже дням недели, и в воскресенье зарубка на стене была длиннее других.

А когда наступала суббота, он, как подобает истому русскому солдату, свято соблюдал армейский «баный день». Конечно, он не мог помыться - в ямах-колодцах, которые он вырыл ножом и штыком в полу подземелья, за день набиралось совсем немного воды, и ее хватало только для питья. Его еженедельная «баня» состояла в том, что он шел в отделение склада, где хранилось обмундирование, и брал из тюка чистую пару солдатского белья и новые портянки.

Он надевал свежую сорочку и кальсоны и, аккуратно сложив свое грязное белье, клал его отдельной стопой у стены каземата. Эта стопа, растущая с каждой неделей, и была его календарем, где четыре пары грязного белья обозначали месяц, а пятьдесят две пары – год подземной жизни. Когда настал день его освобождения, в этом своеобразном календаре, который уже разросся до нескольких стоп, накопилось больше четырехсот пятидесяти пар грязного белья.

Вот почему часовой так уверенно ответил на вопрос польского офицера, сколько времени он провел под землей.

Такую историю о девятилетней жизни в подземелье поведал бессменный часовой откопавшим его полякам. Затворника привели в порядок и отвезли в Варшаву. Там осмотревшие его врачи установили, что он ослеп навсегда. Жадные на сенсации журналисты не могли проигнорировать такое событие, и вскоре история о забытом постовом появилась на страницах польских газет. И, по словам бывших польских солдат, когда офицеры, читали эту заметку то, говорили им: – Учитесь, как надо нести воинскую службу, у этого храброго русского солдата.

Солдату предложили остаться в Польше, но он нетерпеливо рвался на родину, хотя родина его была уже не та, и называлась по-другому. Советский союз встретил солдата царской армии более чем скромно. И подвиг его остался не воспетым, поскольку не было, по мнению идеологов новой страны, места подвигам в царской армии. Ведь только советский человек мог совершать подвиг. Реальный подвиг реального человека превратился в легенду. В легенду, которая не сохранила главного – имени героя.

Ярослав Скиба

Надо сказать, что еще в 1963 г. вышел сборник военной прозы Сергея Сергеевича Смирнова «Рассказы о неизвестных героях», в котором рассказ «Бессменный Часовой (Пока еще легенда)» повествует о якобы защитнике Брестской крепости в Первую мировую войну. В рассказе Смирнов описывает результаты своего исследования с целью назвать имя того самого бессменного часового. Автор, только оговаривает и оставляет возможность уточнения истинного места, описываемых событий, а именно крепости Осовец.

Смирнов Сергей Сергеевич (1915-1976). Прозаик, драматург, журналист, общественный деятель. Родился в Петрограде. «В Великой Отечественной войне принимает участие вначале строевым командиром, а с 1943 г. – спецкором армейской

газеты». После войны работал в Военном издательстве, затем в редакции журнала «Новый мир». В 1950-1960 гг. – главный редактор «Литературной газеты». Член Советского комитета ветеранов войны, секретарь Московского отделения Союза писателей РСФСР, член Правления СП СССР, член редколлегии журнала «Смена». Награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Трудового Красного Знамени, медалями. С. Смирнов – автор пьес и киносценариев, документальных книг и очерков о неизвестных героях Великой Отечественной войны, в том числе «Брестская крепость» (1957 г.; расширенное издание – в 1964 г.), «Рассказы о неизвестных героях» (1963) и др. Много лет вел на телевидении популярную передачу – телеальманах «Подвиг».

Отец иприта и «циклона»

Фрицу Хаберу посчастливилось не узнать, что все его близкие были уничтожены в концлагере Дахау при помощи его детища – газа «Циклон Б».

Весна 1915 г. Крохотный бельгийский городок Ипр, известный лишь тем, что в еще с XII в. здесь выделывали отличное сукно. Но сейчас здесь проходит линия фронта – XV корпус германских войск вот уже несколько месяцев пытается атаковать линию обороны, которую удерживают полк французских резервистов из Алжира и Канадский дивизион Великобритании. Но вот из Берлина приходит пополнение – несколько сотен солдат, которые разгружают из фургонов странные цилиндры и осторожно закапывают их вдоль окопов. Всего шесть тысяч цилиндров. Командует странными солдатами энергичный человек в смешном пенсне и в мундире капитана Генштаба, который то возится с приборами, то измеряет силу ветра, то заставляет фронтовиков по команде надевать причудливые резиновые маски с гофрированными шлангами-«хоботами». Человека звали Фриц Хабер.

Через месяц это имя будет знать уже весь мир – 22 апреля 1915 г. Фриц Хабер даст команду на подрыв баллонов, и облако из 160 тонн жидкого хлора накроет позиции англо-французских войск. Один из очевидцев первой в истории газовой атаки так описывал увиденное: «Лица, руки людей были, глянцевого серо-черного цвета, рты открыты, глаза покрыты свинцовой глазурью, все вокруг металось, кружилось, борясь за жизнь. Зрелище было пугающим, все эти ужасные почерневшие лица, стонавшие и молящие о помощи...» Более пяти тысяч солдат и офицеров погибли на месте, еще пятнадцать тысяч человек были обречены на медленную смерть в госпитале.

Конечно, самое простое – это представить себе Фрица Хабера злодеем, беспощадным фанатиком, убийцей по убеждению. Однако, все современники, напротив, вспоминают его добрым и надежным другом, склонным к раздумьям, самоанализу и депрессии. Альберт Эйнштейн, много лет друживший с Хабером, писал, что духовный мир и труды Фрица стали одним из значительнейших явлений, дарованных ему в жизни; ну и то еще, прибавляет он шутливо, что Хабер часто заходил к нему на чашечку кофе.

Фриц Хабер родился 9 декабря 1868 г. в Бреслау в одном из старейших и почтеннейших еврейских семейств этого города. Его отец Зигфрид занимался торговлей удобрениями и различными химикатами, а поэтому профессия его сына была определена с самого рождения – Фриц должен был стать достойным продолжателем дела отца.

После окончания гимназии, отец направил его учиться на химика в Техническую школу Шарлоттенбурга, откуда Фриц ушел добровольно служить в армию. После службы молодой Хабер самостоятельно перевелся в Берлинский университет на физико-

химический факультет, который он закончил с отличием. Преподаватели сулили ему блестящее научное будущее, но Фриц вернулся домой и стал работать на предприятии отца – сыновний долг превыше всего. Кроме того, он женился на своей однокурснице Кларе, а вскоре у молодоженов рождается сын Герман.

Заказы быстро развивающейся промышленности Германии требовали новых технологий, и Фриц Хабер, совмещавший работу на фабрике отца в Бреслау и аспирантуру в Цюрихском Технологическом институте, начинает самостоятельные эксперименты. В 1909 г. он открывает промышленный метод получения аммиака из азота и водорода для производства удобрений, и это открытие выводит его в передовую когорту мировой науки.

В 1911 г. он становится руководителем основанного им в Берлине Института физической химии и электрохимии им. Кайзера Вильгельма, который спонсирует прусский магнат Карл Дуйсберг, владелец крупнейшего в Германии химического концерна Interessen Germinschafft. Хабер работает днями и ночами, изобретая новые удобрения – в то время он еще мечтал спасти немецких крестьян от постоянных неурожаев и накормить весь мир.

Но тут начинается Первая Мировая война. И лаборатория Хабера по заказу правительства берется за разработку химического оружия – причем, даже еще с большим энтузиазмом. Как позже вспоминал один из его близких друзей физик Макс Планк, Хабер, будучи типичным немецким романтиком того времени, был уверен, что как только мир увидит кошмарные последствия отравления ядовитым хлором, правительства содрогнутся от ужаса и тотчас же война закончится, а в Европе воцарится вечный мир. Поэтому Хабер и старался произвести как можно больше хлора, что бы и первая демонстрация была как можно более впечатляющей.

К январю 1915 г. все приготовления были закончены, и Фриц Хабер в ранге капитана Генштаба убыл на фронт, что бы лично открыть новую эру в истории. Однако, всем известно, куда приводит дорога, вымощенная благими намерениями... Новое оружие ни на йоту не приблизило наступление мира, напротив, облако хлора только подхлестнуло гонку вооружений. Но бойня под Ипром ударила и по самому Хаберу. Когда его жена

Клара прочтала в газетах о количествах жертв хлора, она от стыда и отчаяния покончила жизнь самоубийством, выстрелив в сердце из револьвера мужа.

Переживая утрату, Хабер с головой погрузился в работу. В мае 1915 г. он отправился на восточный фронт, где немцы сражались с российскими войсками, и организовал три новых газовых атаки. На этот раз жертвами хлора стали 25 тысяч русских солдат. Потом он разработал еще более смертоносный газ фосген, а когда фосген стали применять и британцы, то Хабер придумал горчичный газ – коричневую жидкость с запахом чеснока, который можно было размещать в артиллерийских снарядах. Но никакой газ уже не мог помочь обескровленной Германии выиграть войну.

В 1918 г. Хабер бежал из страны в Швейцарию, спасаясь от наступающих войск Антанты – британцы просто мечтали отправить на виселицу «отца газового оружия». Но тут судьба приготовила Фрицу неожиданный подарок – по инициативе Шведской Академии наук он был награжден Нобелевской премией по химии за давнюю разработку

метода получения аммиака. Перед авторитетом Нобелевки англичане были вынуждены отступить и сами вычеркнули его имя из списков разыскиваемых военных преступников.

В лучах славы Хабер вернулся в Веймарскую республику и снова возглавил свой институт, который тут же получил новый выгодный заказ от правительства. Для нужд сельского хозяйства республики было необходимо сделать новый инсектицид, который бы убивал абсолютно всех вредителей. Фриц Хабер предложил смешать синильную кислоту с какими-нибудь пористыми гранулами, например, с прессованными опилками. В итоге получается простой и дешевый порошок, который можно просто рассеивать по полям. Под действием лучей солнца из гранул начнет испаряться кислота, пары которой окажутся смертельными и для насекомых, и для крупных грызунов. И для людей. В историю этот «универсальный» яд вошел под названием «Циклон-Б» – с помощью этого инсектицида в немецких концлагерях были убиты миллионы человек.

Правда, сами нацисты изобретателя «Циклона» не очень-то жаловали – для национал-социалистов Фриц Хабер был прежде всего евреем, которому в Третьем рейхе не было места. Более того, в своей книге «Майн Кампф» Адольф Гитлер (сам, кстати, во время пострадавший от фосгена) обвинил химиков-евреев в заговоре против всех европейских народов – дескать, они специально придумали ядовитые газы, что бы во время войны истребить всех «арийцев».

И в 1933 г. Хабер снова бежит из Германии – на этот раз вместе с второй женой Шарлоттой и сыном Германом. Сначала он направился в Британию и попытался было устроиться преподавателем в Кембридж. Но студенты, не желавшие ходить на лекции палача их отцов, устроили бурю протеста, и Хабера тут же уволили. Потом его бросила жена и сын.

Хабер в отчаянии уезжает в Швейцарию. В одном из отелей городка Базель он и умер 29 января 1934 г. в возрасте 65 лет. В его номере было обнаружено письмо от Макса Планка, которое Фриц перечитывал перед смертью: «Единственное, что дарит мне некоторое облегчение в этом состоянии подавленности, это мысль, что мы живем во времена катастрофы, которую приносит с собой любая революция, и что мы многое, что происходит, должны воспринимать как явление природы...».

Фрицу Хаберу посчастливилось не узнать, что через несколько лет все его многочисленные родственники, жившие в Бреслау, были уничтожены в концлагере Дахау при помощи его детища – газа «Циклон Б». Он также не узнал, что и его сын Герман Хабер покончил жизнь самоубийством, когда из материалов Нюрнбергского процесса он узнал, что его отец – пусть косвенно – был причастен к убийству более миллиона евреев.

В Берлине до сих пор действует институт, основанный Фрицем Хабером, который теперь носит его имя. О разработке «Циклона Б» здесь стараются не вспоминать.

Владимир Тихомиров

Брусиловский прорыв

Наступление Юго-Западного фронта русской армии летом 1916 г. нанесшее тяжелое поражение армиям Австро-Венгрии и Германии. Одна из крупнейших операций Первой мировой войны и единственная, названная по фамилии полководца.

В 1916 г. Первая мировая война достигла своего пика. Мобилизовав практически все людские и материальные ресурсы, неся колоссальные потери, никто из противников не добился успеха, дающего хоть какую-то надежду на победу. Сплошные глубокоэшелонированные фронты, обилие артиллерии, скорострельное оружие делали оборону непреодолимой. Любые активные действия обрекались на неудачу, захлебывались кровью. Образно говоря, враги насмерть вцепились друг в друга, упали на землю и продолжили борьбу в партере. Антанта (Англия, Франция, Италия, Россия) и ее противники (Германия, Австро-Венгрия, Румыния, Турция) были полны решимости вести войну до победного конца. Но для этого надо наступать, а повсюду — позиционный тупик.

Для русских самым тяжелым был второй год войны, 1915-й. Отлично подготовленный враг теснил их на восток. Его технический уровень (насыщенность войск артиллерией, пулеметами; аэропланы, боевые газы и т. д.) был высок, организация — беспримерна. Германский генштаб просчитывал операции до секунд, воевал по всем правилам науки. В ходе тяжелого отступления была потеряна вся русская Польша, западные части Литвы, Белоруссии, Украины, большая часть завоеванной в 1914 г. австрийской Галиции; утрачена масса боевой техники: в начале 1916 г. в войсках было меньше артиллерии и пулеметов, чем в июле 1914-го. Главное же — большая кровь: Россия с начала войны потеряла 4360000 человек, в т. ч. 1740000 пленными. 54 процентов потерь пришлось на великое отступление с 1 мая по 1 ноября 1915 г. Расчеты врага сбывались, и было отчего опустить руки.

Россия и союзники договорились о согласовании действий своих армий. Против немцев и австрийцев русские имели три фронта — Северный (генерал Куропаткин), Западный (генерал Эверт) и Юго-Западный (генерал Брусилов). Северный и Западный имели двойное преимущество в живой силе над противником, что диктовало и направление главного удара. Его должен был нанести Западный, а вспомогательные удары — Северный и Юго-Западный фронты. План вызвал возражения Куропаткина: «Немцы так укрепились, что рассчитывать на удачу нельзя». Эверт согласился: «Пока не имеем гораздо больше тяжелой артиллерии, лучше обороняться». Что это, трусость командующих? Но их можно понять. Они уже обожглись на кровавом мартовском

наступлении. На Западе такие потери были «обычными», немецкие и французские генералы хладнокровно гнали своих солдат на убой, а у русских психология была иной: «Выхода из позиционного тупика нет, значит, и кровь будем лить зря». Идея сдерживать врага обороной, учитывая экономические и продовольственные трудности немцев, была вполне резонной.

Выход из позиционного тупика увидел генерал Брусилов. 15 мая австрийцы нанесли тяжелое поражение итальянцам. Стоя на грани катастрофы, те просили помощь, оттянув наступлением Юго-Западного фронта силы Австро-Венгрии. Русская Ставка согласилась, указав, что дополнительных сил Брусилову выделить не сможет.

Силы Юго-Западного фронта

К весне 1916-го Россия оправилась. На фронт пошло хорошее оружие. Войска насытили самыми ходовыми пушками-трехдюймовками, заменив все изношенные орудия новыми. Сплошным потоком шли снаряды, на ящиках рабочие писали: «Бей, не жалей!» В массовых количествах поступали ручные гранаты, в полках были отряды гренадеров, мастерски ими владеющих. Появились 90-мм бомбометы, ранцевые огнеметы, ружейные гранатометы, броневики, дымовые шашки, химические снаряды. Об успехах русской науки и техники говорит тот факт, что всего через год после первых немецких газовых атак эффективным угольным противогазом были снабжены не только все бойцы на передовой, но даже все лошади! Те же французы до 1917 г. пользовались подручными средствами (ватно-марлевые повязки, костры перед окопами). Британский атташе Нокс недоумевал: «Военное положение России улучшилось, чего не предсказал бы ни один иностранный наблюдатель в дни отступлений прошлого года». А русский солдат повеселел: «Ну, теперь повоюем!» Не хватало пока только тяжелой артиллерии. А вот пулеметов стало в 2-3 раза больше, чем в начале войны. Войска занижали в отчетах количество захваченных трофеев, оставляя оружие у себя. Кроме того, им дали специальные команды с пулеметами иностранного производства. Такое обилие объясняется просто: пехоте не хватало огневой мощи — легкой артиллерии сопровождения, минометов, траншейных пушек. Пулеметами увеличили плотность огня.

В марте Брусилов принял командование Юго-Западным фронтом протяженностью

550 км, включавшим в себя четыре армии (7, 8, 9 и 11-ю): 534 000 штыков, 60 000 сабель, 1770 легких и 168 тяжелых орудий. Наводя порядок в сломленных отступлением войсках, генерал шел на жесткие меры: «Для сдающихся в плен не должно быть пощады. Открывать по ним ружейный, пулеметный и орудийный огонь, даже

прекращая огонь по неприятелю. При нужде не останавливаться перед поголовным расстрелом». Приказ применялся редко, но страху в войсках нагнал. До солдат доводились бесчисленные факты зверств врага на оккупированных землях, над русскими пленными. Показателен случай с «братанием», типично западным фарисейством, начавшимся на французском фронте. По команде офицеров противники встречались на нейтральной полосе, обменивались мелкими подарками и по команде расходились, пятясь, чтоб не пальнули в спину. Русские солдаты тоже решили: «Мы всей душой за братание!» Но «братаны»-немцы стали им разъяснять: «Ваш царь плохой, офицеры ваши — дрянь, обращайтесь оружие против них», а на Пасху просто взяли в плен 100 иванов, которые пришли их поздравить. Какая «христианская любовь» может быть к оккупанту, который пришел тебя убить? Брусилов приказал: «Все контакты с противником — лишь посредством винтовки и штыка!» Личный состав накануне битвы горел желанием наконец-то ударить по врагу: «Войска находились в блестящем состоянии, желая сломить врага и вышвырнуть его из наших пределов».

«Возможность успеха русских исключена!»

Брусилову противостояли четыре австрийских и одна немецкая армия (448000 штыков, 38000 сабель, 1300 легких и 545 тяжелых орудий). Небольшой численный недостаток враг с лихвой компенсировал обилием техники и мощью обороны. Он готовил ее 9 месяцев, она состояла из 3 полос на расстоянии 5 км одна от другой. Самой мощной была первая глубиной 1,5–2 км с опорными узлами, дотами, отсечными позициями,

заводящими противника в «мешок» для истребления. Окопы с бетонными козырьками, глубокие блиндажи с железобетонными сводами, пулеметы под бетонными колпаками. Лес колючей проволоки до 16 рядов, через нее пропускаться ток, подвешивались бомбы, ставились мины. Предполье усеяли фугасы, засеки, волчьи ямы, рогатки. В австрийских окопах русских ждали огнеметы. За первой полосой были еще две послабее.

Кайзер, посетив фронт, восторгался, что таких позиций не видел даже на Западе! Уверенный в своей неуязвимости враг демонстрировал на выставке в Вене макеты этих оборонительных сооружений как высшее достижение фортификации. За неделю до русского наступления обсуждали, не опасно ли снять отсюда несколько дивизий, чтобы поскорее разгромить Италию, и решили: «Не опасно, ивану тут не пройти», ведь это доказали его предыдущие неудачи. Они очень полагались на свою тяжелую артиллерию (174 тяжелых орудия против 76 русских на участке 8-й армии, 159 против 22 на участке 11-й армии, 62 против 23 на участке 7-й армии, 150 против 47 на участке 9-й армии). При таком превосходстве еще сетовали, что много тяжелых батарей было переброшено на итальянский фронт. И еще: враг не верил, что после тяжелейших поражений 1915 года русские способны на что-то серьезное. Начальник штаба немецкой армейской группы генерал Штольцман в командирской запальчивости прямо заявил: «Возможность успеха русских исключена!».

Подготовка

А русские решили драться без минимально необходимого превосходства сил (3:1), имея лишь на 18 процентов больше солдат, а в технических средствах ведения боя даже уступая врагу. Брусилов решил атаковать каждой из своих армий. Это расплывало силы, но и противник лишался возможности перебрасывать резервы. В зависимости от важности задач эти армии обладали разной силой. Треть пехоты и половину тяжелой артиллерии фронта Брусилов сосредоточил в правофланговой 8-й армии генерала Каледина для удара на Луцк и Ковель. Вторая по мощи левофланговая 9-я армия генерала Лечицкого нацелилась на Черновицы и Коломыю. Небольшие 7-я и 11-я армии в центре должны были сковать врага. Брусилов дал командующим свободу выбора участков прорыва, на которых было создано превосходство над противником в живой силе в 2,5 раза и в артиллерии в 1,5 раза.

Операцию готовили 1,5 месяца. Копая землю ночами, подошли траншеями к противнику на 100–200 м, чтобы достать до него одним броском. Оборудовали основные и запасные огневые позиции, КП и НП. Тщательно вели разведку. Была произведена аэрофотосъемка всего неприятельского фронта, снимки переносились на карту, увеличивались, размножались. Сотни наблюдателей круглосуточно выявляли огневые точки, батареи. Данные дополняли агентурная разведка, опрос пленных, перебежчиков. Командиры всех звеньев получили планы своих участков с точным расположением позиций противника, скрупулезно готовились на местности, выезжали на передовую. Артиллеристы приборами определяли расстояние от своих будущих позиций до целей, намечали ориентиры, рассчитывали данные для стрельбы. Пристрелку вели одиночными выстрелами отдельных орудий, чтобы не насторожить неприятеля. В тылах всех армий были оборудованы учебные городки с укреплениями, подобными тем, которые предстоит брать, и бойцы усиленно тренировались их преодолевать. Конечно, скрыть подготовку такого масштаба невозможно, но Брусилов запутал противника, не дав определить, где будет главный удар. Участки прорыва готовили и корпуса, не входившие в ударные группировки, всего 20 участков! Из-за размаха инженерных работ казалось, что русские зарываются в землю для обороны. Войска скрытно сосредотачивались в тылу, что проверялось со своих аэропланов. Перемещения осуществляли ночами, контролеры следили за мерами светомаскировки. Ударные группы вышли на исходный рубеж за несколько дней, артиллерия – лишь за сутки до удара.

«Артиллерийское наступление»

4 июня в 3 часа ночи началась артподготовка. Ее мощность рассчитали индивидуально, огонь длился от 6 до 45 часов. Так, на Луцком направлении с очень

сильными укреплениями снаряды рвали все в клочья 29 часов. Брусиловский прорыв породил понятие «артиллерийское наступление». Никакой стрельбы по площадям! Предварительная пристрелка оправдалась. В проволочных заграждениях было сделано достаточно проходов, 1-я полоса обороны совершенно сметена, превратилась в горы обломков и растерзанных тел. Держа темп огня, батареи стреляли не по отмахкам офицеров, а так: наводчики, держась за шнуры и глядя друг на друга, били очередь за правофланговым орудием. Изучив тактику обороны врага, нанесли ему максимум потерь еще до начала атаки, дважды ложно прекращая обстрел 1-й полосы. Обычно это означает, что атакует пехота. Австрийцы бежали из укрытий в окопы, к пулеметам, а огневой вал возвращался. На третий раз противник уже не решился покинуть укрытия, и подоспевшая пехота массами брала затаившихся в плен, чем и объясняется их огромное количество.

Между артподготовкой и штурмом не было ни секунды перерыва. Тяжелая артиллерия переносила огонь в глубину, по резервам противника, 3-й линии обороны. Легкая была по объектам до последнего момента, а когда пехота врывается в них, часть батарей отсекала контратаки с фронта и флангов, а часть шла вслед за пехотой, пробивая снарядами ей путь. Это была главная тактическая новинка – впервые в Первой мировой войне появилась и на «отлично» сработала артиллерия сопровождения пехоты, самостоятельность и выживаемость которой сразу повысились. Прежде она несла большие потери под огнем неприятеля. Но стреляя, он неизбежно раскрывает себя – сейчас орудия «гасили» вражеские пушки и пулеметные гнезда после их первых выстрелов. Роль сопровождения выполняли горные трехдюймовки обр. 1909 г. Перед войной их было 526 штук, Петроградский и Путиловский заводы выпустили еще 1400. Поработав на Кавказе и в Карпатах, они пригодились и в полевых войсках, подобно гаубице ведя перекидной огонь через головы своих. Они были в полтора раза легче полевой пушки, и расчет легко перемещал их за атакующей пехотой. Несколько слов о качестве боеприпасов: из десяти подряд выпущенных австрийских снарядов порой не разрывался ни один, отказ восьми был почти рядовым явлением. А вот сделанные из сталистого чугуна русские снаряды осечек практически не давали. Огневая атака везде увенчалась полным успехом благодаря умелому управлению и последовательному сосредоточению огня, сектор за сектором подавлявшего оборону противника, что позволило пехоте продвигаться почти без потерь. Командир 4-й стрелковой («Железной») дивизии генерал Деникин вспоминал: «Впервые наша артиллерия выполнила задачу, которая до сих пор решалась ценою большой крови».

«Атака перекатами»

Устройство множества боевых и ложных плацдармов оправдалось: противник везде был захвачен врасплох. Фронт лопнул сразу на 13 участках, прорыв расширили в сторону флангов и в глубину. Позаботились о закреплении на взятых позициях и непрерывности наступления, чтобы впавший в панику враг не организовал активных контрмер. Для этого наступавшая пехота делилась на «волны атаки». Каждый полк образовывал 4 волны, идущих одна за другой на дистанции 150–200 шагов, интервал между бойцами 5 шагов. Вооруженные гранатами, пулеметами, дымовыми шашками, ножницами для резки проволоки первые две волны брали первый окоп, не задерживались, атаковали второй, где и закреплялись. Это делалось с учетом тактики противника. Он обычно открывал огонь по прорвавшимся и застрявшим на первом окопе русским. Затем тяжелые батареи отсекали подход помощи — и мощным контрударом прорвавшиеся истреблялись. Но теперь нашла коса на камень. В каждой роте была штурмовая группа из наиболее ловких солдат. Идя в голове атаки, они гранатами и массированным ружейно-пулеметным огнем ликвидировали огневые точки, расчищая путь наступающим товарищам. Третья-четвертая волны быстро перекатывались через первые две, свежими силами брали третий окоп и артиллерийские позиции. Этот метод потом стал широко использоваться под названием «атака перекатами».

Идеально сработал 6-й корпус, с ходу взяв все три линии окопов, разгромив при этом не австрийцев, а немцев. Все было сделано так четко, что тех не спасли и глубокие

убежища, ставшие ловушками. Русские были тут как тут, вниз полетели гранаты, дымовые шашки, выживших почти не было. Хваленая основательность германских сооружений не помогла. Сидевшие в уцелевших убежищах солдаты спешно сдавались. Став у входа, русский «чистильщик» при отказе сдаться или даже промедлении метал внутрь ручные гранаты, и спасения уже не было. Быстро это поняв, противник расторопно лез наверх с поднятыми руками. Пленные давали такую картину потерь: в 1-й линии окопов – 85 процентов убитых и раненых и 15 процентов пленных; во 2-й линии – по 50 процентов каждой категории; в 3-й линии – все 100 процентов пленных.

Самого значительного успеха добилась 8-я армия с ее наибольшей плотностью атакующих, фронт каждой дивизии составлял всего 2,5 версты. Она вклинилась между 2-й и 4-й австрийскими армиями (последнюю разгромили наголову к 15 июня), уже в первые дни достигнув таких успехов, как ни одна из союзных армий ни разу: на фронте в 80 км австрийские позиции были прорваны до 30 км в глубину! Ворвавшись в Луцк, солдаты первым делом срубили виселицы в городском саду, где оккупанты казнили непокорных жителей.

11-я и 7-я армии фронт тоже прорвали, но враг их наступление приостановил. Брусилев не стал снимать резервы с других направлений, а приказал: «Стоять насмерть! Всех дыр не закроешь. Проломить в нужном месте, а в других враг и сам не выдержит, победит». 9-я армия перемолола 7-ю австрийскую армию, к 13 июня прорвалась на 50 км, 18 июня штурмом взяла Черновицы, названные за неприступность «вторым Верденом»: сплошной железобетон, джунгли колючей проволоки с пропущенным током, артиллерия вплоть до калибра 305 мм. Враг мог еще долго обороняться, но сломался морально. Началась паника. Взорвав мосты через Прут, гарнизон жег и взрывал склады, эшелоны на путях, тяжелые батареи. Город пал, оказался взломанным весь южный фланг австрийского фронта. Все попавшее под удар русского молота было обречено. Враг откатывался столь поспешно, что взрывал мосты, оставляя своих на русском берегу на уничтожение.

Один против всех

Преследуя беспорядочно отступающего врага, Юго-Западный фронт вышел на оперативный простор. Надо было ковать железо, пока горячо, однако он не был поддержан другими фронтами. Генерал Эверт, медля с нанесением предписанного ему Ставкой «главного удара», 3 июля наконец выступил, но очень неудачно, с большими потерями, и Юго-Западному фронту не помог. Наступление Северного фронта также провалилось. Тем не менее 4 июля Брусилев пошел на Ковель – важнейший транспортный узел. Чтобы сдержать его, крепнувший противник перебрасывал в Галицию австрийские дивизии с итальянского, германские с западноевропейского, других участков Восточного и даже турецкие с греческого фронта, всего 31 пехотную и 3 кавалерийские дивизии (400 тысяч штыков и сабель). Это была уже борьба не с «опущенными» австрийцами, а с немцами, которые при инициативных командирах и техническом превосходстве дрались с русскими меньшими силами. Сначала они иронически назвали действия Брусилева «широкой разведкой без сосредоточения необходимого кулака», однако состояние австрийцев их так ошеломило, что дошло: без немецкой поддержки Австрия обречена, прорыв русских дальше на запад будет началом конца и для Германии. Немецкие силы уже были на исходе («На фронт в 1000 километров мы имели в резерве всего 1 кавалерийскую бригаду»), и они применили систему частных поддержек, бросаясь в места прорыва, цементируя оборону, сдерживая бегущих австрийцев, тормозя натиск выдыхающихся брусилевцев. Но, затыкая дыры, они вступали в бой разрозненно, и русские били их по очереди.

Постепенно темп наступления был утрачен. Сражаясь против свежих германских дивизий, не получая подкрепления, Юго-Западный фронт достиг естественного препятствия – Карпат, к середине сентября вынужден был остановиться и закрепиться на достигнутых рубежах. Брусилеву не хватило тех самых сил, которые были собраны на Западном фронте для наступления в угоду французским союзникам.

«Союзники»

«Союзники» считали себя главной силой, противостоящей агрессивной Германии. Порой они поступали не лучше врага. Под грабительский процент давая России кредиты для покупки вооружения, в то же время требовали «бесплатно» проливать кровь русских солдат, когда нужно было разгрузить свой фронт. В отличие от иванов, выполнявших союзнические обязательства во что бы то ни стало, союзники поступали так, как им было выгодно. Не шевельнули и пальцем в тяжелые для России месяцы Великого отступления 1915 г. В 1916-м потребовали русского наступления, чтобы отвлечь немцев от французского Вердена (англичане отказались это делать). Не имея времени для подготовки, Северный и Западный фронты пошли вперед без артиллерийской поддержки, по весенней распутице, захлебнулись в крови, потеряв 150000 человек убитыми и ранеными. Немцы потеряли в 9 раз меньше, но на целых 2 недели приостановили свой натиск на Верден. Это позволило французам перегруппироваться, подтянуть резервы: «Русские солдаты окровавленными лоскутьями повисли на германской проволоке, но сберегли французам тысячи жизней. К апрелю 1916 г. за Верден легло в полтора раза больше русских, чем французов». А царская Ставка всегда, предательски по отношению к своей стране, соглашалась с действиями «союзников». Удивительно, что русская армия могла целых 3 года воевать при таком руководстве! Брусиловский прорыв напомнил о неодолимом русском «паровом катке», не нужном ни врагам, ни «друзьям». Они недоумевали: «Первое успешное наступление в позиционной войне! Кстати, откуда у русских такой генерал, ведь они – тупые бездари?» И лгали: «Брусилов – это англичанин на русской службе». Запад захлестнул очередной «приступ любви» к России, правда, восторгались простые граждане и фронтовики. А военно-политическая верхушка сильно озаботилась усилением русских, откровенно радуясь их неудачам.

Зато Россия с искренним ликованием встретила известия о победах Брусилова: «Крестьяне, рабочие, аристократия, духовенство, интеллигенция, учащиеся – все бесконечной телеграфной лентой говорили мне, что они – русские люди, и их сердце бьется заодно с моей дорогой, окровавленной во имя Родины, но победоносной армией». Поздравил император. Великий князь Николай Николаевич был лаконичен: «Поздравляю, целую, обнимаю, благословляю». Итальянский посол поклонился в Думе «спасшим нас неустрашимым русским войскам».

Результаты

Брусиловское наступление было чрезвычайно значимо для дальнейшего хода войны. Уже первые 10 дней вбили противника в нокаут. Его 4-я и 7-я армии были фактически уничтожены (не убитые или раненые попали в плен), а прочие потерпели тяжелейшее поражение. Австро-Венгрия оказалась на грани полного краха и выхода из войны.

Располагая перед началом операции несущественным превосходством, прорывая оборону, создававшуюся 9 месяцев, русские уже за 3 недели вывели из строя более 50 процентов сил противостоящей им вражеской группировки. Всего ее потери составили 1 325 000 человек, в т. ч. Австро-Венгрии 975 000 (из них 416 924 пленных) и Германии 350 000 убитых, раненых, пленных. Юго-Западный фронт захватил 580 пушек, 448 бомбометов и минометов, 1795 пулеметов; продвинулся на глубину до 120 км, освободил почти всю Волынь, Буковину, часть Галиции и закончил активные действия в конце октября. Перед ним опять стояло более 1000000 австро-германцев и турок. Следовательно, брусиловцы взяли на себя до 2,5 млн. солдат врага!

Фронтальная операция дала стратегические результаты: Италия была спасена, французы сумели сохранить Верден, англичане – выстоять на Сомме. Германии пришлось бросать свои ограниченные резервы то на запад, то на восток – и наступило ее изнурение, силы были исчерпаны. В рейхе оставалось всего 560000 годных к строевой службе мужчин, еще не призванных на фронт. Соотношение сил изменилось в пользу Антанты, к ней перешла стратегическая инициатива.

Потери Юго-Западного фронта за время наступления составили 498867 человек: 376910 раненых, 62155 убитых и умерших от ран, 59802 пропавших без вести и попавших

в плен. Откуда же интернетная «чернуха» о «миллионе убитых»? Помимо намеренной лжи авторов, выполняющих заказ врага, имеет место искажение по мере переписывания данных. При жизни Брусилова писали: «потерял почти полмиллиона», потом: «положил полмиллиона», потом «пол» убрали — и 62155 погибших превратили в миллион. Так враг переписывает историю. Сегодня его люди в российских СМИ и исторической науке злорадствуют: «Это наступление было предвестником гибели России, ее похоронным звоном». Недобитые хоронят Россию в тысячный раз. В «научных» трудах.

«Феномен Брусилова»

В интервью фронтовому корреспонденту Брусилов сказал: «Я не пророк, но могу сказать, что в 1917 г. мы победим немцев».

У генерала были все основания для подобного заявления. Такого количества и качества вооружения и снабжения, как в 1917 году, у русской армии не было всю войну. А ведь моральный фактор победы соотносится с материальным в пропорции 3:1.

Успех Брусиловского прорыва значительно зависел от ее инициатора, организатора и исполнителя – Алексея Алексеевича Брусилова. Его фронту была отведена пассивная роль. Идя против всех, он перед самим императором и высшим генералитетом добился пересмотра решения, «победив своих» – негодных начальников и карьеристов. В истории мало примеров, когда бы человек с таким упорством добивался усложнения собственной задачи. А «паркетные генералы» всегда всеми силами давят таких, как Брусилов. «Червь» был на самом вершине. Но рассуждения о невысоких качествах командиров русской армии – ложь. Достаточно сравнить ее потери с потерями врага и союзников в Первой мировой, а также с потерями Красной Армии в 1941–1945 гг. В противоположность многим Брусилов был «суворовцем»: «Воевать не числом, а умением!». Подготовка была образцовой, все было продумано и своевременно сделано. Успеху помогло отсутствие направления главного удара как такового. В 1916 году русская армия разбила более сильного врага, намного превзойдя все то, что сделали западные союзники. Брусилов мог претендовать на лавры главного полководца победы во «Второй Отечественной войне», как тогда называли Первую мировую. Чужие ошибки не могут приуменьшить его заслуг и значения подвига вверенных ему солдат. В день его похорон Реввоенсовет СССР возложил на гроб венок с надписью: «Честному представителю старшего поколения, отдавшему свой боевой опыт на службу СССР и Красной Армии». Поддержка Брусиловского прорыва всеми силами Антанты привела бы к скорому поражению врага. К глубокому сожалению, этого не произошло... Война окончилась только в 1918 г. поражением Германии и Австро-Венгрии. И в числе их победителей России уже не было.

Из нашего досье

Для борьбы за господство в воздухе на Юго-Западном фронте впервые была сформирована фронтовая истребительная авиационная группа. Авиация наносила бомбовые удары и вела пулеметный огонь по объектам противника в тылу и на поле боя.

За 3 года исключительно тяжелой борьбы русская армия взяла в 6 раз больше пленных, чем все остальные союзники, вместе взятые: 2200000 человек и 3850 орудий, в т. ч. 1850000 австрийцев и 2650 орудий, 250000 германцев и 550 орудий, 100000 турок и 650 орудий. За то же время Франция взяла 160000 пленных и 900 орудий, Англия – 90000 пленных и 450 орудий, Италия – 110000 пленных и 150 орудий.

Как жил солдат на фронте, в каких условиях воевал, как был одет, что ел, чем занимался в короткие передышки между боями – все эти вопросы важны, именно решением этих бытовых проблем обеспечивалась во многом победа над врагом.

Рацион питания русского солдата 1914-17 гг.

Как и чем кормили русского солдата в последний период истории Российской империи, т.е. перед началом и в ходе Первой мировой войны? Общепринято считать, что кормили очень плохо, что командиры обворовывали солдат, наживались на их желудках. Об этом много свидетельств в художественной, исторической литературе. Даже граф Игнатьев А. А., которого трудно упрекнуть в предвзятости, пишет в своих мемуарах о времени своего командования 3-м эскадронам лейб-гвардии Уланского полка: «*Щи да каша – пища наша*», – гласила старая военная поговорка. И действительно, в царской армии обед из этих двух блюд приготавливался везде образцово... Хуже всего дело обстояло с ужином, на который по казенной раскладке отпускались только крупа и сало. Из них приготавливалась так называемая кашница, к которой большинство солдат в кавалергардском полку даже не притрагивались; ее продавали на сторону. В уланском полку, правда, ее с голоду ели, но кто мог, предпочитал купить на свои деньги ситного к чаю, а унтера и колбасы.

– Ну, как вам командуются? – спросил меня в дачном поезде как-то раз старый усатый ротмистр из соседнего с нами конногренадерского полка. Я пожаловался на бедность нашей раскладки на ужин.

Тогда он, подсев ближе, открыл мне свой секрет:

– Оставляйте от обеда немного мяса, а если сможете сэкономить на цене сена, то прикупите из фуражных лишних фунтов пять, заведите противень – да и поджарьте на нем нарубленное мясо с луком, кашницу варите отдельно, а потом и всыпайте в нее поджаренное мясо. Так я и поступил. Вскоре, на зависть другим эскадронам, уланы 3-го стали получать вкусный ужин».

Однако любые личные свидетельства всегда несут на себе отпечаток личных впечатлений, а отсюда и необъективности. Лучше всего иметь информацию из документов, первоисточников. Вопрос питания, всегда животрепещущий вопрос, особенно для тех, кто знаком с армией по своей солдатской службе. Не слишком часто можно услышать от вчерашних солдат, что питались они хорошо. Но на солдатские оценки питания влияют многие факторы. Во-первых, редко когда солдат знает нормы снабжения и уж никогда он не в силах проверить – все ли положенное он получает. Во-вторых, при полностью выданной, но однообразной, невкусно приготовленной пище, солдат не съедает всего, что ему дано и объективно остается голодным. В-третьих, семичасовые промежутки между приемами пищи, ничем не заполняемые, создают субъективное ощущение голода.

Ну и, разумеется, всегда, во все времена, что-то из того, что положено, не доходит до солдата или доходит в таком виде, что в пищу не употребляется. Например, вес костей входит в общую норму выдачи мяса, а когда костей много, то, естественно, мяса в его чистом виде остается мало. Воровство же продуктов на складе, кухне, хотя это и имеет место, на деле оказывается не столь уж и масштабным, как это иногда представляется многим.

Ниже в статье будут показаны нормативные данные относительно норм питания в Русской Армии в период 1914-1917 гг. А как дело обстояло на практике в каждом конкретном полку, роте – это уж остается в руках описателей быта Русской Армии того времени. Здесь остается только верить в честности и добросовестности тех, кто пишет мемуары, художественные произведения. Питание солдат Русской Армии определялось приказом военного министра № 346 от 22 марта 1899 г. со внесенными в него

изменениями. Например, в 1908 г. винная порция (3 чарки в неделю) была заменена чайными деньгами.

По этому приказу рацион питания солдата и унтер-офицера состоял из трех частей: провиант; приварочные деньги; чайные деньги.

Провиант выдавался в натуральном виде, т.е. непосредственно продуктами. Приварочные деньги и чайные деньги выдавались на приобретение строго оговоренных продуктов в определенном количестве, исходя из рыночных цен той местности, где располагалась воинская часть.

Основной организационной единицей в организации питания солдат и унтер-офицеров являлась рота. Деньги приварочные и чайные выдавались из полка командиру роты. Непосредственно, приобретением продуктов, их распределением занимался так называемый «артельщик», приготовлением пищи занимался кашевар, оба назначаемые командиром роты по предложению личного состава роты. Контроль деятельности артельщика и кашевара осуществляли фельдфебель роты и один из младших офицеров роты. Всю ответственность за питание солдат нес командир роты.

В полку контроль за продовольственным снабжением, снабжение полка провиантом осуществлял заведующий хозяйством полка (подполковник). В кавалерии он именовался помощником командира полка по хозяйственной части.

В нижеприводимых таблицах для удобства читателей нормы выдачи пересчитаны из фунтов и золотников в граммы. Желаящие могут пересчитать обратно – 1 фунт = 96 золотников = 409,51 гр., 1 золотник = 4,2657 гр.

Стоимость суточного солдатского пайка в мирное время составляла 19 коп., что составляло в год 70 руб.

Нормы продснабжения на мирное время на 1 человека в сутки:

Наименование		Армия	Гвардия
Провиант	Хлеб ржаной	1230 гр.	1230 гр.
	или Сухари ржаные	819 гр.	819 гр.
	или Мука для печения хлеба	927 гр.	927 гр.
	Крупа (просьяная, гречневая, овсяная, рисовая)	136 гр.	205 гр.
Приварочные деньги, на которые можно купить:	Мясо	307 гр.	307 гр.
	Овощи, перец, сало, масло, мука, приправы	2,5 коп.	2,5 коп.
Чайные деньги, на которые можно купить:	Чай	2 гр.	2 гр.
	Сахар	25 гр.	25 гр.

Нормы продснабжения в военное время на 1 человека в сутки:

Наименование		Армия	Гвардия
Провиант	Хлеб ржаной	2254 гр.	2254 гр.
	или Сухари ржаные	1539 гр.	1539 гр.
	Крупа (просьяная, гречневая, овсяная, рисовая)	238 гр.	307 гр.
Приварочные деньги	Мясо	716 гр.	716 гр.
	или Мясо+мясные консервы	307 гр.+409,5 гр.	307 гр.+409,5 гр.
продукты натурой	Овощи свежие	255 гр.	255 гр.
	или Овощи сушеные	17 гр.	17 гр.

		Масло коровье или сало свиное	21 гр.	21 гр.
		Мука пшеничная	17 гр.	17 гр.
Чайные		Чай	2 гр.	2 гр.
деньги	или	Сахар	25 гр.	25 гр.
продукты натурой:				

Нормы снабжения продуктами в военное время членов семей солдат и унтер-офицеров, призванных по мобилизации, ратников ополчения на одного члена семьи на месяц:

- Мука ржаная или пшеничная – 28 кг.;
- Крупа разная – 4 кг.;
- Соль- 1,6 кг.
- Масло растительное – 409,6 г.

Примечания:

1. Норма выдается деньгами по рыночным ценам данной местности.
2. К членам семьи относятся – жена, дети, родители на иждивении.
3. Дети до 5 лет получают половину нормы.

Иная система продовольственного снабжения была для офицеров. Они получали так называемые «столовые деньги» по следующим нормам (в год):

- младшие офицеры во всех родах войск – 96 руб.;
- начальники пулеметных команд и ст. офицеры артбатарей – 180 руб.;
- командиры рот, эскадронов, учебных команд – 360 руб.;
- командиры отдельных саперных рот и отдельных сотен – 480 руб.;
- командиры батальонов, пом. командира полка, командиры рот крепостной артиллерии, младшие офицеры артиллерийских бригад – 600 руб.;
- командир артбатареи – 900 руб.;
- командир отдельного батальона, арт. дивизиона – 1056 руб.;
- командир полка, командир неотдельной бригады – 2700 руб.;
- командир артбригады – 3300 руб.;
- начальник отдельной стрелковой, кавлерийской бригады – 330 руб.;
- начальник дивизии – 4200 руб.;
- командир корпуса – 5700 руб.

В военное время или при службе в гарнизонах, где невозможно приобретать продукты у местного населения офицерам разрешалось приобретать на себя и членов семьи продукты в полку за полную плату по солдатским нормам.

«Король сувениров»

Без сомнения, самым известным Австралийским солдатом, принявшим участие в Первой мировой войне, является рядовой Барни Хайнс. Известность ему принесла эта фотография: Барни Хаймс сидит в окружении трофеев, одетый в немецкую шапку. Фотография была впервые опубликована в 1917 г. и была подписана: «Wild Eyes, the souvenir king».

Барни по происхождению был ирландцем, родился в Ливерпуле. Перед войной работал на лесопильном заводе в Австралии. Служил в 45 батальоне.

Отличный солдат в бою, он был неуправляемым после боя. Он часто бывал в самоволках, много раз обвинялся в пьянстве. На фронтах Первой мировой войны прославился буквально маниакальным собирательстве немецких трофеев. Он собирал все и помногу. В его коллекции было куча касок,

оружия, наград, часов, ювелирных изделий и т. д.

Среди его трофеев был концертный рояль, несколько чемоданов с банкнотами из банка города Амьена и огромные напольные часы, которые взорвали его же товарищи, так они всегда привлекали внимание немецкой артиллерии. С тех пор за Барни закрепилась кличка «король сувениров».

В 1918 г. его отправили домой в Австралию из-за проблем со здоровьем.

Хайнс стал героем многих баек. Самая популярная гласит о том, что сам кайзер был взбешен публикацией этой фотографии, которая свидетельствовала, что австралийские «варвары» безнаказанно мародерствуют, грабя убитых немецких солдат.

Позже Хайнс пожелал снова воевать с фрицами, он пытался поступить на службу в 1941 г., но по многим причинам кандидатура 60-летнего ветерана была отвергнута и на Вторую мировую его не взяли.

Барни жил довольно бедно, часто сидел без работы, выручали продажи трофеев. Несмотря на это, он раз в неделю навещал ветеранов в госпитале и всегда приносил свежие овощи со своего огорода.

Натура противоречивая, храбрый солдат. В его честь переименовали улицу на которой он жил, а в 2002 ему был установлен памятник.

Умер в 1959 г.

Небесное воинство

В будущих войнах не может быть победы без воздушного флота
Великий князь Александр Михайлович

Будем ли мы когда-нибудь летать?
Этот вопрос постоянно тревожит человека.
Человеку, царю природы, приходится мечтать о том,
чтобы суметь подражать птице, стоящей весьма низко
по сравнению с ним в ряду органических существ.
Будет ли иметь подобный полет практическое применение или нет –
это имеет лишь второстепенное значение в настоящую минуту...
Пусть рассудительные люди смеются над подобными затеями,
найдутся другие, которые будут работать,
а кто будет смеяться последним – проживем, увидим
Инженер Е. С. Федоров (1890 г.)

Споры о первенстве в изобретении управляемого воздушного судна до сих пор не разрешены, поэтому тот вроде бы устоявшийся факт, что первый полет выполнен братьями Райт, все равно ставится под сомнение. Дальность и длительность первых полетов в истории мировой авиации были крайне незначительны. Счет шел на сотни метров и на минуты. Чудом воспринимался сам факт, что конструкция тяжелее воздуха способна оторваться от земли. Но любое дело имеет свойство быстро развиваться. Уже через несколько лет, к началу второго десятилетия XX в., полеты Анри Фармана из Шалона в Реймс (27 км) и Луи Блерио через Ла-Манш заставили воспринимать аэропланы всерьез. Во Франции в 1911 г. было принято на вооружение 200 аэропланов, в Германии в том же году – 30.

Старалась поспеть за прогрессом и армия Российской империи – тем более что в ней осуществлялись серьезные реформы, ставшие следствием неудач Русско-японской войны. Основа для развития отечественного воздухоплавания уже имелась: теоретическая база закладывалась трудами создателя аэродинамики Жуковского, начали работать талантливые авиаконструкторы Сикорский, Стенглау, Гаккель, Слесарев. За привлечение внимания широкой публики «отвечали» первые авиаторы Ефимов, Уточкин, Попов. Уже с 1908 г. по всей России возникают аэроклубы и добровольные воздухоплавательные кружки, начинают выходить специализированные журналы. К началу 1909 г. находившийся в Петербурге Всероссийский аэроклуб насчитывал 400 человек. В 1910 г. были предприняты первые шаги к созданию Русского Императорского военно-воздушного флота, патроном которого стал великий князь Александр Михайлович. В армаде появилось семь самолётов, купленных казной у частных лиц, среди них всего один – русской постройки. Забегая вперёд, скажем, что эта тенденция сохранилась и в последующие годы: аэропланы отечественного производства с трудом принимались на вооружение, а предпочтение отдавалось иностранным или лицензионным, при этом часто устаревшим моделям.

Перед мировой грозой

Накануне войны в России уже около 25 лет действовал Учебный воздухоплавательный парк (УВП), размещавшийся на окраине Петербурга. Его предназначением являлось развитие русского военного воздухоплавания, подготовка кадров, разработка и проверка боевого применения аэростатов. В октябре 1910 г. УВП был реорганизован в Офицерскую воздухоплавательную школу (ОВШ) с двумя отделами – воздухоплавательным на Волковом поле и временным авиационным в Гатчине, который должен был ежегодно готовить по 10 лётчиков. В последующем авиационный отдел школы неоднократно расширялся и в июле 1914 г. был реорганизован в Гатчинскую военную авиационную школу. Школа имела отделение в Варшаве. Осенью 1910 г. началось формирование

военной школы авиации в Севастополе. Через год она располагала более чем 40 самолетами различных типов. В ноябре 1911 г. состоялся первый выпуск (30 человек) офицеров-летчиков. А еще весной 1910 г. семь русских офицеров и шесть нижних чинов были откомандированы во Францию: первые – для обучения полетам, вторые – для подготовки в мотористы. К концу 1911 г. русское военное ведомство имело в своем распоряжении около 50 подготовленных летчиков, что дало возможность приступить к формированию первых авиационных отрядов.

Осенью 1911 г. в маневрах Варшавского военного округа приняли участие пять самолётов «Фарман», пять «Блерио» и дирижабль. Авиоотряды располагались в непосредственной близости от штабов корпусов и вели по их заданию разведку тыла «противника». Летчики с высоты 600 м (такая высота признавалась безопасной и недостижимой для ружейного и пулеметного огня) точно определяли места дислокации и количество войск. Аэропланы произвели аэрофотосъемку, результаты которой были признаны вполне впечатляющими. Кроме разведки, авиаторы осуществляли связь между штабами и крупными соединениями войск, главным образом, кавалерии, действовавшей в отрыве от главных сил. Эти маневры подтвердили способность авиации выполнять боевые задачи. На эффективность нового рода войск указал начальник Генерального штаба Яков Жилинский в специальной докладной записке «Об участии авиационных отрядов Отдела Воздушного флота в манёврах войск Варшавского военного округа». В частности, он подчеркнул, что «...именно благодаря хорошо организованной воздушной разведке командование «южной группы войск» получило достоверные сведения о расположении войск «противника».

Набор функций

Разведка – таковым казалось главное и едва ли не единственное предназначение авиации на момент начала войны. Хотя были попытки использовать аэропланы в более «агрессивном» ключе. На Балканской войне 1912 г., куда отправился небольшой отряд русских авиаторов-добровольцев, пилоты пробовали атаковать неприятельские позиции небольшими бомбами, а живую силу – получившими позднее широкое распространение стальными дротиками-флешеттами. Но то были лишь единичные случаи боевого, а не разведывательного применения авиации.

С началом великой войны ситуация не изменилась радикально. Перечень задач, стоявших перед авиацией всех армий, не слишком расширился. А произошло это, лишь когда свою первоочередную задачу – разведку – небесное воинство стало выполнять настолько эффективно, что у противника не оставалось альтернативы, кроме как искать способы уничтожения назойливых воздушных соглядатаев, чьи усилия грозили почти неминуемыми тяжёлыми потерями от рук хорошо проинформированных сухопутных войск врага. Только тогда, к началу 1915-го, вопрос вооружённого противостояния в воздухе выдвинулся в первоочередные.

Способы предлагались разные, не все теории оказались применимы на деле. Воевать-то готовились, но хороших, годных средств для этого явно не доставало. Прежде всего, вначале на аэропланах не было встроенного бортового оружия; рекомендовалось, «заметив самолет противника, полететь к нему навстречу и, пролетая над ним, сбросить на него снаряд сверху». Снарядом при этом могли служить дротики, гири или просто бруски металла, которыми старались повредить самолёт или убить лётчика. Предлагалось также «искусным маневром вблизи летящего самолёта образовать воздушные вихри, грозящие ему катастрофой».

В первых воздушных боях активно использовались тараны. Изобретателем воздушного тарана считается русский авиатор Николай Яцук, который в журнале «Вестник воздухоплавания» (№ 13–14, 1911 г.) высказал предположение: «Возможно, что в исключительных случаях лётчики будут решаться таранить своими аэропланами чужие». Он же предложил первый способ воздушного тарана, дающий пилоту шанс на выживание: удар сверху шасси своего аэроплана по крылу аэроплана противника. Именно от Яцука про таран узнал Петр Нестеров, впервые применивший воздушный таран на практике как

раз таким способом. Многие летчики обычно старались колесами собственной машины сломать фюзеляж или крылья самолета противника. В среде авиаторов таран долгое время так и именовался – «битье колесами сверху». Практиковалось и принуждение противника к посадке. При этом старались либо загнать того слишком высоко, чтобы у него замерз двигатель, либо, наоборот, прижать противника к земле, чтобы лишить его возможности маневрировать. На самолет противника пытались набросить аркан или «кошку» с целью остановить работу пропеллера. Петр Нестеров, например, практиковался орудовать грузиком на длинном тросе. Иногда к «кошке» прикрепляли дымовые или динамитные шашки.

Чем и как воевать

Быстро выяснилось, что огонь из ручного оружия в воздушном бою практически бесполезен. Хотя попытки метким выстрелом из карабина или маузера «снять на скаку» вражеского пилота предпринимались. Чаще всего этим занимался второй член экипажа – летчик-наблюдатель, чьи руки не были заняты рычагами управления. В начале 1915 г. англичане и французы первыми начали ставить на самолеты пулемётное вооружение. Так как обстрелу мешал пропеллер, первоначально пулеметами оснащали только машины с толкающим винтом, расположенным сзади и не препятствующим ведению огня в носовой полусфере. Первым в мире истребителем стал британский «Виккерс», специально построенный для воздушного боя с помощью закреплённого на турели пулемета. Тем не менее особенности конструкции самолетов с толкающим винтом в то время не позволяли развивать достаточно высоких скоростей, и перехват быстроходных разведчиков был затруднителен. Спустя некоторое время французы предложили решение проблемы стрельбы через винт – металлические накладки на нижние части лопастей. Автором его был французский ас, чье имя известно любому любителю спорта, в частности тенниса, – сержант Ролан Гаррос. Пули, попадающие в накладки, отражались, не повреждая деревянного пропеллера. Это решение оказалось удовлетворительным, но не более: во-первых, боеприпас быстро расходовался впустую из-за попадания части пуль в лопасти винта; во-вторых, удары пуль все же постепенно деформировали пропеллер. А вскоре был изобретен пулеметный синхронизатор. Это новшество позволяло вести огонь через винт самолета: механизм позволял пулемету выстрелить только тогда, когда перед дулом не было лопасти. В апреле 1915 г. эффективность решения была продемонстрирована на практике, но по случайности экспериментальный самолет с синхронизатором был вынужден приземлиться за линией фронта и был захвачен немцами. Изучив механизм, фирма «Фоккер» очень быстро разработала собственную версию, и летом 1915 г. Германия выставила на фронт первый истребитель «современного типа» – с тянущим винтом и стреляющим сквозь диск пропеллера пулеметом. Появление эскадрилий таких самолётов оказалось для Антанты полной неожиданностью: все ее истребители имели устаревшую схему и уступали аппаратам Фоккера. С лета 1915-го по весну 1916 г. немцы доминировали в небе над Западным фронтом, обеспечив себе существенный перевес. Соотношение потерь союзников и немецких авиаторов было настолько неприличным и не в пользу первых, что это положение в небе стали называть «Бич Фоккера». Нечто похожее, и вновь благодаря технической новинке, произошло еще раз – под новый 1917 г. Германия «вывела на сцену» истребитель с обтекаемым фюзеляжем и вновь получила преимущество: апрель 1917 г. для авиации Антанты вошёл в историю как «кровавый» – потери составили около 250 английских аэропланов против всего 60 немецких.

Ну а в промежутках Антанте время от времени удавалось выравнивать положение. Поступление на фронт разворотливых лёгких бипланов английских и французских конструкторов, превосходивших в маневренности ранние истребители Фоккера, позволило изменить ход войны в воздухе в 1916-м. И к лету 1917 г. появление новых истребителей переломило ход воздушной войны. Главным преимуществом Антанты стало лучшее состояние англо-французского двигателестроения. Кроме того, с 1917 г. Германия начала испытывать жесткий дефицит ресурсов. В итоге к 1918 г. авиация Антанты добилась как качественного, так и количественного превосходства в воздухе над

Западным фронтом. Немецкая авиация более была не в силах претендовать на доминирование. В попытке переломить ситуацию немцы пытались разработать новые тактические приемы (так, например, во время летнего наступления 1918 г. были впервые широко применены воздушные удары по аэродромам базирования с целью уничтожить вражескую авиацию на земле), но подобные меры не могли изменить общую неблагоприятную ситуацию.

Вот так – скачками, рывками, ускорениями и широкими шагами – шло вперед развитие военной авиации в боевых условиях. Что говорить, если в первые месяцы войны никто и понятия не имел о бомбардировочной авиации, а к концу года военных действий пришлось строить около Парижа его бутафорскую имитацию с намерением сбить с толку германские бомбовозы. Угрозу с воздуха своей столице французы считали более чем реальной.

Особенности национального полета

В техническом отношении отечественная авиация шла в фарватере европейской, а ее проблемы и трудности оказались лишь отражением или следствием тех, что были на фронтах западных. Потому что воевать на отечественной технике российским авиаторам почти и не приходилось...

Выпускать военные самолеты в России готовы были несколько предприятий, государственных и частных, наиболее известные – Русско-Балтийский завод в Риге с филиалом в Петрограде, где собирались легендарные тяжелые «Муромцы». Однако военное министерство фактически устранилось от координации строительства самолетов. В большинстве случаев выпускались аэропланы иностранных конструкций (в серийном производстве находилось 16 зарубежных моделей и лишь 12 отечественных). А на закупках чиновники военного министерства наживались, оттого и сопротивлялись постройке самолётов русскими конструкторами. К тому же иностранные фирмы отнюдь не спешили передавать русским свои новейшие технические разработки.

К моменту, когда их все-таки продавали в Россию, они успевали уже порядком устареть. При этом изобретения талантливых русских конструкторов – Сикорского, Стенглау, Гаккеля – так и не были запущены в серийное производство. Тяжелее всего была ситуация с двигателями для аэропланов (интересно, что и в последующие времена, например в годы Великой Отечественной, именно моторостроение было самым слабым звеном авиационной отрасли, тормозившим воплощение конструкторской мысли). Из-за отсутствия нужных двигателей много интересных проектов осталось на бумаге, многие аэропланы не были испытаны, многие начинания оказались скомпрометированными по причине малой мощности и чересчур большого веса двигателей, которые конструктор после долгих мучений раздобывал и ставил на свой аэроплан, заведомо зная о непригодности этого мотора, но одновременно сознавая, что другого не получит. Мы не были отсталыми в области авиационной науки и техники. Мы были отсталыми в области производства. Что толку в гениальных изобретениях, если промышленность не может освоить их серийный выпуск?

Другой важной проблемой военного времени была подготовка летчиков. При ежегодной потребности около 1 тыс. человек все российские школы могли обучить не более 500 авиаторов. Весь комплекс проблем находил отражение в цифрах. Скажем, за 1915 г. летчики русской армии произвели почти 10 тыс. боевых вылетов. При этом основные потери – 43% летного состава погибло или получило тяжелые ранения – произошли в результате отказов матчасти, еще 22% потерь – из-за ошибок в пилотировании. 33% были сбиты зенитной артиллерией, и только 2% погибли в воздушных боях. Проблемы с техникой и кадрами продолжались и дальше. В 1916 г. из всех погибших 52% стали жертвами отказов матчасти, 23% разбились из-за ошибок пилотирования, 18% были сбиты огнём зенитной артиллерии и 7% погибли в воздушных боях.

И все-таки русским авиаторам, как их называли тогда – «военлетам», было чем гордиться. Одной из наиболее ярких страниц всей войны стало летнее русское

наступление 1916 г. на Юго-Западном фронте. При его подготовке впервые в широких масштабах была осуществлена аэрофотосъемка укрепленных позиций противника. Эта работа развернулась уже в первые месяцы года, и полученные материалы послужили одним из главных оснований для принятия командованием оптимальных решений по выбору участков прорыва фронта. Авиаторам удалось вскрыть до мельчайших подробностей систему обороны противника, после чего были составлены карты его позиций, которые поступили в армейские части по 80–100 экземпляров на корпус. Русская артиллерия благодаря данным аэрофотосъемки получила возможность вести огонь по конкретным, точно установленным целям, что позволило при незначительной плотности орудий на 1 км фронта (20–25 ед.) достигнуть хороших результатов в подавлении огневых средств и разрушении инженерных сооружений. В целом широкое применение фотографирования повысило качество авиаразведки и доверие к ней со стороны командования.

Отдельная глава в истории Первой мировой – гордость нашего авиастроения четырехмоторный воздушный корабль «Илья Муромец». Россия просто-напросто была единственной страной, имевшей в начале войны бомбардировочную авиацию дальнего действия. Свои качества машина конструктора Игоря Сикорского продемонстрировала еще летом 1914 г., когда один из самолётов типа «Илья Муромец» совершил знаменитый перелет Петербург-Киев. 700-километровое расстояние от Петербурга до Орши было покрыто без посадки за 8 часов. Обратный путь из Киева до Петербурга самолёт прошел за 13 часов, что было по тому времени мировым рекордом.

Интересно отметить, что именно на самолете «Илья Муромец» впервые в мире были применены устройства, обеспечивающие экипаж известным комфортом: кабина отапливалась воздухом, подогреваемым горячими выхлопными газами от моторов, было проведено электрическое освещение к местам экипажа. На этом же самолете, тоже впервые в мире, проектировалась установка тяжёлых пушек, для чего в первом проекте была предусмотрена особая «пушечная палуба» в носовой части. В общей сложности в войне участвовало 54 «Муромца». Могло ли их быть больше? Задним числом положительный ответ напрашивается, но на деле, в условиях постоянного истощения экономики повседневными военными нуждами, строительство дорогостоящих машин вряд ли могло быть на порядок масштабнее.

Основными целями бомбометания наших «летающих крепостей» были, прежде всего, крепости и долговременные укрепленные районы. В 1915 г. при подготовке штурма Перемышля «Муромцы» сбросили на крепость 200 тяжелых бомб, а в 1917 г. русским удалось разгромить базу немецких гидросамолетов на озере Ангерн близ Риги. Прямыми попаданиями были уничтожены склады, ангары и несколько аэропланов (остальные покинули базу и никогда более туда не возвращались). Бомбардировка передовых позиций противника, а также тесное взаимодействие с наземными войсками в Первую мировую войну большого развития не получили.

Не люди – золото

«Летуны» великой войны были не просто «белой костью» в армиях воюющих держав, это была просто-таки аристократическая прослойка, высшая каста в военной иерархии. Штучный товар. Одно лишь существенное отличие было у русских летчиков по сравнению с их коллегами на Западном фронте – в России мечтали даже не о том, чтобы машины были не хуже, чем за границей, а просто о том, чтобы они были. Устаревшая техника приводила к высоким потерям среди российских пилотов. Состав некоторых авиационных отрядов за год обновлялся несколько раз... И тем не менее в таких условиях в русской армии появлялись свои летчики-асы. Имя Петра Нестерова – автора «мертвой петли» и первого (фатального для себя) тарана – известно и школьникам. Но героический штабс-капитан погиб на второй месяц войны. Другие летчики добились большего. Первый таран, после которого пилот вернулся живым, осуществил самый результативный русский летчик Первой мировой (17 побед) Александр Казаков.

А наибольшую известность среди отечественных асов получил Евграф Крутень, который был, по отзывам сослуживцев, пилотом божьей милостью... Его по праву называют и основоположником теории истребительной авиации в России, что имеет библиографическое подтверждение, – за свою короткую 27-летнюю жизнь Крутень написал 9 брошюр-пособий по основам и тактике воздушного боя. Уже в первой из них, красноречиво названной «Кричащие нужды русской авиации», молодой авиатор бросает товарищам горький, но справедливый упрек: «Наши летчики как мотыльки, беспечно порхающие с аппарата к женщине, от женщины на бутылку, потом опять на аппарат, потом на карты. Отжарил боевой полёт – и брюшко вверх. Внеполетной работы нет». Упрёк был услышан, тем более что сама логика жизни – необходимость противостоять опасному и опытному врагу, огромные потери, кадровые изменения в летном составе – заставили наших пилотов относиться к делу серьезнее. А сам Крутень стал первым в стране командиром авиаотряда истребителей.

Многие имена героев Первой мировой были на десятилетия забыты. Прежде всего, потому, что долгое время в нашей стране подвиги «империалистической войны» не считалось нужным афишировать. Есть и другая причина, не зря в первых строках главки упомянута «белая кость». Те из русских асов, кто не сложил голову в той войне, почти поголовно оказались после 1917 г. или за рубежом, или, того хуже, в рядах Белого движения, как ас № 1 Казаков. Среди эмигрантов те, кто позже был знаменит в США, как Северский, Сергиевский и Янченко, кто-то окончил свои дни во Франции, кто-то в Чехии или даже Австралии. Но документы остались. И в одном из них есть слова, которые, похоже, годятся для всеобъемлющей характеристики того, как умели воевать российские авиаторы. Из донесения штаба 10-й армии инспектору авиации Западного фронта от 25 мая 1917 г.: «...Летчики, несмотря на техническую отсталость наших аппаратов, рвались в дальние, крайне опасные полеты, и их приходилось всё время сдерживать, напоминая о необходимости поберечь себя и аппараты для будущего. Наши летчики, совершая полеты даже на самых плохих аппаратах, при встрече с самолётами противника почти всегда первыми атаковали их...».

Федор Делиард

«Для создания Воздушного флота нужна массовая поддержка»

Зарождение и развитие российского Воздушного флота, особенно в период Первой

мировой войны – один из редких примеров единения воли народа и государственной власти.

Фонд Кыштымского музея обладает уникальной фотографией, на которой изображен важный исторический момент – сбор пожертвований на Воздушный флот.

В материалах Оренбургской духовной консистории было обнаружено следующее воззвание: «Его Императорское Величество Государь

Император Николай II в 31-й день декабря 1908 г. соизволил разрешить состоящему под Высочайшим Его покровительством Императорскому Всероссийскому Аэроклубу всенародную подписку на создание Воздушного флота».

При аэроклубе был организован Особый комитет по сбору пожертвований, который возглавил Великий князь Александр Михайлович Романов.

На средства Комитета были посланы во Францию обучаться летательному искусству первые русские летчики – 5 офицеров и 7 нижних чинов. На один миллион рублей Комитет за три года приобрел 90 самолетов и организовал первые в России авиационные школы – в Севастополе и в Гатчине. Для этого в составе Комитета был организован «Отдел воздушного флота». В результате таких дальновидных действий Комитета и активной деятельности его председателя к началу 1-й мировой войны Черноморский и Балтийский флоты имели необходимую авиационную поддержку.

Серебряный знак выдавался лицам, пожертвовавшим на развитие воздухоплавания 100 рублей, а также лицам за особые труды и заслуги в деле содействия Комитету.

Пермский губернский комитет по организации сборов на военный воздушный флот Особого комитета по усилению военного флота на добровольные пожертвования (г. Пермь) Создан в соответствии с постановлениями Особого комитета Особого комитета по усилению военного флота на добровольные пожертвования от 7, 24 мая 1912 г. и состоял в его ведении. Действовал при губернаторе. Организовывал проведение однодневных сборов пожертвований, контролировал деятельность уездных комитетов. Упразднен после февраля 1917 г.

Военное прошлое белого шелкового шарфа

Во время Первой Мировой войны шарфы были одними из основных аксессуаров для мужчин. Вязание теплых шарфов для тех, кто защищал родину, было патриотической идеей, которая активно поощрялась по обе стороны океана.

Военные летчики считали шарфы неотъемлемым атрибутом своих полетов. Они обеспечивали сохранение тепла во время длительных полетов в холодное время года и прекрасно сочетались с теплыми куртками-авиаторами. Но не у многих стильных аксессуаров есть историческое прошлое такое, как у белого шелкового шарфа.

Шелковый шарф, именно он стал одним из отличительных атрибутов летчика начала XX века. Такие асы Первой Мировой войны как Манфред фон Рихтгофен, Луиджи Гори, Адольф Пегу и Рене Фонк считали белый шелковый шарф неотъемлемой частью своего военного гардероба, и носили это этот аксессуар с необыкновенным шармом.

Шелковый шарф вносил долю романтизма в героический облик летчиков, но причина популярности этого аксессуара в другом. Конечно, он не спасал от холода, как шерстяной шарф, однако, при этом, выполнял одну очень важную функцию. Дело в том, что в начале XX в. на самолетах не было ни радаров, ни других систем слежения за неприятелем, поэтому в бою пилотам истребителей и штурмовикам приходилось постоянно поворачивать голову то в одну, то в другую сторону. Таким образом, они не спускали глаз со своего врага. Однако из-за частого вращения головой, летчики сильно натирали шею о грубый воротник кителя, иногда даже до крови. По этой причине пилоты стали носить шелковые шарфы.

Чтобы обеспечить максимальную эффективность, материал должен был быть легким, мягким к коже, но в то же самое время, достаточно прочным, чтобы противостоять сильному ветру. В те времена отвечала всем требованиям только одна ткань: шелк.

При этом шарф настолько хорошо смотрелся в комбинации с униформой, особенно, с кожаной курткой, что многие летчики оставили его в гардеробе, даже когда надобность постоянно поворачивать голову отпала.

Нет никакой установленной причины почему цвет шарфа летчика был именно белым, хотя, позже, появились разноцветные и с различными эмблемами причастности к военной эскадрильи. Однако, по сей день, простой белый остался как самый популярный цвет.

Возможно, шелковый шарф военного летчика обязан своим цветом, белому шелковому полотну парашютов. Именно

из старых шелковых парашютов иногда выкраивали «шарфы авиаторов» в виде двуслойного «рукава», чтобы они лучше сохраняли тепло. Размер такого «авиационного» шарфа была от 150x30 см до 2,5 метров длины, для того, что шарф можно было обмотать вокруг шеи несколько раз.

Шарфы обладали популярностью среди молодых людей в двадцатых и тридцатых годах частично из-за своего военного происхождения и, что также вероятно, как сегодня, из-за способности дополнять основной комплект одежды. За это мужчины любят и носят шарфы и сейчас.

Первая мировая война на море

Военные действия на море в Первую мировую войну в основном заключались в морской блокаде флотами Антанты Германии и попытках Германии нарушить британское и французское судоходство с помощью подводных лодок и рейдеров.

Военно-морская гонка вооружений между Британской империей и Германской империей была одной из важнейших причин Первой мировой войны. Германия хотела увеличить свой военный флот до величины, которая позволила бы германской заморской торговле не зависеть от доброй воли Британии. Однако увеличение германского флота до величины сопоставимой с британским флотом неизбежно ставило под угрозу само существование Британской империи.

Основным типом боевого корабля в Первую мировую был линейный корабль, построенный по образцу дредноута. Военно-морская авиация только начинала своё развитие. Большую роль приобрели подводные лодки и морские мины.

26 августа 1914 г. российские крейсера «Паллада» (на фото) и «Богатырь» захватили сигнальную книгу с германского лёгкого крейсера Магдебург, севшего на мель вблизи острова Осмуссаар в Финском заливе. Российские власти передали книгу британскому Адмиралтейству, что сыграло решающую роль в раскрытии военно-морского кода Германии. Раскрытие кода оказало впоследствии огромное влияние как на боевые действия на море, так

и на ход войны в целом.

Северное море было основным театром войны для надводных кораблей. Здесь друг другу противостояли британский Гранд-Флит и германский Флот открытого моря. Значительно больший по численности британский флот поддерживал блокаду Германии, отрезав её от заморских ресурсов. Немецкий флот в основном оставался в гавани, ожидая, не возникнет ли выгодная ситуация для боя.

Было несколько крупных сражений: сражение при Гельголанде, сражение при Доггер-Банке, Ютландское сражение, и Второе сражение при Гельголанде. В целом, британский флот, хотя и не всегда добивался тактических успехов, смог поддерживать блокаду и удерживать немецкий флот в гавани, хотя до конца войны германский флот оставался серьёзной угрозой, приковывавшей к себе большинство британских сил.

В то время как Германия испытывала значительные трудности из-за британской морской блокады, британская метрополия сильно зависела от импорта продовольствия и сырья. Немцы обнаружили, что их подводные лодки, хотя и малоэффективны против надводных боевых кораблей, хорошо справляются с торговыми кораблями и могут легко патрулировать Атлантику даже при господстве британских сил на поверхности моря. В 1915 г. немцы попытались установить блокаду Британии с помощью подводных лодок. Им удалось нанести значительный ущерб британскому судоходству, но не удалось прекратить его.

В начале войны ни у Российской, ни у Османской империи не было дредноутов на Черном море. Два дредноута, строившихся для турецкого флота в Англии, были с началом войны реквизированы и включены в королевский флот под названиями HMS Erin и HMS Agincourt. Осенью 1914 г. Германия передала Османской империи линейный крейсер SMS Goeben и легкий крейсер SMS Breslau. Намного превосходя броненосные корабли ЧФ России, «Гебен» сыграл решающую роль в дальнейших событиях.

Боевые действия на Черном море начались в октябре 1914 г. с бомбардировки германо-турецкими силами прибрежных русских городов, при этом «Гебен» и «Бреслау» атаковали главную базу ЧФ – Севастополь. Эта бомбардировка привела к объявлению Россией войны Турции и, соответственно, вступлению последней в войну на стороне Центральных держав. 5 ноября 1914 г. главные силы ЧФ внезапно встретили «Гебен» и «Бреслау» в районе Ялты. Несмотря на благоприятное для русских стечение обстоятельств, добиться решающего результата не удалось – после обмена залпами противник смог уйти (См. Бой у мыса Сарыч). Вплоть до начала 1916 г. «Гебен» и «Бреслау» оставались костью в горле российского флота. Лишь в начале 1916 г. черноморский флот получил первые линкоры-дредноуты – «Императрица Мария» и «Императрица Екатерина Великая», что радикально изменило соотношение сил в пользу ЧФ России.

Вскоре после большевистского переворота в Петрограде и наступившей вследствие этого анархии Черноморский флот потерял боеспособность. По Брестскому мирному договору между правительством Ленина и Германией, главная база флота в Севастополе перешла под контроль немцев.

Балтийское море рассматривалось ведущими морскими державами – Великобританией и Германией – как второстепенный театр. Британцы считали, что русский флот, медленно восстанавливающийся после поражения в Русско-японской войне 1904-1905 гг., не сможет оказать сколько-либо существенной помощи британскому флоту, а немцы опасались в первую очередь флота Великобритании, поэтому держали на Балтике лишь устаревшие корабли. Основной боевой задачей русского флота являлось сопротивление проникновению противника в Финский залив путём боя на заранее подготовленной позиции. Для решения этой задачи была назначена оборонительная позиция в устье залива, образуемой островом Норген и мысом Порккала-Удд – так называемая центральная минно-артиллерийская позиция. Военные действия на Балтике начались 31 июля – усские минные заградители под прикрытием линкоров начали ставить первые мины.

26 августа 1914 г. на Балтике произошло событие, оказавшее значительное влияние на дальнейший ход войны. В Финском заливе у острова Осмуссаар сел на мель германский легкий крейсер «Магдебург». Попытки спасти корабль закончились неудачей и вскоре он был захвачен подошедшими русскими крейсерами «Богатырь» и «Паллада». Главным успехом были поднятая из моря сигнальная книга крейсера, которая затем была передана британскому Адмиралтейству, что сыграло решающую роль в раскрытии военно-морского кода Германии. Раскрытие кода оказало впоследствии значительное влияние, как на боевые действия на море, так и на ход войны в целом.

11 октября торпедой немецкой подводной лодки U-26 был потоплен крейсер «Паллада». В середине октября на Балтику прорвались две британских подводных лодки. 17 ноября подорвался на минах и затонул немецкий крейсер «Friedrich Carl». В конце 1914 г. были достроены четыре новых линкора «Полтава», «Гангут», «Петропавловск» и «Севастополь», что изменило соотношение сил в Балтийском море.

25 января 1915 г. подорвались на минах и получили повреждения немецкие крейсера «Augsburg» и «Gazelle». 19 июня произошел Готландский бой между русским и немецким отрядами крейсеров. Был потоплен немецкий минный заградитель «Альбатрос». 8 августа немецкие силы, состоящие из 7 линкоров, 6 крейсеров, 24 эсминцев и 14 тральщиков, попытались прорваться в Рижский залив через Ирбенский пролив. Им противостояли броненосец «Слава», канонерские лодки «Грозный», «Храбрый», «Сивуч», минный заградитель «Амур», 16 эсминцев и дивизион подводных лодок. В 4 часа утра немецкие тральщики начали делать проход в минном поле. Их заметили русские самолёты, вскоре к месту сражения подошли канонерские лодки «Грозный» и «Храбрый» и эсминцы, которые открыли огонь по тральщикам. В 10 часов 30 минут броненосец «Слава» прибыл к месту боя и вступил в артиллерийскую дуэль с двумя немецкими линейными кораблями – «Эльзас» и «Брауншвейг». Потеряв два тральщика Т-52 и Т-58 на минах, немцы

отказались от попытки прорыва. 10-15 августа минный заградитель Амур поставил дополнительное минное поле в Ирбенском проливе.

16 августа немецкие силы повторили попытку прорваться через Ирбенский пролив. В течение дня немцам удалось протралить Ирбенский пролив, хотя они потеряли тральщик Т-46. «Слава» была вынуждена отойти после боя с немецкими линкорами «Нассау» и «Позен». В ночь на 17 августа германские эсминцы «V-99» and «V-100» проникли в Рижский залив. В бою с русским эсминцем «Новик» V-99 был повреждён, а затем подорвался на минах и был затоплен экипажем. Днём 17 августа «Слава» снова вступила в бой с линкорами «Нассау» и «Позен», получила три попадания и отошла к Моонзунду. 19 августа подорвался на минах и затонул немецкий эсминец «S-31», а британская подлодка E-1 торпедировала немецкий крейсер «Мольтке». После этого германские силы ушли из Рижского залива.

С весны 1917 г., после отречения Императора, флот был рассадником политической активности, отчасти – благодаря своей второстепенной роли в войне. Балтийский флот, базировавшийся в Кронштадте, участвовал, в основном, только в прибрежных операциях, подчиняясь командованию Северного фронта. Его моряки были среди самых активных сторонников большевиков в ноябре 1917 г. (и их самыми смелыми оппонентами в 1921 г.). Черноморский флот, стоявший в Севастополе, принимал активное участие в широкомасштабных боевых действиях против турок. Совместные с сухопутными войсками операции в апреле 1916 г. в Трапезунде на Анатолийском побережье были успешными, но возможности для более амбициозных операций были ограничены. Член экипажа крейсера «Диана» – «систершипа» прославленной революцией «Авроры» – одет на традиционный морской манер. Интересна черно-белая тельняшка (появившаяся еще в 1872 г. тельняшка с самого начала имела синие, а не черные полосы), носившаяся под синей фланелевой рубахой; раздевшись в бою до тельняшки, матрос не мог отступить или сдаться).

12-20 октября 1917 г. произошло сражение между немецким и русским флотом за Моонзундские острова, в ходе которого немецкий флот высадил десант на острова Эзель, Моон и Даго, захватил их и, протралив минные заграждения в Ирбенском проливе, прорвался в Рижский залив. Но они вновь потеряли много тральщиков, а фарватер был закрыт затопленным броненосцем Слава.

После Октябрьской революции русский флот полностью потерял боеспособность. По Брест-Литовскому мирному договору русская армия и флот должны были оставить береговые укрепления в получавших независимость Финляндии и Эстонии. В мае 1918 г. состоялся Ледовый поход Балтийского флота: корабли были выведены через льды из Ревеля и Гельсингфорса в Кронштадт. Переход был совершён по инициативе командующего флотом адмирала А. М. Щастного вопреки приказу большевистского правительства. За нарушение приказа о сдаче флота немцам 22 июня 1918 г. адмирал Щастный был расстрелян по личному указанию большевистского Наркомвоенмора Л. Д. Троцкого

Небольшая часть германских морских сил, расположенная в Тихом океане, с началом войны участвовала в рейдерских операциях. Германский крейсер «Эмден» в бою при Пенанге неожиданной атакой в порту уничтожил русский крейсер «Жемчуг» и французский миноносец «Mosquet» («Мушкет») и потопил около тридцати торговых судов в рейдовых операциях, прежде чем был потоплен в бою у Кокосовых островов.

Германская Восточноазиатская крейсерская эскадра адмирала Максимилиана фон Шпее в сражении при Коронеле разгромила крейсерскую эскадру контр-адмирала К. Крэдока, потопив броненосные крейсера «HMS Good Hope» и «HMS Monmouth». В декабре 1914 г. эта эскадра была уничтожена в сражении при Фолклендских островах.

Германский крейсер «Кёнигсберг» в начале войны находился в Дар-эс-Саламе, столице Германской Восточной Африки. Он также провёл несколько операций: захватил английский пароход в Аденском заливе, обстрелял побережье Мадагаскара; 20 сентября

1914 г. в порту острова Занзибар потопил английский крейсер «Пегасус». 11 июля 1915 г. «Кёнигсберг» был потоплен в дельте Руфиджи в бою с четырьмя английскими кораблями.

Воссоздание военно-морских сил оставалось для России одной из первоочередных проблем. К ее решению были привлечены видные отечественные кораблестроители А.Н. Крылов, Н.Н. Кутейников, И.Г. Бубнов и другие. На нужды флота объявлен среди населения добровольный сбор средств. Учрежден «Комитет по усилению флота на добровольные пожертвования». За пять лет Комитет собрал солидную сумму – 17 млн. руб. На эти средства решено было построить 20 эскадренных миноносцев типа «Генерал Кондратенко» и «Украина». Они и положили начало новому флоту.

В 1913 г. в развитии класса отечественных миноносцев произошло значительное событие. 4 сентября в Петербурге Путиловский завод сдал флоту головной эскадренный миноносец «Новик», принесший заслуженную славу военному кораблестроению России. В течение нескольких лет «Новик» был самым быстроходным кораблем в мире (37,5 уз.).

Проект "Новика" создавался в соответствии с техническими условиями, разработанными Морским техническим комитетом под руководством А.Н. Крылова, И.Г. Бубнова, и Г.Ф. Шлезингера.

За головным последовало строительство серийных кораблей с некоторыми элементами усовершенствования. Их строили три завода в Петербурге, а также заводы в Ревеле, Риге и Николаеве. К началу первой мировой войны на всех флотах России насчитывалось 75 эсминцев разных типов и достраивалось 11. Кроме того, флоты имели 45 миноносцев более ранней постройки. Всего за 1913-1917 гг. в состав Балтийского флота вступило 17, а Черноморского флота – 14 миноносцев типа «Новик».

Опыт войны с Японией показал важную роль крейсеров в эскадренных сражениях. Выявилась необходимость всемерного повышения их скорости и маневренности, а также усиления артиллерийского вооружения. В зарубежных флотах появился подкласс линейных крейсеров. В России к их строительству приступили только в 1913-1915 гг., когда были заложены крейсера «Измаил», «Кинбурн», «Бородино» и «Наварин», но разразившаяся мировая война не позволила их достроить.

А сразу же после окончания русско-японской войны на отечественных и зарубежных верфях для русского флота строились крейсера, прототипом которых был «Баян», хорошо зарекомендовавший себя в роли эскадренного крейсера и показавший высокую живучесть боевых и технических средств. Так, крейсера «Адмирал Макаров» был построен во Франции, новые «Баян» и «Паллада» – в Петербурге, крейсер «Рюрик», строившийся в Англии, отличался от крейсера «Баян» главным калибром (вместо двух 203-мм пушек были установлены четыре 254-мм орудия).

В 1913 г. было заложено 6 легких крейсеров типа «Светлана» водоизмещением 6800-7800 т, вооруженных пятнадцатью 130-мм орудиями. Из них были достроены (в советский период) лишь три крейсера («Светлана», «Адмирал Нахимов» и «Адмирал Лазарев»).

К началу войны в составе русского флота насчитывалось 14 крейсеров различных типов.

Из поражения русского флота в Цусимском сражении, и, прежде всего из обстоятельств и причин гибели эскадренных броненосцев, первой сделала для себя вывод Англия. Уже в конце 1905 г. английские кораблестроители начали постройку оригинального броненосного корабля «Дредноут» водоизмещением около 13000 т, с паровыми турбинами, отнесенного к классу линейных кораблей. Артиллерию главного калибра на «Дредноуте» составляли десять 305-мм орудий, расположенных в двухорудийных башнях. В бортовом залпе линкора могли участвовать одновременно четыре башни, управляемые из одного центрального поста. Борт корабля бронировался полностью.

Русские кораблестроители построили линкоры-дредноуты по проекту И. Г. Бубнова и при участии А. Н. Крылова, которые по многим параметрам превосходили английский прототип. В 1909 г. на петербургских верфях были заложены линейные корабли «Севастополь», «Гангут», «Полтава» и «Петропавловск».

Линейное расположение двенадцати 305-мм орудий, размещенных в трехорудийных башнях, позволяло вести огонь с любого борта одновременно всеми стволами. Если вес залпа одного из первых английских дредноутов «Венгарда» составлял 3003 кг, то на «Севастополе» он достигал 5650 кг. За одну минуту отечественный линкор выпускал до 11,5 т металла и взрывчатых веществ. Главный броневой пояс имел толщину 225 мм. Для Черного моря в Николаеве в 1915-1917 гг. были также построены линкоры-дредноуты «Императрица Мария», «Император Александр III» и «Екатерина II». Четвертый линкор «Император Николай I» заложенный в 1915 г., не был достроен.

Морское министерство России в связи с постройкой линкоров отмечало, что результат испытаний этих кораблей показал полную готовность наших заводов, впервые строивших суда столь значительного водоизмещения, а также весьма мощные механизмы турбинного типа.

Линейные корабли додредноутного типа «Андрей Первозванный», «Император Павел I», заложенные в период русско-японской войны, вошли в состав Балтийского флота в 1912 г. В ходе их строительства в первоначальный проект был внесен ряд существенных изменений, учитывающих опыт минувшей русско-японской войны.

Применение минного оружия в русско-японской войне и его дальнейшее развитие требовало от флота принятия эффективных мер для обеспечения противоминной обороны. В первую очередь флот нуждался в кораблях, снабженных тральными устройствами. Такие корабли предусматривались малой судостроительной программой. Первые в мире тральщики специальной постройки «Минреп» и «Взрыв» были заложены на Ижорском заводе в 1909 г. В соответствии с тактико-техническими требованиями тральщики имели водоизмещение 150 т. Основным вооружением корабля были тралы Шульца (змейковый и катерный). Имелось также одно 57-мм орудие. Корабли вступили в строй в 1911 г. Перед первой мировой войной и в годы войны строились тральщики немного большего водоизмещения типа «Клюз» (190 т) и «Капсюль» (248 т).

В 1909-1910 гг. вступили в строй два корабля, специально предназначенные для постановки мин. Это – минные заградители «Амур» и «Енисей» водоизмещением 2926 т. Они могли принимать на борт 324 мины. Артиллерия включала пять 120-мм орудий и два 75-мм зенитных орудия.

Для Каспийской и речных флотилий строились канонерские лодки водоизмещением 600-400 т с артиллерией 120-152-мм калибра.

Набирало темпы и подводное кораблестроение. Первая боевая лодка «Дельфин», спроектированная под руководством И. Г. Бубнова, вступила в строй в 1904 г. И. Г. Бубновым была спроектирована и подводная лодка «Акула», которая строилась на Балтийском заводе (1910 г.). Подводная лодка имела на вооружении восемь торпедных аппаратов.

После «Акулы» в состав русского флота вошли подводные лодки типа «Кальмар» (по американскому проекту), «Минога» (водоизмещение 123/150 т) и «Морж» (водоизмещение 630/790 т).

Однако основное ядро подводного флота России составили подводные лодки типа «Барс» – также конструкции И. Г. Бубнова. Их строительство началось в 1913-1914 гг. в Петербурге и Ревеле. Надводное водоизмещение «Барса» составляло 650 т, подводное – 782 т. Два дизеля общей мощностью 3000 л.с. позволяли развивать подводному кораблю в надводном положении скорость 18 уз., его дальность плавания была в пределах 2250 миль. В подводном положении полная скорость доходила до 9,6 уз. Ее обеспечивала работа двух электродвигателей мощностью 900 л.с. Этой скоростью подводная лодка могла пройти под водой 25 миль. Рабочая глубина погружения ограничивалась 50 м, предельная – 100 м. Вооружение состояло из четырех торпедных аппаратов (по два в носу и корме) и двух пушек 57-мм и 37-мм калибров.

Особое место в отечественном подводном кораблестроении занимает первый в мире подводный минный заградитель «Краб» конструкции М. П. Налетова. Разработки по его созданию, начатые конструктором еще в Порт-Артуре, были прерваны русско-японской

войной. Однако после войны работы были продолжены на Николаевских судостроительных верфях, и в августе 1912 г. корабль был спущен на воду, а в июне 1915 г. принят в состав Черноморского флота. На борт «Краба» принималось до 60 мин. В составе вооружения – два носовых торпедных аппарата и 76-мм орудие.

В июле 1915 г. «Краб» совершил свой первый боевой поход. Вблизи Босфора им было выставлено минное заграждение, на котором подорвался вражеский крейсер «Бреслау».

По типу «Краба» для Балтийского флота были построены подводные заградители «Ерш» и «Форель», а также заложены три заградителя меньшего водоизмещения. К началу первой мировой войны в русском флоте было 15 боевых подводных лодок.

Основными морскими театрами боевых действий для России в период первой мировой войны являлись Балтийское и Черное моря. С начала войны Балтийским флотом была оборудована центральная минно-артиллерийская позиция Нарген – Порккала-Удд с целью воспрепятствовать прорыву противника в Финский залив. Вход в Рижский залив прикрывался другой минно-артиллерийской позицией. С помощью минных постановок в южной части Балтийского моря нарушались морские коммуникации противника, наносился ущерб германскому флоту. Особенно важно было ограничить функционирование морского пути, по которому из Швеции в Германию подвозилось стратегическое сырье.

Минная угроза, созданная русскими на Балтике, оказалась настолько эффективной, что немцы, потеряв большое количество боевых кораблей и транспортных судов, в конце 1914 г. надолго отказались от ведения морских боевых действий. За время первой мировой войны Балтийским флотом было выставлено около 40 тыс. мин. Важной задачей флота являлось также содействие группировкам сухопутных войск на приморских флангах, которую он успешно решал.

В 1915 г. Черноморский флот уступал в боевой мощности турецкому флоту, усиленному германским линейным крейсером «Гебен» и крейсером «Бреслау». Однако в дальнейшем, пополненный новыми линкорами, он сумел блокировать германо-турецкий флот в Босфоре и резко сократить морские перевозки противника. Действуя на приморских флангах. Черноморский флот оказывал существенную помощь армии артиллерийским огнем, поддерживал ее высадкой десантов, обеспечивал перевозки войск и техники. За годы войны его кораблями было выставлено более 13 тысяч мин.

В ходе первой мировой войны в крупных морских сражениях, подобных Ютландскому, русский флот не участвовал. В то же время имели место многочисленные боевые столкновения с противником отдельных соединений и кораблей Балтийского и Черноморского флотов (бои у мыса Сарыч и о-ва Готланд, Моонзундская операция и др.).

Созданная в сентябре 1916 г. флотилия Северного Ледовитого океана обеспечивала морские перевозки с союзниками, вела борьбу с подводными лодками противника и минной опасностью. После Октябрьских событий 1917 г. Россия вышла из войны.

3 марта 1918 г. был заключен мирный договор между Советской Россией с одной стороны и Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией – с другой. Согласно договору, все российские корабли подлежали переводу в отечественные порты или разоружению на месте. Корабли и суда Балтийского флота, находившиеся в Финляндии, должны были оставаться там до начала навигации. Так возникла угроза потери морских сил на этом морском театре, основное ядро которых было сосредоточено в Гельсингфорсе. Руководством Советской России было принято решение, несмотря на тяжелую ледовую обстановку в Финском заливе, перевести все корабли в Кронштадт.

В течение марта-апреля 1918 г. состоялся легендарный Ледовый поход кораблей Балтийского флота. Для России были спасены 226 кораблей и судов, в том числе 6 линкоров, 5 крейсеров, 59 эсминцев и миноносцев, 12 подводных лодок. Кроме того, кораблями и судами были вывезены две бригады воздушного флота, различная военная техника.

В мае 1918 г. немецкое командование, угрожая сорвать Брестский мир, потребовало от России сдачи ее кораблей Черноморского флота. Чтобы не допустить этого, по приказу В.

И. Ленина в июне 1918 г. в районах Новороссийска и Туапсе были затоплены, перешедшие сюда из Севастополя, линейный корабль «Свободная Россия» (бывший «Екатерина II»), 11 эсминцев и миноносцев, 6 транспортов.

С началом гражданской войны и иностранной интервенции революционно настроенная часть матросов, младших командиров, офицеров и адмиралов флота перешла на сторону новой власти, другая часть, прежде всего адмиралы и офицеры, перешла на сторону Белой армии. Бывший командующий Черноморским флотом адмирал А. В. Колчак в ноябре 1918 г. самопровозгласил себя Верховным правителем России, возглавив контрреволюционную борьбу в Сибири. Большинство портов и баз отечественного флота оказалось в руках интервентов из стран Антанты и Японии. Военно-морские силы России практически перестали существовать. Для содействия сухопутным войскам командования противоборствующих в гражданской войне сторон создавали речные и озерные флотилии, которые вели активные боевые действия. В их состав входили переоборудованные из пароходов, вооруженные двумя-четырьмя 75-130-мм орудиями канонерские лодки, а также вооруженные буксиры, плавучие батареи, посыльные суда и катера. Флотилии наносили удары по флангам и тылам противника, кораблям и судам, обороняли или уничтожали переправы, высаживали десанты, обеспечивали перевозки.

После разгрома Белой армии генерал-лейтенанта П. М. Врангеля в Крыму в 1920 г. основная масса кораблей и судов Черноморского флота (33 вымпела) под командованием вице-адмирала М. А. Кедрова ушла во французскую военно-морскую базу Бизерту (Тунис).

Андреевские флаги на этих кораблях были спущены 24 октября 1924 г. после признания СССР правительством Франции. Русские моряки перешли на положение беженцев.

Кыштымский след: братья Абрамовы

В рабочей семье Абрамовых было 8 сыновей – все как на подбор! Отец Осип Алексеевич Абрамов – слесарь-монтажник, механик паровых котлов (умер в 1936 г.), мать Ирина Филипповна – домохозяйка. Сначала семья жила на руднике Азяш Екатеринбургского уезда Пермской губернии, потом в Кыштыме. Неугомонные братья немало доставляли проблем своим родителям.

В 1907 г. были арестованы руководители социал-демократической партии Кыштыма, среди них оказался Михаил. Благодаря отцовскому авторитету его отпустили, однако не семью уже держали в поле зрения. Грянула Империалистическая война, и братьям грозила отправка на фронт. К 1914 г. Василий и Павел (на фото слева) тоже были уже в партии, им на пятки наступали младший – Гавриил и Николай. Все братья получили образование в реальном училище. По поповскому доносу отправились служить старшие братья – Павел и Василий. Павел служил моряком на Балтийском флоте, окончил Кронштадтскую машинную школу в Питере, которую позже окончил и Николай. Потом они вместе служили на эсминце, который одним из первых поднял в Февральскую революцию красный флаг. В 1918 г. Павел и Николай оказались в самой гуще революционных событий – участвовали в штурме Зимнего дворца и аресте Временного правительства. Павел в 1924 г. демобилизовался и работал на Путиловском заводе (им. Кирова) вплоть до призыва в 1940 г. Инженер-капитан третьего ранга Павел Осипович Абрамов погиб вместе с кораблем, выполняя боевое задание в сентябре 1941 г. А Николай, окончив Военно-морское политическое училище, служил на кораблях всех флотов. В 1940 г. в звании контр-адмирала был назначен командующим Дунайской военной флотилией. Ушел в запас в 1960, умер в 1964 г.

Российский подводный флот в Первой мировой войне

В 1911 г. русское Морское министерство заказало целый ряд подводных лодок типа «Акула», созданных Бубновым на основе «Миноги». «Акула» считалась самой мореходной и самой мощной по вооружению: она имела самый большой запас плавучести и была вооружена восемью торпедными аппаратами. Часть лодок строилась в России по лицензии США, а часть была заказана американским верфям.

России, как и другим воюющим странам антигерманской коалиции, срочно требовались подводные лодки. Узнав о покупке британским министерством подводных лодок в Северной Америке, Российское адмиралтейство обратилось к союзникам за содействием в приобретении нескольких подводных лодок Голланды.

15 августа 1915 г. был заключен договор на поставку одиннадцати подводных лодок для российского подводного флота. В российском флоте эти лодки назывались «Американский Голланд», или сокращенно «АГ». Они, как и британские подводные лодки, строились в Соединенных Штатах Америки, но собирались вне ее территории.

Подлодки для России собирались в Канаде из отдельных секций американских деталей, доставлялись на судах во Владивосток, а окончательно собирались и доводились в городах Николаеве и Петрограде. Шесть лодок предназначались Черноморскому военноморскому флоту, пять – собирались для Балтики.

30 апреля 1915 года подводная лодка «Дракон» (командир лейтенант Н. Ильинский) обнаружила немецкий крейсер, шедший в окружении миноносцев. Лодка была обнаружена, обстреляна артиллерией и преследовалась кораблями охранения. Несмотря на это, командир «Дракона», искусно уклоняясь от огня, сблизился с крейсером. Заняв позицию, выгодную для залпа, командир выстрелил и ушел на глубину 20 метров. Все в лодке ясно слышали взрыв.

10 августа 1910 г. у западного побережья острова Эзель в Балтийском море подводная лодка «Гепард» впервые атаковала немецкий крейсер «Любек», выпустив пять торпед с интервалом в несколько секунд. Экипаж «Гепарда», погрузившегося на глубину 20 м метров, слышал сильный взрыв.

Действия российских подводников принудили немцев ввести систему конвоев, в состав которых включали обычно 12-14 транспортов, а в качестве кораблей охранения использовали вспомогательные крейсера, миноносцы и вооруженные траулеры.

Охранение всегда было круговым, но это не останавливало российских подводников. Подводная лодка «Волк» (командир старший лейтенант И. Мессер) потопила 16 мая 1916 г. три немецких транспорта в районе Нерчинской бухты.

Наибольшего успеха в годы Первой мировой войны достигали подводные лодки: на Балтике – «Волк» и «Пантера», а на Черном море – «Тюлень» и «Краб».

На Балтике подводная лодка «Волк» потопила четыре крупных вражеских транспорта. Однако наибольшей известностью пользовалась на Балтике подводная лодка «Пантера». Она потопила вражескую канонерку и повредила один крупный боевой корабль. Во время гражданской войны «Пантера» атаковала подводные лодки английских интервентов и пустила на дно английский эсминец.

«Пантера» после основательной модернизации участвовала в Великой Отечественной войне. В строю на страже родины она прослужила около сорока лет. На Черном море «Тюлень» потопил около десятка вражеских судов и захватил три, которые привел в Севастополь.

«Гангут» в Первой мировой войне

Линейные корабли типа «Гангут» заказаны в рамках «малой» судостроительной

программы, одобренной в апреле 1907 г. Николаем II и известной как «распределение ассигнований на судостроение» (на 1907-1911 гг.). проект Балтийского судостроительного завода. Разработан при активном участии академика А. Н. Крылова и профессора Морской академии И. Г. Бубнова. Английская фирма «D. Brown» оказывала техническое содействие в разработке и постройке главных механизмов.

При выдаче тактико-технического задания на проектирование линкоров Морской

генеральный штаб исходил из того, что наиболее вероятным противником России в предстоящей войне будет Германия и, следовательно, будущим театром военных действий окажется Балтийское море. Отсюда, сравнительно невысокий надводный борт, при отсутствии полубака.

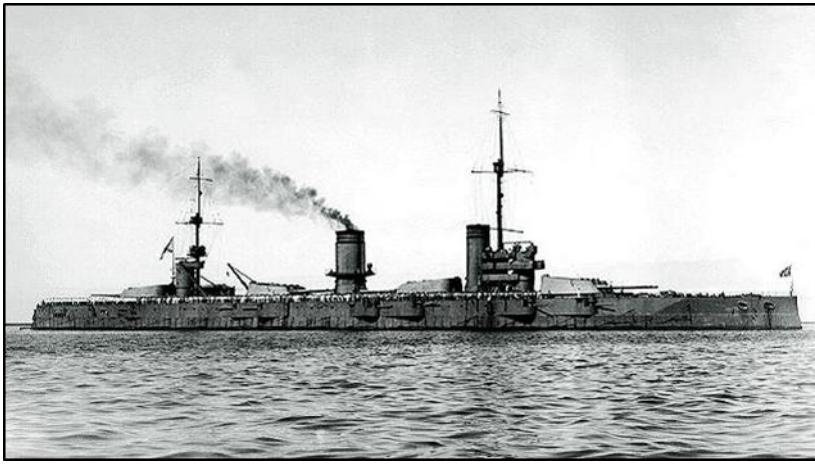
Недостатками считались малая живучесть 3-х орудийных башен и несовершенная защита противоминной артиллерии. Достоинствами дредноутов класса «Севастополь» можно признать: мощное артиллерийское вооружение; броневую защиту всего надводного борта; наличие продольной противоминной переборки; приземистый и лаконичный силуэт; расположение башен главного калибра на одном уровне и их равномерное распределение по всей длине корабля; высокую скорость хода.

Линкор-дредноут «Гангут» являлся четвертым кораблем в истории русского флота, носившим название «Гангут», названным в честь победы в Гангутском сражении.

Линкор «Гангут» был заложен 16 июня 1909 г. на Адмиралтейском заводе в Петербурге одновременно с линкором «Полтава». 24 сентября (7 октября) 1911 г. он спущен на воду, а в 1914 г. достроен. После достройки линкор перешел в Гельсингфор, 22 декабря 1914 г. встал в строй Второй бригады линейных кораблей Балтийского флота («Гангут», «Севастополь», «Петропавловск», «Полтава») и принял участие в Первой мировой войне.

19 октября 1915 г. на стоящем на гельсингфорском рейде «Гангуте» стихийно вспыхнуло волнение матросов. Поводом к выступлению послужил протест против плохой пищи и издевательств офицеров. Вечером команда отказалась от ужина, а затем потребовала убрать с корабля старшего офицера барона Э. Э. Фиттингофа. Матросы попытались захватить оружие, но были остановлены офицерами. Командир «Гангута» капитан первого ранга А. Кедров удержал матросов от мятежа, пообещав разобраться в их требованиях, главными из которых были улучшение питания и выдворение с корабля офицеров немецкого происхождения.

20 октября на корабле распространялось воззвание, начинавшееся словами «Доведите начатое дело до конца». О событиях на «Гангуте» стало известно матросам других кораблей Балтийского флота. Многие сочувствовали восставшим, некоторые пытались организовать выступления, например на корабле «Павел I». 20 октября на «Гангут» прибыл командующий Балтийским флотом адмирал Канин, по его распоряжению «Гангут» был окружен миноносцами и подводными лодками, командирам которых было приказано в случае бунта топить не только «Гангут», но и любой другой корабль. Работу следственной комиссии возглавил адмирал А. Небольсин. 21 октября были арестованы 95 матросов, 34 из них привлечены к суду, к каторжным работам на срок от 4 до 15 лет, 8 матросов судом были оправданы, 26 – осуждены на различные сроки каторжных работ.

11 ноября 1915 г. под прикрытием линкоров «Гангут» и «Петропавловск» крейсерами Первой бригады крейсеров Балтийского флота было поставлено минное заграждение из 550 мин южнее острова Готланд. 25 ноября на минах этого заграждения подорвался немецкий крейсер «Данциг». Совершив три боевых похода во второй половине

1915 г. на обеспечение минных постановок в Балтийском море, «Гангут» весь остальной период Первой мировой войны простоял в Гельсингфорсе.

Участвовал в гражданской войне (оборона форта Ино в апреле 1918 г.). С октября 1918 г. по 4 мая 1925 г. находился в Петроградском военном порту на долговременном хранении. 21 апреля 1921 года вошел в состав Морских сил Балтийского моря. 27 июня 1925 г. линкор был переименован в «Октябрьскую революцию».

Прошел капитальный ремонт с 18 апреля 1925 г. по 20 июля 1926 г. Прошел модернизацию с 12 октября 1931 г. по 4 августа 1934 г.

В 1934-1936 гг. он прошел ремонт на Балтийском заводе, и 11 января 1935 г. вошел в состав Краснознаменного Балтийского флота.

Во время советско-финской войны линкор обстреливал финские береговые позиции на острове Бьерке 10 и 18 декабря 1939 г., во время Великой Отечественной войны участвовал в обороне Ленинграда, в Красносельско-Ропшинской 14-30 января 1944 г. и Выборгской 10-20 июня 1944 г. наступательных операциях, был поврежден немецким артиллерийским огнем и авиацией. В 1942 г. было усилено зенитное вооружение. 22 июля 1944 г. корабль был награжден орденом Красного Знамени.

С 24 июля 1954 г. стал использоваться как учебный линейный корабль, а 17 февраля 1956 г. исключен из списков судов ВМФ, а 26 марта 1956 г. расформирован и в 1956-1957 гг. демонтирован в Ленинграде на металл. Якоря и зенитные орудия, снятые с линкора, установлены в парке города Кронштадт.

Фотографии из фондов Кыштымского музея

В фонде музея имеется фотография двух моряков в форме, на бескозырках которых надпись – «Гангут». Информации об изображенных моряках, к сожалению, нет. Однако по надписи на обороте можно сделать вывод, что они не участвовали в боевых действиях, т. к. совершив три боевых похода во второй половине 1915 г. на обеспечение минных постановок в Балтийском море, «Гангут» весь остальной период Первой мировой войны простоял в Гельсингфорсе.

На фото: И. Ф. Богомоллов с товарищем. 1916 г.

Надпись на обороте: «От вашего сына Вани. г. Гельсингфорс, Финляндия, 1916 г.».

Женщины на фронтах Первой мировой

Патриотический подъем не миновал и женщин. Война заставила представительниц всех сословий принять посильное участие в помощи фронту. Почти в каждом губернском и уездном городе спешно развертывались госпитали и лазареты; печать призывала богатых людей предоставить под лазареты, госпитали, санатории для выздоравливающих раненых дачи, усадьбы.

Женщины и девушки в массовом порядке записывались на курсы сестер милосердия. В Петрограде, как после начала войны стал называться Санкт-Петербург, первые частные госпитали разместились в доме князя Феликса Юсупова на Литейном проспекте и в доме на Каменноостровском проспекте, который арендовала под госпиталь знаменитая балерина Матильда Кшесинская.

Спортсменка Мария Исаакова великолепно владела конем, фехтовала на эспадронах и при этом обладала большой для женщины физической силой. С началом войны Исаакова выписала из Новочеркасска хорошо выезженную казачью лошадь и обратилась к командиру одного из стоящих в Москве казачьих полков с просьбой о зачислении, но получила отказ. Тогда она на свои деньги приобрела военную форму, оружие и последовала за полком, который догнала уже в Сувалках. Упрямица была зачислена в конную разведку полка.

Дочь уральского войскового старшины Наталья Комарова, отлично освоившая верховую езду, с первых же дней войны буквально бредила битвами. Ее отец и брат Петр уже воевали, а ей оставалось лишь читать в газетах боевые сводки с полей войны. Слезные уговоры матери не оставляя ее одну не помогли. На деньги, отложенные отцом для приданого, Наталья купила коня и всю казачью амуницию.

Полк, в котором служил ее брат, она разыскала в местечке близ границы с Восточной Пруссией. Командир молча выслушал биографию добровольцы и ее просьбу о зачислении в полк.

«После некоторого раздумья он произнес:

– Ну что с вами поделаешь? Бывали уже подобные примеры... Я вам не разрешаю, но и не запрещаю...

– Безумная... – только и сказал ей брат при встрече».

Как выглядели эти отважные девушки и женщины, пожелавшие разделить тяготы войны с мужчинами? Газетные и журнальные снимки той далекой поры не всегда отличались качеством изображения, но зато сохранились описания их внешнего облика.

Наталье Комаровой «на вид было лет 17-18. Хорошее русское лицо светилось отвагой и добротой, носик был чуть-чуть вздернут, искристые серые глаза смотрели открыто и прямо. Широкие черные шаровары в талии были перехвачены широким кожаным поясом, к которому с одной стороны был прицеплен длинный кинжал в серебряных ножнах, с другой – больших размеров кобура с револьвером. Темно-синий черкесский бешмет, отороченный серебряными галунами, облегал стройную фигуру. За плечами на ремне висел легкий казачий карабин».

Офицеры штаба откровенно любовались юной амазонкой, одетой не по форме, но очень воинственно настроенной. Воевала она отменно, выполняя боевую работу наравне со всеми. Штыком и прикладом она орудовала столь же ловко, как и шашкой.

Прикрывая со своей сотней атаку пехотного полка, Наталья увидела падающего знаменщика и врага, удиравшего в тыл с русским знаменем. Пришпорив коня, отважная

казачка настигла немца и сразила его метким выстрелом. Подхватив знамя, она устремилась вперед, увлекая за собой полк. Вражеская позиция была взята. За этот бой Комарову наградили Георгиевским крестом 4-й степени.

Она писала матери: «Это был самый прекрасный момент всей жизни моей, когда я получила этот чудный знак доблести. Нет выше награды на земле, чем Георгиевский крест».

Потянулись боевые будни. Наталья стреляла, перевязывала раненых и с риском для жизни добывала патроны в покинутых окопах. Пули, шрапнель и осколки снарядов обходили ее стороной. Так продолжалось до тех пор, пока казаки не столкнулись в одном из боев с баварской пехотой. Это были не австрийцы, которые, завидев идущую в атаку русскую пехоту или казачью лаву, бросали оружие, выскакивали из окопов и, задрав руки, истошно орали по-русски: «Не убивай! У меня четверо детей!».

Баварцы успели дать залп по несущимся казакам и примкнули штыки к ружьям. Завязался яростный бой. Под Петром Комаровым убило лошадь, и он отбивался карабином, тесня противника к канаве. Казак не видел подбиравшегося сзади врага. Крутясь в седле и отбиваясь шашкой от штыков, Наталья заметила опасность, но помочь брату не успела. Удар приклада свалил Петра.

Наталья сразила врага и, соскочив с седла, подбежала к лежащему брату и опустилась на колени. В этот момент вражья пуля навывлет пробил ее грудь.

Казачка выжила. Из госпиталя ее отправили домой, но она не могла смириться с положением демобилизованной по ранению. Как только она почувствовала себя достаточно окрепшей, снова вернулась на фронт.

Дальнейшая судьба ее затерялась среди тысяч других.

В своем желании попасть на передовую девушки проявляли завидную настойчивость и изобретательность. Слушательница Киевских женских курсов Л. П. Тычинина в течение недели усиленно изучала солдатскую «словесность» и тренировалась в строевой подготовке.

Обрезав косы и переодевшись в солдатскую форму, она вместе со знакомым денщиком, исполнявшим роль экзаменатора, выходила на улицу. Денщик шел по одной стороне, Тычинина – по другой. По пути она лихо козыряла встречным офицерам. По истечении нескольких дней «экзаменатор» заявил своей подопечной:

– Теперь за мальчонку вполне сойдете, барышня.

На вокзале Тычинина, смешавшись с солдатами, забралась в вагон. Волнения последних дней утомили ее, и она, прикорнув на соломе, уснула под стук вагонных колес. На позициях ее зачислили ротным санитаром. Отныне у младшего по роте «Анатолия Тычинина» появилась масса обязанностей. Когда после изнурительного похода в 40 верст по осенней распутице солдаты с наслаждением валились на сырую землю, Тычинина бежала на заброшенные огороды за картошкой для ротного котла.

Часто не высыпающийся, «Анатолий» тем не менее выполнял все приказы фельдфебеля и офицеров. А когда начались бои, то не было в роте более смелого и выносливого санитаря, чем переодетая волонтерка. В одном из боев ее, тяжелораненую, в бессознательном состоянии, захватили в плен. Очнувшись Тычинина в австрийском госпитале. Возле ее койки толпился чуть не весь персонал. Врач, делавший перевязки, обнаружил, что Анатолий Тычинин – женщина.

Неудачи на фронте вызвали новый подъем патриотических чувств, охвативший и женщин, и совсем юных девушек.

На фронт рвались из городов, станиц и сел необъятной России. Количество женщин, желавших сражаться с врагом, исчислялось сотнями. На Курском вокзале в Москве

задержали в форме гимназиста ученицу гимназии, на Рязанском вокзале – девушку в форме моряка, на станции Минеральные Воды – послушницу женского монастыря.

На фронт сбежала дочь сенатора Герарда – Рита Герард, 17 лет. Из Томска бежала 15-летняя дочь борца Родионова. В Ессентуках полиция задержала двух переодетых девушек, пытавшихся нелегально пробраться на передовую. Задержанные девушки и не пытались скрывать своих намерений.

«Ну что же, – ответила полицмейстеру 2-й Басманной части Москвы гимназистка пятого класса, дочь богатого фабриканта, Стефания Уфимцева, 16 лет, – я потеряла только время и деньги, а на войне рано или поздно всё равно буду».

Поначалу женщин на фронте пытались определить в нестроевые части или же держать при штабах, но добровольцы настойчиво требовали отправить их в окопы. Это стремление необученных и не подготовленных к боям женщин вскоре стало настоящим кошмаром для Главнокомандующего русскими армиями великого князя Николая Николаевича Старшего. В конце концов он издал приказ, запрещающий появление женщин в расположении частей; воинские чины, нарушившие этот приказ, подвергались суровым наказаниям.

Но офицеры маршевых рот часто не соблюдали этого ясного указания главнокомандующего – если речь шла о родных или двоюродных сестрах, других родственницах их боевых товарищей. Были случаи, когда упрямые волонтерки пробивались в армию кружным путем через воюющую Сербию.

Война принимала затяжной характер и все более напоминала мясорубку, в которой перемалывались человеческие судьбы, но это не останавливало женщин. Они стали осваивать редкие тогда даже для мужчин военные профессии.

Княгиня Шаховская сдала экзамен по материальной части аэроплана и технике пилотирования и стала военной летчицей.

Женщины становились пулеметчицами, бомбометальщицами и разведчицами. Активную роль в организации женских воинских частей сыграла военная разведчица, уфимская крестьянка, младший унтер-офицер и георгиевский кавалер М. Л. Бочкарева.

Военное ведомство, убежденное, «что успех войны зависит... исключительно от восстановления моральной боеспособности армии», охотно поддержало формирование женских «батальонов смерти», но командующие армиями отнеслись к этой затее крайне отрицательно, ибо хорошо знали отношение солдат к войне и не были уверены, что женские батальоны и команды смогут изменить ситуацию в лучшую сторону.

Однако стремительный развал фронта и тыла сводил на нет героические усилия отдельных воинских частей. Гарнизон Петрограда отказался отправиться на фронт под предлогом «защиты революции».

Большевистская пропаганда сделала свое дело. Американский вице-консул в России Роберт Ф. Леонардо, посетивший русские позиции, был поражен увиденным. По его словам, «солдаты продавали все свои вещи немцам. Они продавали пулеметы по 5 рублей за штуку, они продавали шестидюймовое орудие за бутылку водки и затем отправлялись домой».

Одна из последних попыток воздействовать на сознание разлагающейся армии была проведена Московским женским союзом. Создавались женские батальоны смерти – особое воинское подразделение, бойцы которого обязаны были сражаться до последнего. Отличием его от остальных подобных формирований было то, что состоял он исключительно из женщин...

«Ни один народ в мире, – говорилось в воззвании, – не доходил до такого позора, чтобы вместо мужчин-дезертиров шли на фронт слабые женщины. Ведь это равносильно избиению будущего поколения своего народа». И далее: «Женская рать будет той живою водою, которая заставит очнуться русского старого богатыря».

Но было уже поздно. Озлобленные солдаты покидали фронт, часто с оружием, и готовы были уничтожать всех, кто был им не по душе, кто в их глазах представлял «старый мир» и офицерство.

«Что сказать про «женскую рать»? – писал в своих мемуарах А. И. Деникин. – Я знаю судьбу батальона Бочкаревой. Встречен он был разнузданной солдатской средой насмешливо, цинично. В Молодечно, где стоял первоначально батальон, по ночам приходилось ему ставить сильный караул для охраны барачков...

Потом началось наступление. Женский батальон, приданный одному из корпусов, доблестно пошел в атаку, не поддержанный «русскими богатырями». И, когда разразился крошечный ад неприятельского артиллерийского огня, бедные женщины, забыв про технику рассыпного строя, сжались в кучку – беспомощные, одинокие на своем участке поля, взрыленного немецкими бомбами. Понесли потери. А «богатыри» частью вернулись обратно, частью совсем не выходили из окопов...

Видел я и последние остатки женских частей, бежавших на Дон, в знаменитом корниловском кубанском походе. Служили, терпели, умирали. Были и совсем слабые телом и духом, были и герои, кончавшие жизнь в конных атаках. Воздадим должное памяти храбрых».

В этом бою была ранена и Мария Бочкарева. Но правительство решило продолжить эксперимент, и было создано еще несколько женских батальонов. После возвращения из госпиталя Мария командовала уже полком. Но тут произошел Октябрьский переворот, полк был расформирован, Бочкареву арестовали и посадили в Петропавловскую крепость. Ей предложили перейти на сторону большевиков и сражаться с белогвардейцами, но она отказалась.

В то время кровавый террор еще только начинался, бывших царских офицеров пока не преследовали, и Бочкареву вскоре выпустили. Мария решила играть на своей стороне – всеми правдами и неправдами она перебралась на оставшиеся у белых территории в Добровольческую армию. Вскоре по приказу генерала Корнилова она отправилась в поездку в США и Англию, где встречалась с Вудро Вильсоном и английским королем. Подробности этой поездки известны мало, ее целью была просьба помощи у могущественных союзников. Вернувшись в Россию, она оказалась в армии Колчака, но в ноябре 1919 г., после взятия большевиками Омска, была арестована. Ее делом долго занимались чекисты, пытаясь нащупать все связи с белогвардейцами. 16 мая 1920 г. Мария Бочкарева была расстреляна.

Мария Бочкарева – женщина с уникальной судьбой. Она родилась в 1889 г., в обычной крестьянской семье. Нищее и многодетное семейство обитало в Новгородской губернии, а затем перебралось в Сибирь. Но и в новых местах родители Марии не нашли счастья и богатства. С ранних лет девочка вынуждена была батрачить ради лишней копейки. В 16 лет Мария вышла замуж за крестьянина Афанасия Бочкарева, но ее муж оказался пьяницей, хозяйствовать и зарабатывать на жизнь не умел и любил. И как это часто бывает у русских женщин, Мария была вынуждена взять на себя роль кормилицы и добытчицы. Молодая женщина отправилась работать на строительство железной дороги, в качестве чернорабочей.

Платили ей там немного, но и эти гроши отбирал муж и пропивал, и вдобавок еще и бил жену. Мария вскоре сбежала от него, она познакомилась с владельцем мясной лавки Яковом Буком, с которым у нее разгорелся бурный роман. Но оказалось, что Яков самый настоящий бандит, глава воровской шайки. Вскоре его арестовали и отправили по этапу в Якутск на вечное поселение. Верная влюбленная Мария последовала за ним, взяв

на себя все бытовые тяготы на новом необустроенном месте. Но и здесь Яков сумел «отличиться» и вначале был посажен в тюрьму, а затем отправлен в глухой таежный поселок. Мария опять отправилась за ним, хотя давно уже от своего «кавалера» видела только побои и оскорбления. Скорее всего, именно это послужило причиной ее решительного поступка – бегства в армию.

В 1914 г. до северной глуши с большим опозданием долетела весть о том, что началась война с немцами. Бочкарева, не раздумывая, собралась и уехала от опостылевшего Якова в Томск. Там она нашла командира резервного батальона и потребовала от него, чтобы он «записал ее в солдаты» и отправил на фронт. Командир сначала даже не стал ее слушать, но Мария начала против него собственные военные действия – подкарауливала в засадах, умоляла, уговаривала, рыдала. Тем не менее, хотя ее желание и вызывало уже сочувствие у окружающих, на фронт ее брать никто не собирался. Тогда Бочкарева совершила отчаянный шаг – она послала в Петербург телеграмму на имя императора, в которой просила разрешить ей послужить во славу Отечества.

И вскоре в Томск пришло послание от... Николая II. Он выражал свое одобрение и повелевал зачислить женщину в полк. После высочайшего приказа Мария Бочкарева была принята в армию. Вначале последовала недолгая учеба в тылу, а весной 1915 г. Мария оказалась на войне.

На самом деле она была очень отважная женщина и настоящий боец. Она смело ходила в атаку и разведку, ни в чем не уступала мужчинам, была несколько ранена, но всегда возвращалась в строй. К 1917 г. она уже стала полным Георгиевским кавалером и получила повышение звания. Естественно, что об удивительной женщине-герое много говорили на фронтах и писали в газетах. Вскоре она стала весьма популярной личностью, талисманом российской армии. При этом многочисленных корреспондентов поражали ее мудрые житейские воззрения, остроумие и живой язык.

Боевой дух в частях значительно упал и необходимы были меры для его поднятия. Именно тогда было решено создать особый женский батальон и отправить его на фронт. Бочкарева была уверена, что вид слабых женщин с винтовками вдохновит деморализованное войско, и солдаты с новыми силами кинутся сражаться с врагом, прекратится дезертирство и разложение в армии. Но все же в высших военных кругах сомневались в удаче подобного смелого эксперимента. Генерал Брусилов спросил Бочкареву: «Надеетесь ли вы на женщин»? «Ручаюсь, что мой батальон не осрамит России», – отвечала женщина-офицер.

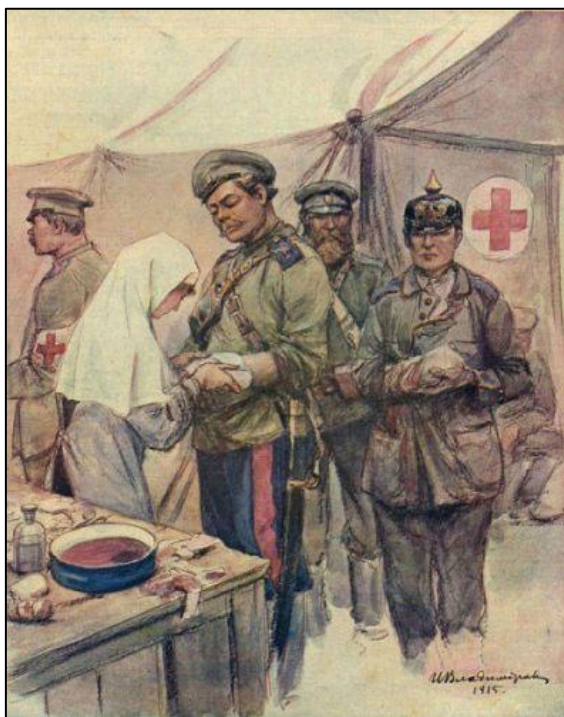
Был кинут клич, и вскоре набралось уже больше двух тысяч добровольцев женского пола. Среди них выбрали женщин не моложе 16 и не старше 40 лет. Вскоре был сформирован первый женский батальон смерти. Появились жалобы на командира батальона – в связи с ее жестокостью и рукоприкладством. Женщины-солдаты утверждали, что Бочкарева «бьет морды, как заправский вахмистр старого режима».

Когда на командира батальон попытались воздействовать, она ответила, что «недовольные могут убираться ко всем чертям». Недовольные действительно «убрались» и оказались в другом женском батальоне, судьба которого оказалась страшной. Именно он охранял Зимний дворец в роковую ночь Октябрьского переворота. Женщины были изнасилованы и убиты...

Мария Бочкарева была явно неординарной личностью. Имя ее гремело по всей Российской империи. Еще бы: женщина-офицер, полный Георгиевский кавалер, организатор и командир первого женского «батальона смерти». Она встречалась с Керенским и Брусиловым, Лениным и Троцким, Корниловым и Колчаком, Уинстоном Черчиллем, английским королем Георгом V и президентом США Вудро Вильсоном. Все они отмечали необычайную силу духа этой женщины.

Белый платочек и крест на груди...

Осенью 1915-го войска Западного фронта Русской армии вели ожесточенные бои Первой мировой на белорусской земле. Рядом с деревней Мокрая Дуброва Пинского уезда располагался 105-й Оренбургский полк. Его славное боевое прошлое было отражено на полковом Георгиевском знамени с вышитыми словами «За Севастополь в 1854 и 1855 гг.»

и «1811-1911» (с Александровской юбилейной лентой). Полк уже несколько дней выдерживал непрерывные атаки неприятеля и мощные обстрелы немецкой артиллерии. Лазарет был переполнен ранеными. Врачи, сестры милосердия и санитары были измучены непрекращающимися перевязками, операциями и бессонными ночами.

Утром 9 сентября командир полка принял решение контратаковать немецкие позиции. И, когда после завершения артиллерийской перестрелки началась очередная атака немцев, 10-я рота 105-го Оренбургского полка первая, по приказу командования, бросилась на врага. В штыковом бою враг был разбит и оставил свои передовые позиции. В популярном иллюстрированном журнале «Искры» появилось сообщение: «...во время боя на одном из участков фронта наша сестра милосердия Римма Михайловна Иванова, невзирая на уговоры офицеров и брата,

полкового врача, все время перевязывала раненых под сильным ружейным и пулеметным огнем противника.

Видя, что командир и офицеры десятой роты родного полка оказались убитыми, и, сознавая важность наступившей решительной минуты боя, Римма Иванова, собрав вокруг себя нижних чинов роты, бросилась во главе их, опрокинула части противника и захватила неприятельский окоп.

К сожалению, вражеская пуля сразила женщину-героиню. Тяжело раненная, Иванова быстро скончалась на месте боя...».

Всех особенно потрясло то, что сестра милосердия была убита немецкой разрывной пулей, запрещенной Гаагской конвенцией, как недопустимо жестокое орудие убийства. Этот запрет еще до войны был введен в действие по инициативе России. Ее военный министр Дмитрий Алексеевич Милютин считал это оружие «чисто варварским средством, не оправдываемым никакими боевыми требованиями...». В докладе, написанном для выступления на довоенной европейской мирной конференции, он, в частности, отмечал: «В случае разрыва такой пули внутри человеческого тела рана будет смертельна и весьма мучительна, так как эти пули разлетаются на десять и более осколков. Сверх того, продукты сгорания порохового заряда, весьма вредно воздействуя на человеческий организм, делают страдания ещё более мучительными...».

Сообщение о подвиге храброй девушки облетело всю Россию... В столичных газетах опубликовали выписку из журнала боевых действий полка: «В бою 9 сентября Римме Ивановой пришлось заменить офицера и увлечь за собой храбростью солдат. Все это произошло так просто, как умирают наши герои». На родине героини в ставропольских газетах были опубликованы ее письма к родителям. Вот одно из них: «Господи, как хотелось бы, чтобы вы поуспокоились. Да пора бы уже. Вы должны радоваться, если любите меня, что мне удалось устроиться и работать там, где я хотела... Но ведь не для шутки я это сделала и не для собственного удовольствия, а для того, чтобы помочь. Да дайте же мне быть истинной сестрой милосердия. Дайте мне делать то, что хорошо и что

нужно делать. Думайте, как хотите, но даю вам честное слово, что многое-многое отдала бы для того, чтобы облегчить страдания тех, которые проливают кровь. Но вы не беспокойтесь: наш перевязочный пункт не подвергается обстрелу...».

Георгиевская Дума Западного фронта получила ходатайство командира 31-го армейского корпуса генерала от артиллерии П. И. Мищенко: «Покойной доблестной сестре Римме Ивановой при отправлении тела воздайте воинские почести. Почту долгом ходатайствовать о награждении памяти ее орденом Св. Георгия 4-й степени и зачислении в список 10 роты 105-го полка». Это прошение было беспрецедентным, из всех удостоенных боевыми наградами женщин России этим орденом была награждена только Екатерина Великая, как основатель награды. Российские женщины награждались за боевые подвиги только солдатским Георгиевским крестом. Тем не менее, император Николай II согласился с предложением фронтовой Георгиевской Думы и утвердил 17 сентября 1915 г. указ о посмертном награждении фронтовой сестры милосердия, кавалера солдатского Георгиевского креста 4-й степени и двух Георгиевских медалей Риммы Михайловны Ивановой офицерским орденом Святого Георгия 4-й степени.

В прощальном слове на погребении героини протоиерей Семен Никольский сказал: «Франция имела Орлеанскую деву – Жанну д'Арк. Россия имеет Ставропольскую деву – Римму Иванову. И имя ее отныне будет вечно жить в царствах мира».

Этот подвиг был ярким, но не исключительным – десятки тысяч российских женщин на фронте или в тылу выполняли свой духовный и патриотический долг, спасая и опекая раненых воинов Русской армии. Причем это происходило вне зависимости от национальности, вероисповедания и сословной принадлежности. Любовь Константинова, 19-летняя сестра милосердия из города Острогжска, дочь уездного воинского начальника умерла от тифа на Румынском фронте, заразившись от спасаемых ею больных воинов. Не стала исключением и царская семья, все женщины которой, начиная с императрицы Александры Федоровны, стали или хирургическими сестрами милосердия или сиделками в военных лазаретах.

Прекрасно проявили себя жены российских офицеров, с первых дней войны ставшие сестрами милосердия и выполнявшие свой долг перед Отечеством так же достойно, как и их мужья. Как мы уже подчеркивали, это движение не знало национальных и религиозных различий. Поэтому неудивительно, что первой в России женщиной, призвавшей 1 августа 1914 г. в газете «Русский инвалид» жен офицеров идти в военные сестры милосердия, была супруга полковника артиллерии Али-Ага Шихлинского – Нигяр Гусейн Эфенди гызы Шихлинская, первая азербайджанская сестра милосердия.

Российские сестры милосердия направлялись на фронт или тыловые лазареты из 115 общин Общества Красного Креста. Самой крупной общиной, насчитывавшей 1603 человека, являлась община Святого Георгия, а петербургская Крестовоздвиженская община сестер милосердия, с которой начало свою деятельность Российское Общество Красного Креста (РОКК) насчитывала 228 сестер.

...Первую в истории общину сестер милосердия создал во Франции католический святой Викентий де Поль (Винсент де Поль) в 1633 г. Но святой христианский подвиг женщин – будущих сестер милосердия – начался еще раньше, со времен служения раненым, больным и обездоленным людям византийских православных диаконов. В подтверждение этому приведем слова о милосердной служительнице Фиве апостола Павла в его послании к Римлянам (около 58 г.): «Представляю вам Фиву, сестру вашу, диаконису церкви Кенхрейской. Примите ее для Господа, как прилично святым, и помогите ей, в чем она будет иметь нужду у вас, ибо и она была помощницею многим и мне самому».

В 1863 г., в Швейцарии был организован Международный комитет помощи раненым, переименованный в 1867 г. в Международный Комитет Красного Креста (МККК). В этом комитете, членом которого стала Российская империя, был утвержден особый отличительный знак – красный крест, обеспечивающий медицинскому персоналу правовую защиту на поле боя.

Первую мировую войну Российское Общество Красного Креста встретило под патронажем супруги императора Александра III и матери Николая II, императрицы Марии Федоровны, до замужества датской принцессы. Императрица Мария Федоровна, ставшая любимицей русских воинов, главной своей благотворительной целью считала заботу о раненых и увечных солдатах, офицерах, вдовах и сиротах военнослужащих. Великая война застала ее во время визита в Данию и, смертельно ненавидя германскую захватническую политику, она срочно вернулась в Россию и возглавила организацию военных госпиталей, санитарных поездов и морских судов для начавшейся войны. В этой работе ей и Красному Кресту оказали помощь на местном и региональном уровне земские и городские союзы. Всероссийский земский союз помощи раненым и больным воинам, созданный 30 июня 1914 г., возглавил, кстати, князь Георгий Евгеньевич Львов, будущий глава Временного правительства.

Учитывая количество тяжелораненых среди командного состава Русской армии, РОКК создал специальный санаторий в Крыму для выздоравливающих офицеров и убежище для увечных воинов при Максимилиановской лечебнице. Под эгидой Красного Креста при общинах было срочно создано 150 школ для подготовки военных сестер милосердия.

Уже к концу 1914 г. на фронте действовало 318 учреждений РОКК, на фронтах и в тылу было развернуто 436 эвакуационных лазаретов на 1 миллион 167 тысяч коек. Было создано 36 санитарно-эпидемиологических и 53 дезинфекционных отряда, а также 11 бактериологических лабораторий. Перевозку раненых осуществляли санитарные поезда и госпитальные суда. И основными служащими и работниками там были женщины – сиделки и сестры милосердия.

Одной из важнейших задач деятельности сестер милосердия было взаимодействие с МККК в помощи военнопленным Русской армии, находившимся в лагерях стран Тройственного союза и Турции. По инициативе императрицы Марии Федоровны и МККК, а также Красного Креста Дании, в 1915 г. государства-противники на Восточном фронте договорились об обмене делегациями для осмотра лагерей военнопленных.

Русские солдаты и офицеры голодали, болели и умирали в этих лагерях, подвергаясь в плену изощренным пыткам и издевательствам. Широко применялись расстрелы за малейшее нарушение дисциплины или по прихоти охраны.

Отказ от незаконного требования работать на военных объектах рассматривался как бунт и приводил к массовым расстрелам. Свидетельства об этом были настолько красноречивы, что уже в следующую мировую войну, в 1942 г., руководство СССР сочло необходимым предать их гласности, очевидно, чтобы не возникало желания сдаваться в плен. Управлением государственными архивами НКВД СССР был издан специальный сборник Документов о немецких зверствах в 1914–1918 гг. (М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1942). Кто мог тогда предположить, что фашистская военная машина Второй мировой во много раз превзойдет по бесчеловечности отношение к пленным Первой мировой войны! Вот всего несколько примеров из материалов сборника 1942 г.

«...Когда в лагере Шнейдемюлле разнеслась весть о поражении германских войск под Варшавой, среди русских пленных царило радостное оживление. Обозленные неудачей германцы заставили пленных раздеться догола и продержали их на морозе в течение нескольких часов, издеваясь над ними и мстя таким образом за неудачу на боевом фронте...». Петр Шимчак, бежавший из германского плена под присягой показал следующее: «Однажды в лагерь были приведены четыре пленных казака, которых я узнал по нашитым на брюках лампасам желтого цвета...Привели первого казака, положили его левую руку на небольшой деревянный столбик, и один из германских солдат штыком-ножом последовательно отрубил половину большого и среднего пальцев и мизинца...

Был приведен второй казак, и немцы прокололи ему дырки в раковинах обеих ушей, причем вращали конец штыка-ножа в разрезах с очевидной целью увеличить размер дырок...Третьему приведенному затем на место пытки казаку германский солдат ударом штыка, нанесенным сверху вниз, отрубил кончик носа...Наконец, привели четвертого. Что именно хотели сделать с ним немцы, неизвестно, так как казак быстрым движением

вырвал у близстоявшего немца штык и ударил им одного из германских солдат. Тогда все немцы, их было человек 15, бросились на казака и штыками закололи насмерть...».

И это были не самые страшные пытки, которым подвергались русские военнопленные. О большинстве пыток и убийств просто тяжело писать из-за их чудовищности и изощренности...

Русские сестры милосердия самоотверженно, невзирая на всевозможные запреты, а зачастую и угрозы вражеской стороны, проникали в составе международных комиссий в эти лагеря и делали все возможное для разоблачения военных преступлений и облегчения жизни своим соотечественникам. МККК был вынужден официально обязать эти комиссии иметь в составе русских представителей военных сестер милосердия. Военнопленные боготворили этих женщин и называли их «белыми голубками».

Уже неоднократно говорилось о том, что война, начавшаяся в 1914 г., была для своего времени беспрецедентной по численности жертв и масштабах жестокости. Об этом говорят и военные преступления по отношению к беззащитным санитарным отрядам и подразделениям Красного Креста, несмотря на их официальную защищенность всевозможными международными законами, конвенциями и соглашениями.

Санитарные поезда и госпитали с перевязочными пунктами обстреливались артиллерией и авиацией, несмотря на то, что установленные на них флаги и опознавательные знаки с красными крестами были видны со всех сторон.

Несмотря на все тяготы войны, к началу Февральской революции в распоряжении Русского Красного Креста находились одни из лучших военно-медицинских сил среди воюющих государств. В наличии имелось 118 медицинских учреждений, полностью укомплектованных и готовых принять от 13 до 26 тысяч раненых. В 2255 прифронтовых лечебных учреждениях, в том числе в 149 госпиталях, работало 2450 врачей, 17436 сестер милосердия, 275 помощников сестер, 100 фармацевтов и 50 тысяч санитаров.

Но всю эту слаженную систему стало разрушать своими «либерально-демократическими» действиями Временное правительство, которое начало свою губительную деятельность в области военной медицины с реорганизации Русского Красного Креста.

Созданная при его участии Национальная конференция работников Красного Креста в своей I декларации от 3/16 июля 1917 г. постановила: «Мы не прекратим борьбу, пока не будут полностью уничтожены пережитки прежнего Красного Креста, служившего самодержавию и чиновникам, пока не будет создан подлинный храм международной филантропии, каким станет новый российский национальный Красный Крест». Революционеры забыли, что филантропия – забота об улучшении участи всего человечества прекрасна в мирное время, а для того, чтобы победить врага, милосердию нужна строгая организация и военная дисциплина.

Российские сестры милосердия Великой войны... Какие испытания пришлось им пережить в этом мировом военном конфликте, поразившем все цивилизованные страны, а в дальнейшем, через две кровавых революции, пройти еще более страшные и беспощадные к России годы Гражданской войны. Но всегда и везде они были рядом со страждущими воинами на поле битвы.

Фотографии из фондов Кыштымского музея и личных коллекций

Во время Первой мировой войны в стране был небывалый патриотический подъем. Одни женщины стремились на фронт, чтобы воевать с врагом вместе с отцами и братьями. Другие становились сестрами милосердия. Но и эти добровольцы – забытое ныне слово – старались попасть ближе к передовой, где их помощь воинам была особенно необходима.

В фонде музея имеются фото сестер милосердия, но, к сожалению, о фотографиях, их владельцах и изображенных на них женщинах, ничего не известно.

На фото: Медсестра Н. Абрамова. 1917 г.
Надпись на обороте: «На добрую и долгую память дор. маме от Н. Абрамовой. ЛАЗАРЕТЬ Старо...ской Свято-Троицкой Общины на о..... велении Екатеринбургского Красного Креста».

На фото: Сестры милосердия. 1916 г.
Надпись на обороте: «Chelyabinsk. 12.03.16»

Также в фонде музея имеется копия фотографии А. Н. Каскова из семейного архива Касковых.

Касков Александр Николаевич (1883 – 22.12.1946 г.). В Первую мировую войну служил в санитарном обозе артиллерийского полка, т.к. был инвалидом по зрению.

В Кыштым переехал в 30-х гг. всей семьей из Пермского края, после окончания сталинских курсов в г. Москве, работал прорабом на стройках г. Кыштыма.

Александр Николаевич **на фото** изображен в военной санитарной форме Первой мировой войны, в младшем офицерском чине (на фуражке имеется кокарда). На погонах три полоски, из чего можно заключить, что Касков являлся старшим унтер-офицером (сержант) санитарного обоза.

Возможно, Касков А. Н. работал в международном фонде «Красного креста». (Династия Романовых из банков Англии сняли 20 млн. рублей. Деньги пошли на создание общественных фондов – 85 российских лазаретов названных – «Красным Крестом». Также на военном кителе имеется потайная застежка, скрывающая пуговицы, для облегчения движения во время эвакуации раненых.

Касков А. Н. получил медаль за смелость и отвагу в Первую мировую войну (1914 г.). Лента у медали носила название Анненская лента (лента ордена святой Анны). Цвет ленты-красно-

белый.

Немного о грустном

Слухи о том, что немцы и австрийцы бесчеловечно относятся к попавшим в плен русским раненым, заставили многих врачей, фельдшеров, сестер милосердия и санитаров отправиться в полковые лазареты и на передовую. К многочисленной армии медсестер и санитаров (6554 человек на 1 сентября 1914 г.) присоединялись все новые и новые желающие помочь фронту.

Передовая встретила медиков артиллерийскими обстрелами и бомбежками с воздуха. Немцы и австрийцы не соблюдали требований конвенции Красного креста.

Сестра милосердия И. Д. Смирнова рассказывала: «Германские отряды не щадили ни Красного креста, ни больных, ни раненых, ни врачей, ни сестер милосердия. За попытку увезти раненых от наступающих немцев санитарный транспорт был подвергнут жестокому обстрелу».

Сестра-доброволица Е. А. Гиренкова около двух с половиной месяцев провела в окопах переднего края. За проявленное мужество при оказании помощи раненым под огнем германской артиллерии, она была награждена орденом Святого Георгия 4-й степени.

Гиренкова также свидетельствовала о негуманном отношении германцев к нашим раненым. Войдя в город вслед за нашим передовым отрядом, она нашла наших раненых и раненых немцев, причем русские раненые были совершенно раздеты отступавшим противником. А ведь был конец сентября. В другом месте Гиренкова нашла русских раненых, которым немецкие врачи вовсе не делали перевязок.

Преступное отношение к нашим раненым проявляли не только немецкие врачи, но и сестры милосердия. Раненый русский офицер, находившийся на излечении в Люблинском госпитале, в беседе с корреспондентом А. Ксюшиным рассказал, что его отряд отбил двадцать русских пленных и те под присягой показали, что на их глазах немецкая «сестра милосердия» подходила к раненым, нагибалась к ним и ножом перерезала горло.

«Вестник войны» в сентябре 1914 г. сообщил читателям о раненом русском солдате, который приволок к окопам немецкую сестру милосердия, которая пыталась добить его ножом на поле боя.

В окрестностях Ченстохова казачий разъезд задержал для досмотра санитарную фуру немецкого Красного креста. Оказалось, что в сумках и баулах сестер милосердия оказались не медикаменты, а драгоценности. Сама же фура была заполнена награбленным добром: коврами, картинами и хрусталем. Всё это «сестры» раздобыли в брошенных польских домах.

Среди раненых, поступающих в лазареты и госпитали Юго-Западного фронта, попадались и немцы. Некоторые из них вели себя крайне враждебно по отношению к русским врачам и сестрам. В Варшавском госпитале раненый немец плюнул в лицо медсестре, другой пнул медсестру ногой, третий ткнул ножищами в живот врачу, который делал перевязку.

С самого начала войны в печать все чаще стали проникать сведения о зверствах германских и австрийских солдат и офицеров в Бельгии, Франции и западных областях Польши. Массовые грабежи, расстрелы заложников и насилия над женщинами стали нормой поведения завоевателей.

В Ченстохове они расстреляли 18 мирных жителей. В Калише устроили кровавую бойню. В городе Буковинском за нарушение постановлений генерала Прейскера расстреливали каждого десятого жителя.

«Мир еще не знал фашизма, Освенцима, Дахау, геноцида гитлеровцев, – писал известный советский историк Н. Н. Яковлев, – но уже тогда, в августе 1914 г., хорошо знали, что враг систематически нарушает законы и обычаи войны. Попытки и убийства пленных в руках немцев и австрийцев были не исключением, а правилом».

Орден Святого Георгия

Императорский Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия (Орден Святого Георгия) – высшая военная награда Российской империи. В расширенном смысле – всеохватывающий комплекс отличий офицеров, нижних чинов и воинских подразделений.

Учрежден императрицей Екатериной II 26 ноября (7 декабря) 1769 г. в честь Святого Георгия для отличия офицеров за заслуги на поле боя и выслугу в воинских чинах. Имел четыре степени отличия.

В первом его статуте, подписанном самой Екатериной тремя днями раньше, 23 ноября, в частности говорится: «Ни высокая порода, ни полученные пред неприятелем раны не дают быть пожалованным сим орденом, но дается оный тем, кои не

только должность свою исправляли во всем по присяге, чести и долгу своему, но сверх того отличили еще себя особливим каким мужественным поступком, или подали мудрые и для Нашей воинской службы полезные советы».

Позднее были разработаны конкретные условия, при которых выдавалась эта награда. Орден мог получить, например, тот, кто «лично, предводительствуя войском, одержит над неприятелем, в значительных силах состоящим, полную победу, последствием которой будет совершенное его уничтожение», или, «лично предводительствуя войском, возьмет крепость». Эта награда могла быть выдана также за взятие неприятельского знамени, захват в плен главнокомандующего или корпусного командора неприятельского войска и другие выдающиеся подвиги. В статуте ордена было также сказано: «Сей орден никогда не снимать, ибо заслугами оный приобретается».

Орден св. Георгия имел четыре степени, причем первый раз награждаемый должен был представляться к низшей, 4-й степени, в следующий раз – к более высокой – 3-й, далее 2-й и, наконец, совершивший четвертый выдающийся подвиг мог быть представлен к награждению орденом св. Георгия 1-й степени.

4-я степень ордена св. Георгия представляла собой золотой крест с расширяющимися от центра лучами, покрытыми белой эмалью. В центральном круглом медальоне знака (креста) ордена на розовом (с 30-х гг. XIX в. – красном) фоне помещалось изображение св. Георгия на коне, поражающего копьём змия.

Некоторыми это изображение неверно трактуется как борьба с драконом, но дракон в геральдике олицетворяет добро. Причину ошибки следует искать в том, что и дракон, и змий изображаются в геральдике крылатыми, но дракон – с двумя лапами, а змий – с четырьмя. Последняя тонкость, оставаясь незамеченной, и приводит к ошибочному трактованию изображения змия как дракона.

До апреля 1813 г. удостоено 1195 человек, после точная статистика отсутствует. По некоторым сведениям, всего награждено более 10500 человек, из них до 8 тысяч награждено за выслугу лет, а остальные за боевые заслуги. По другим сведениям, орден 4-го класса получили более 15 тысяч офицеров, в основном за установленный статутном безупречный срок службы и участие (с 1833 г.) хотя бы в одном сражении. Кресты за выслугу лет с 1816 г. отмечались соответствующей надписью на знаке. С 1855 г. награждение орденом Св. Георгия за безупречную службу было отменено.

3-я степень ордена св. Георгия представляла собой такой же крест, но носившийся не в петлице, а на ленте на шее.

Всего удостоено около 650 человек. Первым кавалером в 1769 г. стал подполковник Ф. И. Фабрициан «за разбитие с вверенным ему detachmentом в 1600 человек под городом

Галацом, 15-го ноября 1769 г. весьма многолюдного против онаго числа неприятельскаго войска».

За Первую мировую войну 3-ю степень ордена Святого Георгия получили чуть более 60 человек, в числе которых были известные генералы Ф. А. Келлер, Л. Г. Корнилов, А. М. Каледин, Н. Н. Духонин, Н. Н. Юденич, А. И. Деникин. В 1916 г., после многолетнего перерыва, 3-й степени был удостоен (посмертно) офицер в небольшом чине – капитан С. Г. Леонтьев (1878-1915), одновременно посмертно произведенный в подполковники.

В годы Гражданской войны орденом Св. Георгия 3-й степени было отмечено десять человек, особо отличившихся в борьбе Белого движения против большевиков. Среди них в 1919 г. награждены – генерал-лейтенанты Г. А. Вержбицкий и В. О. Каппель, генерал-майор С. Н. Войцеховский, адмирал А. В. Колчак.

Еще более высокая награда, **орден св. Георгия 2-й степени**, включила в себя уже два основных компонента, не считая ленты: на шее носился такой же крест, но большего, чем третья степень, размера, а на груди помещалась четырехугольная золотая звезда ордена св. Георгия с девизом «За службу и храбрость».

Всего удостоено 125 человек. Первым кавалером в 1770 г. стал генерал-поручик П. Г. Племянников «за оказанный пример мужества, служивший подчинённым его по преодолению трудов неустрашимости и к одержанию над неприятелем победы 21-го июля 1770 г. под Кагулом». Последним кавалером в 1916 г. стал французский генерал Фердинанд Фош «за успешное завершение Верденской операции 21 декабря 1916 г.».

В Первую мировую войну орден Св. Георгия 1-й степени не выдавался, а 2-ю степень награды заслужили четверо российских подданных: командующие фронтами генералы Н. Юденич, Н. Иванов, Н. Рузский и великий князь Николай Николаевич Младший (до 1915 г. бывший Верховным Главнокомандующим русской армии). Из четырех военачальников наиболее известен Николай Николаевич Юденич – руководитель Белого движения на северо-западе России в гражданскую войну.

Юденич воевал в мировую войну на Кавказском фронте против турок. Первую Георгиевскую награду, орден Св. Георгия 4-й степени, он получил «за разгром 3-й турецкой армии с пленением IX турецкого корпуса и остатков двух дивизий X и XI корпусов» в Сарыкамышской операции (декабрь 1914-январь 1915 г.).

Обе следующие свои Георгиевские награды Н. Н. Юденич получил за удары по той же 3-й турецкой армии: 3-ю степень — за разгром правого крыла этой армии, составлявшего 90 батальонов пехоты; 2-ю степень — «за штурм Деве-Бейнской позиции и крепости Эрзерума 2 февраля 1916 года». Юденич стал предпоследним кавалером ордена Св. Георгия 2-й степени (и последним из российских подданных).

Из иностранных подданных 2-ю степень ордена Св. Георгия в Первую мировую войну заслужили двое: главнокомандующий французскими вооруженными силами генерал Жозеф Жоффр за разгром германских войск в Марнском сражении 1914 г. и упомянутый ранее Ф. Фош.

Наконец, высшая, **1-я степень ордена** представляла собой тот же большой крест, носившийся уже на широкой ленте «георгиевских» цветов через правое плечо, и звезду на груди. Всего им удостоено 25 человек. Первым кавалером после Екатерины II стал в 1770 г. граф П. А. Румянцев-Задунайский «за одержанную над неприятелем 21 июля 1770 года под Кагулом победу». Последним кавалером стал в 1877 г. великий князь Николай Николаевич Старший «за овладение 28-го ноября 1877 г., твердынями Плевны и пленение армии Османа-Паши».

Георгиевская лента всех степеней ордена имела чередующиеся три черные и две желтые (оранжевые) продольные полосы. Позднее, кроме значительного числа дореволюционных воинских наград, носившихся на такой ленте, ряд советских боевых отличий получил по наследству эту почетную, предназначавшуюся всегда исключительно для ношения орденов и медалей за храбрость и воинское учение, оранжево-черную ленту

Орденом награждено более 10 тысяч человек, из них только четверо стали кавалерами всех 4 степеней.

Первым кавалером ордена, не считая Екатерины II, стал в декабре 1769 г. подполковник Ф. И. Фабрициан, который был удостоен сразу 3-й степени, минуя низшую. Первым кавалером 4-й степени стал в феврале 1770 г. премьер-майор Рейнгольд Людвиг фон Паткуль.

С 24 июня 1917 г. 4-й степени ордена могли быть удостоены солдаты и матросы, исполнявшие в бою обязанности офицера. При этом орденская лента украшалась серебряной лавровой ветвью.

В советской России орден был упразднен после Октябрьской революции 1917 г. Тем не менее во время Гражданской войны в 1918-1920 гг. на Восточном фронте и в Северной армии белых практиковалось награждение орденом (за исключением высших 1-й и 2-й степеней).

В 2000 г. орден Святого Георгия восстановлен в качестве военной награды Российской Федерации. Орденские знаки не нумеровались, но велись списки награжденных.

Орден Святого Георгия выделялся своим статутом среди других российских орденов как награда за личную доблесть в бою, и заслуги, за которые офицер мог быть удостоен награды, строго регламентировались статутом ордена.

Георгиевская лента

Орден Святого Георгия полагалось носить на «ленте шелковой о трех черных и двух желтых полосах», впоследствии за ней и закрепилось название – Георгиевская лента.

Что означает черный и желтый цвет? В России они являлись цветами императорскими, государственными, соответствовали черному двуглавному орлу и желтому полю государственного герба. Именно этой, символики, видимо, придерживалась императрица Екатерина II, утверждая цвета ленты. Но, так как орден был назван в честь Святого Георгия Победоносца, цвета ленты, возможно, символизируют самого Святого Георгия и обозначают его мученическую смерть – три черных полосы, и чудесное воскрешение – две оранжевые полосы. Именно эти цвета и называются сейчас при обозначении цветов Георгиевской ленты. Кроме того, новая награда, вручалась исключительно за воинские подвиги. А цвета войны – это цвет пламени, то есть – оранжевый, и дыма – черный.

Одни из первых кавалеров ордена Святого Георгия – участники морского сражения в Чесменской бухте, которое произошло в июне 1770 г. В этом сражении русская эскадра, под общим командованием графа Орлова А. Г. , полностью разгромила превосходящий по численности турецкий флот. За это сражение граф Орлов был пожалован орденом Св. Георгия первой степени и получил почетную приставку к своей фамилии «Чесменский».

Первые медали на Георгиевской ленте были вручены в августе 1787 г., когда небольшой отряд под командованием Суворова отбил атаку превосходящего по численности турецкого десанта стремившегося захватить крепость Кинбурн. Суворов, находившийся в первых рядах сражавшихся и воодушевлявший их личным примером, в этом бою был дважды ранен, мужество российских солдат позволили разгромить турецкий десант. Впервые в российской истории медаль была вручена не всем участвовавшим в бою, ею были отмечены только те, кто проявил наибольшую личную храбрость и героизм. Причем решать, кто более достоин награждения, должны были именно солдаты, принимавшие непосредственное участие в военных действиях. В числе двадцати награжденных за этот бой был и гренадер Шлиссельбургского полка Степан Новиков, лично спасший Суворова от напавших на него янычар. Черно-оранжевые ленты

были положены и для других медалей этой войны, которые были вручены участникам героического штурма Очакова и отличившимся при взятии Измаила.

Лента ордена Святого Георгия начинает занимать особо почитаемое положение и при коллективных награждениях различных воинских частей Российской Армии. К таковым следует отнести так называемые Георгиевские трубы, введенные в 1805 г. Трубы эти изготавливались из серебра, на корпус наносилось изображение Георгиевского креста и надпись, указывающая, за что дано это отличие. Кроме того на трубу крепился темляк из ленты черно-оранжевых цветов. Существовало две разновидности труб – кавалерийская и пехотная. Различия между ними заключались в их форме. Пехотная была изогнутой, а кавалерийская – прямой.

С 1806 г. в числе коллективных поощрений появляются Георгиевские знамена. В наверху этих знамен располагался белый орденский крест, а под навершием повязывалась Георгиевская лента со знаменными кистями. Первыми такое знамя получили Черниговский драгунский полк, два донских казачьих полка, Киевский гренадерский и Павлоградский гусарский полки. Награждены они были «За подвиги при Шенграбене 4 ноября 1805 г. в сражении с неприятелем, состоящим из 30 тыс.».

В 1807 г. император Александр I учредил специальную награду для нижних чинов Русской Армии за личную храбрость в бою, которая получила название – Знак отличия Военного ордена. Ношение креста предписывалось на ленте, цвета которой соответствовали цветам ордена Св. Георгия. Именно с этого периода популярность Георгиевской ленточки становится всенародной, так как подобные награды простой российский народ видел гораздо чаще, чем золотые ордена офицерского состава Российской Армии. Этот знак в дальнейшем получил название солдатский Георгиевский крест или солдатский Георгий (Егорий), как его называли в народе.

С 1855 г., офицерам получившим наградное золотое оружие «За храбрость», для более видимого отличия было предписано носить темляки из Георгиевской ленты.

В том же 1855 г. была учреждена медаль «За защиту Севастополя». Впервые в истории Российской империи медаль вручалась не за героическую победу, а именно за оборону русского города. Медаль эта была серебряной, предназначалась как для военных чинов, так и для штатских лиц, участвовавших в обороне Севастополя. Для генералов, офицеров, солдат и матросов Севастопольского гарнизона, служивших там с сентября 1854 г. по август 1855 г., медаль вручалась на Георгиевской ленте.

Не обошли стороной воинские отличия и священнослужителей. Еще в 1790 г. был издан особый указ о пожаловании военных священников за подвиги при участии в военных сражениях. Тогда же был учрежден наградной золотой наперсный крест на Георгиевской ленте. Многие из полковых священников Русской Армии принимали непосредственное участие в боевых действиях русских войск и своими героическими деяниями заслужили эту высокое отличие. Один из первых награжденных наперсным крестом – полковой священник Трофим Куцинский. При штурме крепости Измаил погиб командир батальона, в котором отец Трофим был священником. Солдаты остановились в замешательстве, не зная, что делать дальше. Отец Трофим, безоружный, с крестом в руках, первым ринулся на врага, увлекая за собой солдат и поддерживая их боевой дух. Всего же за время от учреждения золотого наперсного креста до Русско-японской войны, им было награждено сто одиннадцать человек. И за каждой такой наградой стоял конкретный подвиг полковых священников Русской Армии.

Утвержденная еще в 1807 г. медаль «За храбрость» также носившаяся на черно-оранжевой ленте, в 1913 г. была причислена к ордену Св. Георгия и стала наряду с Георгиевским крестом самой массовой солдатской медалью вручаемой за личную храбрость.

За время существования черно-оранжевой ленты Святого Георгия, с момента ее появления в 1769 г. и до 1917 г., она являлась непременным атрибутом самых разных наград Российской империи вручаемых за воинскую храбрость. Золотых офицерских крестов, темляков золотого оружия, знаков отличия, медалей, а также коллективных -

серебряных труб, знамен, штандартов. Так в наградной системе России образовалась целая система воинских поощрений, среди которых Георгиевская лента являлась своеобразным связующим звеном всех их в единое целое, являя собой символ воинской доблести и славы.

День учреждения Ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия 26 ноября 1769 г. в истории России считался Днем Георгиевских кавалеров. Этот день праздновался ежегодно. В этот день не только в столице империи, но и практически во всех уголках русской земли чествовали кавалеров георгиевских отличий. Чествовали всех, невзирая на чины и звания, так как подвиги, которые совершили эти люди, совершены были не во имя наград, а во имя своей Отчизны.

Не только в Википедии можно узнать, что означает Георгиевская лента, на сайте который Вы сейчас смотрите подобрана детальная информация и изображения большинства наград носимых на этой славной ленте: ордена Св. Георгия, более сотни изображений Георгиевских крестов различного исполнения. Большая подборка подлинных фото Георгиевских кавалеров.

Георгиевские кавалеры – кыштымцы

*На протяжении столетий не было в России
более высокого воинского отличия,
чем «Георгиевский кавалер»*

Военный орден Святого Георгия – «Георгиевский крест» и его знак давались лишь за реальное мужество на поле брани. Люди, получившие этот символ доблести, пользовались всеобщим уважением и почетом. «За службу и храбрость» – таков был девиз ордена Святого Георгия.

Немного, но нам удалось выявить нескольких наших, кыштымских георгиевских кавалеров.

1. МЕХОВОВ Михаил Федорович

Родился в 1892 г. в Стерлитамакском уезде Уфимской губернии, по другим данным с.

Кошелевка Троицкого уезда Оренбургской губ. Переехал на Челябинские каменноугольные копи. До 1914 г. работал на Кочкарских золотых приисках, забойщиком на Челябинкопях. В Первую мировую войну служил в 10-м гренадерском Малороссийском полку разведчиком; подпрапорщик. В 1915 г. старший унтер-офицер команды разведчиков.

Награждён Георгиевскими крестами: 4 ст. № 181001 п, 3 ст. № 15894, 2 ст. № 3071; тремя георгиевскими медалями: 4 ст., 3 ст., 2 ст. Член РСДРП(б). В 1917-1918 гг. по указанию Е. Л. Васенко и С. Я. Елькина создал боевую шахтерскую дружину, был командиром сводного шахтерского красногвардейского отряда. Руководил военной подготовкой красногвардейцев. Заместитель председателя Совета рабочих и солдатских депутатов на **Кыштымских коях**, Северном руднике Челябинкопей.

При разоружении эшелона на станции Шершни 7 марта 1918 г. погиб.

Был похоронен у Народного дома в Челябинске, в 1950 г. перезахоронен на Митрофановском кладбище. В Копейске именем Меховова названа улица, установлен бюст на Аллее героев Гражданской войны. В Копейском городском краеведческом музее имеется фонд Меховова (Источник: РГВИА, ф. 16180, оп. 1, д. 75, л. 129 об.).

2. КАЗАКОВ Василий Петрович

Родился в Кыштымском заводе Екатеринбургского уезда Пермской губернии. На военной службе – ефрейтор 335 пехотного Анапского полка. Награжден Георгиевским крестом

4 степени – 16 и 17 марта 1915 г. в бою при деревне Скустели, несмотря на сильный огонь совершенно по открытой местности и на близкой дистанции и на близкой дистанции от позиции противника непрерывно подносил патроны и воду пулеметам, чем способствовал успеху боя.

3. КУДРЯШОВ Петр Никитович

Родился в Кыштымском заводе и волости Екатеринбургского уезда Пермской губернии. На военной службе – 335 пехотного Анапского полка. Награжден Георгиевским крестом 4 степени – 2 и 3 ноября 1914 г. будучи послан для связи между ротами, под действительным огнем противника, установил утраченную связь с 5 и 13 ротами (Источник: РГВИА, ф. 2944, оп. 2, д. 284).

Первая мировая война стала первым военным конфликтом в истории, когда воюющие стороны столкнулись с небывалым числом пленных. По разным оценкам, в плен с обеих сторон попало примерно 13% солдат и офицеров. Ни одна из стран-участниц не была к этому готова. Особенно в сложном положении оказались русские военнопленные.

**Первые русские «пленные» Великой войны
О судьбе туристов из Российской империи, оказавшихся в Германии в августе
1914 года**

Согласно имеющимся сведениям, уже 15-16 (28-29) июля 1914 г., когда Австро-Венгрия успела объявить войну Сербии, а Германия и Россия еще занимались дипломатическими играми, немецкие пограничники стали проявлять придирчивость к пропускам. Последний поезд через Эйдкунен – небольшой пограничный городок – беспрепятственно проследовал примерно в 17.00 19 июля (1 августа), т.е. в день объявления войны.

Он вышел в 12 часов дня 18 (31) июля (пятница) из Берлина, а на следующий день спокойно доехал до Кенигсберга. Дальше события разворачивались не лучшим образом. В столице Восточной Пруссии в вагоны забралась солдат, которые объявили, что каждый пассажир, который высунется из поезда, будет расстрелян. Далее последовали противоречивые приказы: сначала предписывалось задержать штормы, затем наоборот, их поднять.

Когда поезд приехал в Эйткунен, путешественников построили на перроне, где под начавшимся дождем устроили проверку паспортов. Затем началась вообще путаница. Вероятно, сами немцы не знали, что им полагается делать: сначала объявили, что все до Вержболова (русский пограничный пункт примерно в 10 км) пойдут пешком, однако, как только пассажиры выстроились, им приказали сесть в вагоны. Поезд доехал до границы, где встал на запасных путях. Здесь объявили, что все отправляются в Берлин; однако поезд тронулся и подошел к Вержболову. «Надо самому пережить все издевательства, – заканчивает проф. С., – чтобы понять наше состояние. Совершенно измученные, голодные, с издерганными нервами, мы добрались до Вержболова, откуда с опозданием приехали в Петербург».

Ближе к полуночи наши пограничники приняли последнюю партию русских туристов. Поездом из Берлина они прибыли в Эйткунен в 19.55 минут. Германцы им предложили: либо вернуться в Берлин или в Кенигсберг, либо самим идти до Вержболова. «Ступайте, если хотите, но я не ручаюсь, что русские не будут стрелять по вас. Если вас не примут, возвращайтесь обратно, и мы вас отправим в Берлин», – заявил немецкий полковник.

Не желая оставаться в Германии, несколько сот человек отправились в путь. Уже на мосту между Эйткуненом и Вержболовым их встретили шесть пограничников. Узнав, что это русские туристы, они послали за офицером. Когда тот прибыл, ему пришлось вызвать жандармов, которые появились примерно через двадцать минут. Все это время туристы (и в этом вряд ли стоит обвинять германцев) стояли на мосту, в густой липкой грязи и лужах после недавнего дождя. В итоге пришлось прождать около 4 часов, пока не окончился паспортный контроль.

Остальным, кто вовремя не обеспокоился покинуть пределы Германии, повезло меньше, хотя случались и исключения. К примеру, другая группа туристов (до 300 русских путешественников, в т. ч. депутат В. А. Маклаков, княгиня Трубецкая и князь Васильчиков) выбралась из Берлина в 12 часов дня 19 июля, на следующий день, прибыв в Шталлупенен. Кн. Трубецкая с сыном решила пойти к начальству за пропуском, вслед за ней отправились Маклаков и кн. Васильчиков.

Кругом стояли немецкие солдаты и были слышны возгласы, будто поймали шпионов. К удивлению русских, уланский офицер оказался сговорчивым и быстро выдал пропуска. Скоро их получили и другие пассажиры поезда, до Вержболова все же, по понятным причинам, пришлось добираться пешком. Среди попавших в столь неприятное и опасное положение оказались даже представители императорской фамилии. Императрице Марии Федоровне пришлось добираться до Петербурга через Данию, а великий князь Константин Константинович (известный поэт под псевдонимом К.Р.) вместе со своей женой Елизаветой Маврикеевной (кстати, приходившейся ему троюродной сестрой), сыном Георгием и дочерью Верой поехал через Восточную Пруссию. 20 июля (2 августа) поезд проследовал через Гумбиннен, где великий князь выходил прогуляться на платформу.

Здесь же задержали его адъютанта Сипягина и камердинеров, сообщив, что их вместе с багажом доставят позднее. Как вспоминала княжна Вера: «В те дни Германия была охвачена военной истерикой. Всем чудились русские шпионы и автомобили с русским золотом. Наш автомобиль также был принят за шпионский. На станции, где мы ожидали поезда, кто-то грубо заметил, указывая на брата, что мальчик мог бы, но крайней мере, снять русскую шапку! (Брат носил матросскую фуражку с надписью «Потешный»). У русской границы ... поезд остановился. Нам приказали не закрывать окон и дверей вагона. Лишь в отделениях детей разрешили затянуть занавески.

Мне было тогда 8 лет, брату – 11. Помню, как нас накормили молоком и черным хлебом... Лейтенант Мюллер, командовавший нашей охраной, до того весьма вежливый и корректный, вдруг сделался грубым и стал называть мою мать «Gnaedike Frau», т. е. «сударыня», боясь, видимо, титуловать ее по сану». В 5 часов утра 3 августа все пленники были направлены в Шталлупенен. Там их посадили в автомобили и отвезли на границу, где выкинули из машин (ясно, что никто из немцев не осмеливался доставить их прямо в Россию).

Великий князь Константин из-за болезни долго идти не мог. Только разъезд смоленских улан спас их. Как писал князь Гавриил Константинович: «Начальник разъезда штабс-ротмистр Бычко узнал моего отца и помог всем добраться до ближайшей станции железной дороги». Несмотря на то, что в дневниках К.Р. все эти события записаны довольно лаконично, можно поверить его сыну князю Гавриилу: «на отца сильно повлияли пережитые волнения, но, как всегда, он ничего не говорил, а переживал их молча, в своей душе».

Менее титулованным туристам повезло намного меньше. Без исключений все отмечали резкое изменение отношения к русским и проявившуюся грубость на фоне патриотического подъема. Российскую прессу облетели сообщения о жестокости противника, всевозможных лишениях, которые пришлось испытать случайным жертвам. Разразилась целая истерия по поводу немецких зверств, к которой вскоре добавились события в Калише.

Несомненно, рассказы о злоключениях русских путешественников сыграли немалую роль в «патриотическом угаре 1914 года» и создании яркого образа врага: «культурного варвара», жестокого, грубого, поправшего все законы морали и Бога, с которым нельзя не воевать. Заносчивость, самовосхваление, грубость – именно эти пороки в годы мировой войны приписывались противнику в первую очередь, и все они были заложены в материалах, посвященных русским туристам. Конечно, не каждый верил доходящей до истерики пропаганде. Но как писал известный искусствовед барон Н. Н. Врангель: «Негодую на немецкие зверства, все с пеной у рта повторяют преувеличенные слухи о жестокостях немцев по отношению к русским, попавшим к ним в руки».

Однако все это представляет интерес касательно «образа врага в русской прессе», но что же происходило на самом деле? Как мы видим из описанного выше, в первые дни после объявления войны особой жестокости германцы не проявляли (даже основываясь на материалах публицистики 1914 г.). Все описанное может сойти за меры безопасности и издержки подозрительного отношения к «агрессивному» противнику (ведь в то время пресса Второго Рейха писала, что Россия напала на Германию).

Не стоит забывать: многие были в замешательстве, ибо не знали, как надо поступать в отношении граждан из враждебных стран. Отдельные дневниковые свидетельства и статьи, вышедшие в послевоенное время, свидетельствуют, что грубость и издевки действительно имели место. Для русских туристов, привыкших к другому (более цивилизованному, многими до сих пор называемому «европейскому») отношению, подобное стало настоящим открытием.

Патриотический угар охватил тогда всю Германию, а потому неудивительны манифестации толп и их ненависть к русским (хотя и не только и не столько к ним, сколько к французам и англичанам). Оказавшийся в те беспокойные дни в Берлине Ф. Ф. Юсупов ярко писал в мемуарах: «На другой день рано утром мы поехали в русское посольство, а оттуда на вокзал к копенгагенскому поезду. Никакого сопровождения, как полагалось бы иностранной миссии. Мы отданы были на милость разъяренным толпам. Всю дорогу они швыряли в нас камни. Уцелели мы чудом. Среди нас были женщины и дети, семьи дипломатов. Кому-то из русских палкой разбили голову, кого-то избили до крови. С людей срывали шляпы, иным в клочья изорвали одежду». Однако невольно привлекает внимание тот факт, что хоть Юсуповых в первый день арестовали, в дальнейшем они передвигались по Берлину самостоятельно, решая вопрос своего отбытия с русским посольством.

Но можно ли действительно говорить о «германских зверствах» как это делали публицистические издания 1914 г.? К сожалению, достоверных источников, по этому поводу практически не осталось. Существует масса публикаций в русской прессе за 1914 г., которая носит весьма субъективный характер, что, кстати, не мешает некоторым воспринимать ее в качестве объективной.

Так, в 1990-е один из центральных журналов перепечатал брошюру А. С. Рязанова «Исследования немецких зверств», изданную в Санкт-Петербурге в 1914 г. В предисловии, написанном уже современным историком, можно обнаружить следующий пассаж: «Построенная целиком на документальном материале – свидетельствах очевидцев и жертв немецкого вандализма, докладах разведки и МИДа, сообщениях печати (отнюдь не грешащих преувеличениями), выводах и заключениях международных организаций, книга убедительно показывает, что средневековое варварство сознательно возводилось правительством кайзера Вильгельма и генеральным штабом в ранг официальной политики». Насколько объективно эта «книга» отражает события можно судить по ссылкам, согласно которым, она базируется главным образом на материалах периодики того времени.

Причем все «исследование» сводится к перечислению отдельных эпизодов проявления насилия без какого-либо глубокого анализа. Однако публикации того времени полностью отбрасывать не стоит уже потому, что они писались современниками-очевидцами, которых трудно уличить в преднамеренной лжи – слишком уж много людей в различных изданиях писали почти об одном и том же. И неудивительно: все они имели во многом единый опыт, который выражали в принятых тогда категориях, но основываясь больше на эмоциональном, а не рациональном восприятии.

Последующему исследователю же надо попытаться отделить эмоциональное и наносное от более-менее реальных фактов и на основе последних попытаться воссоздать общую картину. В качестве источника для подобного анализа была выбрана «Черная книга немецких зверств», вышедшая «по горячим следам» в Санкт-Петербурге в 1914 г. и составленная на основе заметок из периодики. В итоге можно прийти к ряду достаточно интересных выводов.

Во-первых, что касается немцев, то если отбросить в сторону ряд ярких эпитетов и прямых ругательств, выражающих лишь авторское отношение, но не несущих смысловой нагрузки из-за расплывчатости («звери, потерявшие всякий человеческий образ», «животное», «гноусное варварство», «озверелые немцы»), то из оставшегося («обнаглевшие», «воинственные», «как сумасшедшие», «пьяные солдаты ландвера», «злоба населения», «некультурный», «жестокий», «австрийцы все были пьяны», «несдержанно грубы», «ожесточившиеся люди, мстящие в пустыках», «лица злобно-насмешливые или тупо-равнодушные», «грубые люди», «кичливый задор немцев») вряд ли можно вывести что-то больше, нежели образ ура-патриотов (безусловно, огрубевших и ожесточенных – отсюда и стремление использовать метафору «звери»), находящихся в самом патриотическом угаре, причем убежденных, что русские одни из основных виновников войны.

Во-вторых, примерно то же самое можно сказать и по поводу отношения немцев к русским. Если отбросить эпитеты и выражения, больше отражающие отношение рассказчика к происходящему («с уточненной жестокостью», «неистовали», «попавшие в их лапы», «издевательства», «варварство», «не щадили никого», «черная туча немецкой жестокости все растет и растет», «терроризировали»), а попытаться найти примеры действительных издевательств (т.е. факты), то окажется, что большинство из них имели вербальный характер и заключались в излишней грубости.

Вот их список: «С мелочною придиричностью преследовали», «грязные инсинуации», «осыпали русских бранью и глумились», «вытолкали графиню ударами прикладов и грубо обыскали», «толпа озверела, орала, гикала», «оскорбительные формальности», «есть не дают», «отборные ругательства», «взятки брали весьма охотно, несмотря на патриотизм», «оскорбление дам», «сцены обыска возмутительны», «в крайне резкой форме говорил о русских», «наглый допрос», «в грубой форме», «потасили по всему городу», «атмосфера ненависти и раздражения», «грубый, наглый тон», «дерзкая ругать», «оскорблениям угрозам не было конца», «провокационные приемы», «восторженный хохот», «грубо и бесцеремонно», «говорили пошлости», «лезли целоваться», «ехидные улыбочки», «мелкие придирки и даже угрозы», «бесчестно обманули», «запугать», «особенная прусская грубость», «с насмешками», «пренебрежительно», «арестовывали», «оскорбляли и даже подвергали избиениям», «глумились», «не дали ни есть, ни пить», «возмутительное отношение», «толпы осаждали поезд», «носильщиков не было» (!!), «аресты при ужасных условиях», «бранные крики».

Также нужно учитывать то, что сами туристы находились в подавленном состоянии. Представьте, что Вы сами оказались в начале войны на вражеской территории, окружены враждебно настроенными толпами, скандирующими воинственные лозунги; поэтому отвращение и страх, подпитываемый неопределенностью и опасностью, станут доминировать в Вашем восприятии.

Потому одни и те же поступки будут восприниматься по-разному самим субъектом действия и лицом, на которое оно направлено. То, что немец считает снисхождением к врагу (который, по убеждению бывшего мирного бюргера, один из агрессоров), для нашего путешественника может показаться верхом грубости и несправедливости. Потому по прибытии домой он не пожалеет красок (а редактор заметки может их еще и добавить) для описания возмущения.

А это станет подспорьем для военной пропаганды, патриотических манифестаций и рассуждений об агрессивности и зверином облике противника. Все это представляет собой интересный пример того, как субъективное восприятие туристов, окрашенное в ряд определенных эпитетов, с добавлением общих, но ничего не значащих слов, выплеснутое в большом количестве на страницы прессы при тиражировании отдельных наиболее «сочных» моментов привело чуть ли не к всеобщей истерии по поводу «немецких зверств».

В итоге можно заключить, что как таковых массовых зверств (особенно с позиции наших дней, когда мир прошел через горловину ГУЛАГа, Дахау и Освенцима) все же не

было, хотя отрицать жестокость смысла нет. Единственное, что можно выделить, так это случаи побоев, мародерства, плохих условий содержания временных пленных, а также отдельные эксцессы с летальным исходом и некоторые извращения.

Однако и тут надо понимать, что порою либо повторяются слухи (например, можно встретить фразу на подобию: «передавали, что рабочие были расстреляны»), либо возможны преувеличения. Ряд одних и тех же эпизодов (так, случай, когда германцы расстреляли отца, давшего пощечину немецкому офицеру, когда тот стал грубо обыскивать дочь) активно тиражировался, создавая впечатление многочисленности, что, кстати, можно рассматривать в качестве дополнительного косвенного свидетельства редкости подобных явлений. Однако на общем фоне эти эпизоды действительного варварства и жестокости выглядят относительной редкостью. Плюс современному исследователю стоит все же помнить, что, несмотря на лишения и трудности, большинство туристов через нейтральные страны все же добралось до дома.

Константин Пахалюк

Военнопленные на Урале

На фото: Иностранцев солдат жалели и помогали им.

Первых солдат вражеских армий, захваченных в плен на полях сражений великой европейской войны, екатеринбуржцы увидели уже в августе 1914 г.

Сперва, конечно, для горожан это было в диковинку, а потом вагоны стали идти через город чуть не каждый день, и уже никто не обращал внимания на скупые строки газетных заметок о том, сколько и куда провезли австрийцев, немцев, турок и отвоевавшихся представителей других народов.

Россия одерживала на фронте победы, терпела поражения, но поток увозимых вглубь державы пленных не иссякал. Пришлось размещать их и в Екатеринбурге. При катастрофической нехватке помещений, когда каждая квадратная сажень была занята войсками, госпиталями, беженцами, для иностранцев отвели две школы и даже временно расположили в Харитоновском саду. В здании Верх-Исетского театра нашлось место для 600 нижних чинов и 34 офицеров из Австро-Венгрии. Людей обустроили, как могли, накормили, снабдили чистым бельем, да и задумались: десятки молодых, здоровых мужчин сидят без дела... Попытались занять солдат шагистикой, гимнастикой, изучением ремесел, а в городском хозяйстве тем временем не хватало рабочих рук, свои мужчины ушли в армию.

Еще с октября 1914 г. в России действовали особые правила, регламентирующие организацию труда военнопленных. Екатеринбургская городская дума не преминула воспользоваться имеющейся возможностью. Весной 1915 г. бывшие неприятели принялись за благоустройство уездного центра. В середине мая сотня пленных начала мостить Сибирский проспект (ул. Куйбышева) и улицу Турчаниновскую (ул. Испанских рабочих). В начале июня они стали приводить в порядок мусорную свалку на Московском тракте, очищать Сенную площадь (территория парка им. П. Морозова), убирать улицы, но метлами шевелили вяло, поскольку работа практически не оплачивалась.

Совсем другая картина наблюдалась в полутора верстах от Екатеринбурга, на Сибирском тракте. В 200 саженьях от дороги находился каменный карьер, подведомственный городской управе, которая старалась сделать предприятие

прибыльным. Был закуплен локомотив, наняты квалифицированные рабочие-финны и, самое главное, получен заказ из Кургана. Рабочие руки карьеру требовались. Как нельзя более подходящими для этой цели оказались итальянцы. Война забросила на Урал 93 уроженцев Триеста и Триента. Все они оказались хорошими каменотесами, по-русски, правда, не понимали ни слова, но, как писала газета «Уральская жизнь», «великолепные работники, одеты все очень чисто и охотно подчиняются дисциплине».

В карьере итальянцы ломали гранит, грузили его в вагонетки и отвозили к паровой дробилке, кроме того, они трудились на постройке порохового погреба. Жили взятые в плен воины в бараке, просторном и светлом, оборудованном нарами, обедать ходили в барак к русским, поскольку там размещалась кухня. На питание не жаловались. Получали хорошо выпеченный хлеб, мясной суп. Каждую субботу труженикам давали получку (по инструкции самым усердным на руки полагалось около 20 копеек в день), на которую они с особой гордостью, как свободные люди, покупали табак, предметы первой необходимости или продукты.

Со временем граждане солнечной страны начали понимать отдельные русские слова и кое-как общались с руководителями работ. «Со своим положением они вполне примирились и боятся лишь одного, чтобы их не лишили возможности работать», отмечал местный журналист. Враждующие стороны стали уже забывать, что они враждуют. Пленные не стремились узнать о ходе военных действий, а из внешнего мира с волнением ждали только одного – весточек от семей.

Рассеявшись по городам и весям Урала, военнопленные Первой мировой становились участниками нашей повседневной жизни. Российское общество убеждалось еще раз – народ не отягощает сердца злобой. Он жалеет «солдатиков» своих и чужих. Вот и уральцы относились к тем, кто положил оружие, как к людям «часто несчастным, нуждающимся в помощи».

А всемирная бойня между тем не кончалась.

Военнопленные в экономике Среднего Урала (1914–1917)

Одним из последствий Первой мировой войны стало пребывание в пределах границ Российской империи нескольких сотен тысяч неприятельских военнопленных. Их численность по сведениям, содержащимся в специальной литературе и источниках, колеблется в пределах 1,8–2,3 млн. человек.

Для содержания пленных на территории России было развернуто более 400 лагерей, в том числе 113 лагерей, подведомственных Казанскому военному округу, в состав которого входили территории Урала и Поволжья.

На Урале, в глубоком тылу, так же как в Сибири, Туркестане и на Дальнем Востоке, в основном размещались военнопленные австрийцы, немцы и венгры – как менее благонадежные, чем пленные славянских национальностей.

Первые партии пленных появились в пределах Уральского региона уже в 1914 г. Сообщения об этом сразу появились в местной периодической печати. Газета «Уральская жизнь» сообщала своим читателям, что 7 августа 1914 г. через станцию Екатеринбург I в Вятку проследовало 234 германских подданных, взятых в Прибалтийском крае в качестве военнопленных. В Оренбурге к концу августа 1914 г. по сообщению того же источника пребывало уже более 3 тыс. пленных, а в Тюмени в здании Романского училища к концу сентября 1914 г. оборудовали госпиталь для лечения австрийских и германских военнопленных.

Практически одновременно общественность начала обсуждать вопрос об использовании пленных в хозяйстве края. В начале октября 1914 г. «Уральская жизнь» писала: «По Южно-Екатеринбургскому горному округу владельцами горных заводов заявлено требование на 500 чел. военнопленных для работ. Изъявили желание иметь пленных Ревдинские заводы – до 150 чел., Вознесенские рудники – 100 чел., Шайтанские заводы – 50 чел., остальные предприятия – по 20–25 чел. Некоторые из заводских предприятий сначала желают убедиться, пригодны ли военнопленные для работ».

7 октября 1914 г. правительство утвердило Правила о порядке предоставления военнопленных для исполнения казенных и общественных работ в распоряжение заинтересованных ведомств. После утверждения этого документа Советом министров был разработан и утвержден еще ряд законопроектов, регламентирующих использование труда пленных: Правила о допущении военнопленных на работы по постройке железных дорог частными обществами от 10 октября 1914 г.; Правила об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы от 28 февраля 1915 г.; Правила об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях от 17 марта 1915 г. Сходные по своему содержанию, эти документы значительно отличались лишь в части оплаты труда бывших вражеских военнослужащих. В правилах от 7 и 10 октября 1914 г. ни о каком материальном вознаграждении пленным за их работу вообще не говорилось. Что касается пленных, занятых в частных промышленных предприятиях, – а для Урала это было особенно актуально, – то на них распространялась следующая норма закона: «Просимые частными предприятиями военнопленные могут быть им предоставляемы исключительно для работ за плату, размеры коей устанавливаются предприятиями соответственно существующим местным ценам для каждой категории работ.

Не менее 1/3 из заработной платы пленных отчисляется в особый фонд, на особо открываемые счета подлежащих министерств, в их депозиты по казначействам, причем суммам этого фонда предприятиями ведутся личные счета для каждого военнопленного. Из остающейся затем части заработной платы пленных покрываются все расходы предприятия, возлагаемые на него настоящими правилами. Из этой же последней части заработной платы предприятиям предоставляется выдавать военнопленным, обнаружившим усердие в работе, на улучшение довольствия денежный отпуск – не свыше, однако, 20 копеек за каждый рабочий день на человека. Отпуск этот, по внесении его в расчетную книжку каждого рабочего военнопленного, может быть выдаваем пленным на руки». Аналогичным образом решался вопрос об оплате труда пленных, занятых на сельхозработах.

Этим решением правительства воспользовались городское самоуправление, казенные предприятия и предприниматели. По состоянию на май 1915 г. в пределах г. Екатеринбург труд пленных использовался в городском карьере, на замощении Турчаниновской улицы и Сибирского проспекта, на фабрике братьев Злоказовых и фабрике братьев Макаровых. Кроме того, партии пленных были отпущены для работ практически на все близлежащие горные заводы.

Летом 1915 г. Уральским областным промышленным комитетом был проведен опрос среди предприятий на предмет дефицита работников. Выяснилось, что экономике края требуется как минимум 10 тыс. человек. К этому времени в промышленности региона уже были заняты тысячи военнопленных. В пределах Пермской губернии только на крупных лесных работах, преимущественно по хозяйственной заготовке леса, использовалось до 4,5 тыс. пленных.

В августе – сентябре 1915 г. Особым совещанием по обороне государства было принято решение снять военнопленных с сельскохозяйственных работ и предоставить их в количестве 100 тыс. чел. промышленным предприятиям, работающим на оборону. На Урал из этого количества пленных выделялось 30 тыс. чел., которые уже 15 сентября начали отправляться партиями на места. К концу 1915 г., по данным Совета съездов горнопромышленников Урала, на разных предприятиях края работало около 25 тыс. военнопленных, из них около 9 тыс. чел. – в Богословском горном округе.

По сведениям на 1 мая 1916 г. в Пермской губернии на работах «состояло» 50 611 военнопленных, в том числе на сельскохозяйственных – 5 060, фабричных и заводских – 34 194, городских и земских – 913, казенных – 5 731, железнодорожных – 4 145 и прочих – 568 человек. И если в 1915 г. число военнопленных на Урале доходило до 17,4 % общего числа работников, то в 1916 г. оно возросло до 29,3 %, а на отдельных предприятиях достигло 45,3%. Среди 34 404 рабочих Богословского горно-заводского общества насчитывалось 15 610 бывших вражеских военнослужащих, или 45,3%, из 12 669 рабочих

Алапаевских горных заводов – 5 237 человек, или 41,5%, из **11 833 рабочих, занятых на предприятиях Общества Кыштымских горных заводов, пленным было 4 388 человек, или 37,2%**, из 1 629 рабочих Никольского чугуноплавильного завода Н. Ф. и С. Ф. Злоказовых пленным насчитывалось 634 человека, или 38,9%, из 8 102 рабочих Ревдинских горных заводов – 2 713, или 33,5%; из 4 563 рабочих Катав- и Юрюзань-Ивановского горно-заводского округа князя Белосельского-Белозерского – 1 301, или 28,5%; из 7 439 рабочих Симского общества горных заводов – 1 943, или 26,2%, из 19 566 рабочих Лысьвенского горного округа – 4 800, или около 25%, из 2 076 рабочих Шайтанских горных заводов – 515, или почти 25%; из 3 011 рабочих Сысерсткого горного округа – 695, или 23,1%. Особенно высокой доля пленным была на предприятиях наследников П. П. Демидова, князя Сан-Донато: на Луньевских и Егоршинско-Бобровских каменноугольных копях она составляла соответственно около 35% (из 680 рабочих – 237 пленным) и около 60% (из 985 рабочих – 589 пленным), на Выйском заводе – 82% (соответственно из 253 – 205 пленным), на Нижнесалдинском заводе – почти 30% (из 2 613 – 763), на Нижнетагильском заводе – около 24% (из 2 091 – 501), на вспомогательных работах Нижнетагильского и Луньевского округов – 55% (из 7 020 – 3 870).

К ноябрю 1917 г. на уральских заводских предприятиях было занято 20 794 пленным (12,2% общей численности рабочих), в горных предприятиях – 10 569 (25,2 %), в лесных – 20 297 (36,1%). Порядок цифр постепенно менялся в сторону увеличения, поскольку изменилась сама оценка роли труда пленным. Если рескриптом от 20 августа 1914 г. предписывалась «желательность принудительного обращения военнопленным на казенные и общественные работы», то уже 4 марта 1916 г. Главное управление Генерального штаба в директиве, отданной в соответствии с приказом военного министерства, требовало, чтобы «ни один военнопленный, сколько-нибудь трудоспособный, не оставался в лагере без назначения».

Отношением от 26 октября 1916 г. за № 336 уполномоченный по обеспечению военнопленными промышленных предприятий уведомил Совет горнопромышленников Урала, что в распоряжении военного ведомства имеется значительный контингент пленным инженеров и техников по различным отраслям знания. Совет, в свою очередь, оповестил об этом уральские предприятия, из которых уже одиннадцать выразили желание получить около 80 специалистов. Чаще же пленные оказывались совершенно несведущими в премудростях горно-заводского дела, а потому, ввиду почти полного отсутствия среди них квалифицированных рабочих, они использовались на Урале главным образом в качестве простых чернорабочих и так называемых куренных рабочих для заготовки древесного горючего.

Военнопленные-славяне на территории Пермской губернии в годы Первой мировой войны

1 августа 1914 г. началась Великая война, как ее называла официальная российская пропаганда, которая привела к колоссальным изменениям на политической карте Европы. Вступление России в эту войну стало результатом ее политики, направленной на поддержку балканских славян, покровителем которых она выступала на протяжении последних двух столетий. Панславистские настроения были широко распространены не только среди правящей верхушки и интеллигенции, но и среди и простого народа. Все славяне, независимо от их конфессиональной и государственной принадлежности, считались естественными союзниками России в ее борьбе за объединение славянского мира под скипетром российских монархов. В то же время многие западнославянские и югославянские политики считали, что с русской помощью смогут добиться независимости и создать свои национальные государства.

Результаты сражений августа-сентября 1914 г. были в целом благоприятны для русской армии, за исключением поражения двух корпусов в Восточной Пруссии. Особенно удачно дело обстояло на Юго-Западном фронте, в Галиции, где австро-венгерские войска, были вынуждены отступать вглубь своей страны. Итогом первых

побед стало большое количество военнопленных, которых надо было принять, рассортировать и направить к пунктам постоянного размещения.

Обращение с военнопленными строилось на основании Гаагских конвенций 1899 и 1907 г. и Высочайше утвержденного приложения к полковому Уставу «Наказу Русской армии о законах и обычаях сухопутной войны». Дополнительно, 7 октября 1914 г. было издано «Положение о военнопленных», в котором было сказано, что «с военнопленными, как законными защитниками своего отечества, надлежит обращаться человеколюбиво». Пленным гарантировались: медицинская помощь; продовольственное, вещевое и денежное довольствие по нормам, установленным для военнослужащих русской армии¹, соответственно их чину; сохранность личного имущества и денег; свобода религиозных отправления. В целом эти гарантии соблюдались, хотя и не всегда. Чаще всего пленные жаловались на то, что у них были отобраны ценные вещи. Обыкновенно этим грешили казаки, в силу традиционного представления о праве победителя на имущество побежденного.

При сортировке пленных записывали в армии какого государства они состояли, каков их чин, в каком полку служили, обстоятельства и место пленения, домашний адрес. Дальнейшая судьба пленного зависела от того, был ли он офицером или нижним чином и принадлежал ли к нациям, считавшимся враждебными России (немцы, мадьяры, евреи, турки). Надо отметить, что национальность пленного записывалась с его слов, при этом работой с пленными занимались люди не очень хорошо представлявшие, какие именно народы проживали в той же Австро-Венгрии. Если чехи с самого начала рассматривались почти как союзники и само их имя было на слуху, то разницу между словенцем и словаком большинство русских не улавливали и для простоты записывали их славянами.²

Первоначально Главное управление Генерального штаба, в ведении которого находились военнопленные, предполагало размещать представителей «враждебных» наций в азиатской части империи, подальше от крупных промышленных центров. В то же время все славяне, румыны, итальянцы, эльзасцы, греки и прочие могли размещаться в западных и центральных губерниях.

В Пермскую губернию первые партии военнопленных стали прибывать с начала 1915 г., так как в это время Сибирь уже не могла принимать пленных из-за острого дефицита жилых помещений. Лагеря размещались в уездных городах: Екатеринбурге, Кунгуре, Соликамске, Ирбите, Шадринске, Чердыни и т.д. Во-первых, в городе проще найти подходящее жилье (соответствующее распоряжение пермского губернатора было сделано еще в октябре 1914 г.), во-вторых, здесь имелись воинские команды, которые могли обеспечить охрану военнопленных.

В самой Перми, как губернском центре, важном промышленном и транспортном узле, пленных принимать не хотели. Кроме того, практически все свободные помещения в городе были заняты запасными частями и дружинами государственного ополчения. Лагерь был устроен в большом селе Верхние Муллы, находившемся в нескольких верстах от города. Для проживания пленных Пермской уездной земской управой были

¹ . В день на одного человека полагалось: хлеба – 3 фунта (1230 г.), крупы – 32 золотника (136 г.), сахара – 6 золотников (25 г.), чаю – 0,5 золотника. На лесозаготовках рекомендовалось сократить дачу хлеба до двух фунтов, но обязательно кормить пленных гречневой кашей с салом и настоящим маслом. Кроме того, два раза в неделю выдавали мясо – 0,25 фунта (102 г.), вместо которого с октября 1916 г. стали давать 1,5 яйца или 18 золотников (75 г.) соленой рыбы. С 8 июня 1917 г. повсеместно выдача хлеба сокращена до 2 фунтов в день. Пленные офицеры получали от казны квартиру и денежное содержание соответственно чину: обер-офицерам – 600 рублей в год, штаб-офицерам – 900 рублей, генералам – 1500 рублей. Офицерам разрешалось иметь денщиков из расчета 1 денщик на 4 офицера.

² В апреле 1915 г. военнопленные словенской национальности находились в Шадринском (63 человека), Екатеринбургском (8 человек), Чердынском (1 человек), Оханском (4 человека) лагерях, по Верхотурскому, Ирбитскому, Соликамскому и Кунгурскому лагерям указано только общее количество славян. В Верхних Муллах и Осе словенцев в это время не было, данных по Красноуфимску и Камышлову нет. Так как состав пленных в лагерях постоянно менялся

арендованы частные дома Балашовой, Костарева, Прозоровского и Рожнова, а также здание волостного правления.

В январе 1915 г. в Верхнемуллинском лагере были временно размещены турецкие военнопленные, следовавшие в Сибирь. Это была вынужденная мера, так как среди них началась эпидемия тифа и дизентерии. Из 532 человек больных было 104, 15 человек находились при смерти, а 13 умерли в пути. После полуторамесячного пребывания в Верхних Муллах, где они получили необходимое лечение и питание, турки были отправлены дальше. Аналогичная история имела место в г. Камышлове, где из снятой в срочном порядке с поезда партии военнопленных не смогли спасти 40 человек.

В марте 1915 г. на смену туркам в лагеря Пермской губернии стали прибывать австрийские военнопленные, захваченные в Перемышле и Карпатах. Командующий Казанским военным округом уведомил пермского губернатора, что на территории губернии Военное министерство решило расквартировать не менее 10 тысяч человек. Пермские газеты регулярно сообщали о новых партиях пленных направляемых в разные города губернии и за ее пределы. Например, 10 апреля 1915 г. в Пермь прибыли 931 человек австрийских пленных, из которых в Верхние Муллы отправлено 657 нижних чинов и 24 офицера. Среди них 125 человек были славяне, остальные – мадьяры. 15 апреля в Верхние Муллы поступила еще одна партия пленных – всего 454 человека (евреи и мадьяры). 18, 19, 20 апреля через Пермь проследовали еще несколько тысяч военнопленных. Часть из них попала в Верхемуллинский лагерь, где был устроен лечебно-приемный покой для раненых и больных. Заведовал покоем врач Голубев, а позднее эту должность исполнял доктор Зайдель, тоже из числа военнопленных.

Постоянный рост численности военнопленных создавал немало трудностей для местных и центральных властей. Главная проблема на местах – это острая нехватка жилья. В конце апреля 1915 г. в Верхних Муллах содержалось более 1,6 тысяч человек (1347 нижних чинов и 277 офицеров), тогда как по нормам полагалось не более 800. В Чердыни даже пленным офицерам не могли обеспечить проживание по нормам установленным для нижних чинов русской армии (1, 5 кубических сажени воздуха на человека). Не хватало простейшей мебели и посуды. Всего в ходе войны в русском плену оказалось от 2 до 2,3 млн. военнотружущих вражеских армий. Содержание их тяжким бременем ложилось на государственную казну, а именно на Военное министерство, в чьем ведении они состояли.

Согласно Гаагским конвенциям, пленных разрешалось привлекать к работам не сопряженным с унижением воинской чести и не направленным против их родины. Для нижних чинов работы считались обязательными, офицеры же могли работать, если имели на то желание. Посылка пленных на работы представляла существенную выгоду для военных властей. Во-первых, все расходы на содержание (питание, одежда, жилье, медицинская помощь и охрана) полностью перекладывались на работодателя. Во-вторых, 25% заработка военнопленных перечислялись на счет военного ведомства.

Если в начале войны интерес к труду военнопленных проявляли немногие предприниматели, то уже с лета 1915 г. наблюдается резкий рост спроса на дешевую рабочую силу, обусловленный острой нехваткой рабочих рук в связи с мобилизациями и развертыванием военного производства. По рекомендации Военного министерства и Министерства внутренних дел следовало направлять на работы в той или иной мере связанных с обороной страны только военнопленных-славян, как более лояльных к России. Их же по решению совещания прошедшего 17 февраля 1915 г. при Пермской уездной земской управе желательно было посылать и на сельские работы в мелкие крестьянские хозяйства, так как немцы и мадьяры совершенно не понимали русскую речь.

Среди военнопленных славяне составляли примерно половину. Особого внимания российского правительства были удостоены чехи и поляки. Поняв, что война затягивается на неопределенный срок, оно рассчитывало внести раздор в стан врага, оказывая покровительство части пленных (славянам, итальянцам, румынам, эльзасцам). Царское правительство надеялось, что, создав лучшие условия для военнопленных, представителей этих народов, побудит тем самым остающихся на фронте к массовой сдаче в плен и

переходу на свою сторону. Но, как гласит пословица, благими намерениями вымощена дорога в ад.

О находящихся в русском плену эльзасцах проявляло заботу французское правительство, смотревшее на них, как на своих граждан, по трагической случайности оказавшихся в армии противника. Их собирали в специальные лагеря, с более мягкими условиями существования, а часть из них изъявила желание вступить во французскую армию.³ Аналогичную политику в отношении своих соотечественников воевавших на стороне противника и оказавшихся в русском плену проводили Италия и Румыния. О славянах заботиться особо было некому. Доверие, которое оказывало им правительство России, на самом деле означало тяжелый труд в промышленности, работавшей на оборону. Даже чехи из 28 и 88 полков, добровольно перешедшие на сторону России, были первоначально направлены в лагеря, а оттуда на работы. Только через некоторое время, осознав свою ошибку, военные власти распорядились вернуть их в лагеря, где для них были созданы те же условия, что и для нижних чинов русской армии.

Особенностью большинства уральских заводов было то, что они, как и двести лет назад продолжали работать на древесном угле. Чтобы получить нужное количество топлива, каждый год производились большие лесозаготовительные работы. Для пленных, отправленных на лесоповал, эта работа зачастую оказывалась непосильной. Многие из них, особенно горожане, не выдерживали нагрузки и заболели или саботировали работу.

Для пленных, занятых на работах, был установлен следующий распорядок дня. Летом подъем в 4.30 утра, завтрак, работа с 5.30 до 11.00, отдых и обед, работа с 14.00 до 17.30, отдых, работа с 18.00 до 21.00, ужин, отбой в 22.00. Зимой на работу выходили на рассвете, заканчивали по приказу распорядителя. На обед давался один час. Продолжительность рабочего дня составляла в летнее время 12 часов, зимой – 10. За выполненную работу пленные получали жалованье по расценкам установленным для местных рабочих, но на руки они могли получать не более 20-50 копеек в день. Остальные деньги, за вычетом стоимости содержания, перечислялись на их личные счета и могли быть выданы только после окончания плена.

Производительность подневольного труда оставляла желать лучшего. 30 мая 1915 г. Чердынская городская управа обратилась с жалобой к уездному воинскому начальнику. 50 пленных назначенных на распиловку дров за день сделали только 5 сажень, в то время как арестанты местной тюрьмы распиливали по сажени на человека, а вольнонаемные работники по 1,5 сажени. Работавшие на строительстве здания женской гимназии в г. Оханске пленные австрийцы также не отличались трудолюбием.

Решали эту проблему репрессивными методами. За нерадение и леность пленных подвергали денежным штрафам вплоть до лишения зарплаты. Губернатор М. А. Лозина-Лозинский циркуляром от 16 октября 1915 г. рекомендовал всем, кто пользовался трудом военнопленных, предварительно выяснять причины их отказа от работы. В случае если это было вызвано простой ленью и уверенностью в безнаказанности, передавать виновных местным полицейским властям для заключения их в арестном помещении на соответствующем пайке. После краткосрочного пребывания под стражей практически у всех наблюдался заметный рост трудолюбия. Те же, кто упорно отказывался от работы, возвращались воинскому начальнику для содержания на тюремном режиме до конца плена.

На 1 мая 1916 г. на работах в Пермской губернии состояло 50 611 военнопленных. Из них на фабрично-заводских работах было занято 34 194 человека, на сельскохозяйственных – 5 060, на городских и земских – 913, на казенных – 5 731, на железнодорожных – 4 145 и на прочих – 568.

Практически все крупные заводы губернии использовали труд военнопленных. При этом заводовладельцы далеко не всегда соблюдали установленные нормы питания, не

³ Пункт сосредоточения военнопленных-эльзасцев находился в г.Кашира, а итальянцев в г. Кирсанов, расположенных в пределах Московского военного округа.

говоря уже о технике безопасности. Несчастные случаи, особенно в лесу, были нередки, но главной причиной гибели пленных были различные болезни. Например, по сведениям, поступившим в управление Пермского уездного воинского начальника, из пленных, находившихся на работах в Лысьвенском лесничестве в 1915-1916 гг. умерли 15 человек.

Имя	Дата смерти	Причина смерти
Николаус Шварц	11.08.15.	воспаление почек
Ким Логош	12.10.15	брюшной тиф
Петер Бемба	30.12.15	паралич сердца
Андреас Шебер	9.01.16	цинга
Ян Наврут	2.04.16.	туберкулез
Венцель Шиллер	3.04.16	туберкулез
Януш Яноб	7.04.16	гнойный плеврит и туберкулез
Иоган Чупка	28.04 16	туберкулез
Юзеф Лейб	1.05.16	Цинга
Рудольф Врба	8.05.16	гангрена
Алайск Шатингер	17.0516	брюшной тиф
Циновский Людвиг	3.06.16	общее истощение
Маньшим Стор	4.06.16	острый гастроэнтерит
Вацлав Лебель	13.08.16	болезнь сердца
Михаэль Бочо	29.12.16	рожа

Всего по данным известного военного историка Н. Н. Головина в русском плену с августа 1914 г. по сентябрь 1917 г. умерли 51 608 человек или около 2,5% от общего числа военнопленных.

Тем, кто был направлен на сельские работы, повезло больше. Получить в свое хозяйство работника из числа пленных мог любой крестьянин, но приоритет отдавался семьям фронтовиков. Для этого в волостном правлении принимали заявки от крестьян, пересылали их в уездное земство, которое ходатайствовало перед военными властями об отпуске необходимого количества рабочих рук. За пользование трудом пленных взималась плата, размер которой устанавливался по усмотрению местных земств. Например, в Чердынском уезде она первоначально составляла 15 рублей, а потом уменьшена до 9 рублей в месяц.

Не все крестьяне сразу отважились взять в свое хозяйство пленных. Жители деревни Верхняя Чермода Осинского уезда опасались, что пленные «всех нас здесь погубят, перебьют, сожгут наши дома, а потом и скроются. Разве можно на них надеяться, ведь они враги и нехристи». Впоследствии оказалось, что пленные совсем не такие страшные. Из четырех человек, присланных на работы, трое у себя на родине тоже занимались сельским хозяйством. Они не только оказали реальную помощь своим домохозяевам, но и научили новым агроприемам. Особо умилил крестьян тот факт, что пленные пришли в местный храм помолиться и тоже поставили свечи перед иконами.

Также неплохо жилось тем, кто смог устроиться парикмахером, шофером, домашней прислугой. В ряде случаев от тяжелой физической работы спасала высокая квалификация. По требованию председателя Пермского военно-промышленного комитета в его распоряжение из Верхнемуллинского лагеря были переданы военнопленные австрийской армии инженеры Иосиф Студеный, Франтишек Каларжина и Франтишек Крейчик, которые были направлены для работы на одно из оборонных предприятий.

В «Пермских губернских ведомостях» в начале 1916 г. регулярно помещались объявления о том, сколько свободных от всяких работ пленных имеется в распоряжении того или иного уездного воинского начальника и какими профессиями они владеют. Например, в Ирбите на 16 января 1916 г. имелось: слесарей – 47, кузнецов – 45,

машинистов – 33, кочегаров – 8, столяров – 70, плотников – 43, бондарей – 9, сапожников – 155, портных – 67, литографов – 2, фабричных и заводских рабочих – 156, лакировщиков – 1, маляров – 17, парикмахеров – 23, поваров – 3, кучеров – 123, каменщиков – 48, кровельщиков – 5, мельников – 21, колесников – 32, хлебопексов – 95, электротехников – 10, шоферов – 5, механиков – 6, бетонщиков – 7, переплетчиков – 1, золотарей – 3, шорников – 4. Национальная принадлежность не указывалась, так как из-за дефицита рабочей силы в губернии пришлось доставить пленных из сибирских лагерей (немцев и мадьяр) и даже организовать вербовку китайцев и корейцев.

Уездные лагеря в этот период выполнили функции бирж труда и транзитных центров. Освободившиеся в одном месте пленные прибывали в лагерь, а после получения заявки отправлялись к новому месту работы. Причем маневр рабочей силой осуществлялся не только внутри губернии, но и за ее пределами. Собственно в лагерях постоянно находились офицеры, больные и неспособные к труду нижние чины, а также те, кто был занят обслуживанием нужд лагеря. По донесению Пермского уездного воинского начальника в апреле 1916 г. из Верхних Муллово было отправлено на работы в Полтавскую губернию 520 человек, в Пермский уезд – 52 человека. В лагере осталось трудоспособных: славян-специалистов – 65 человек, обслуживающих нужды лагеря – 75 человек, интеллигентных профессий – 20 человек; нетрудоспособных: славян – 83 человека, австронемцев – 77 человек. На излечении в больницах: славян – 19 человек, австронемцев – 20 человек.

Тяжелые условия плена толкали некоторых из пленных на побег, правда, шансов добраться до родины у них было мало. Большинство пленных задерживались полицией или местными жителями в течение недели после побега. 19 мая 1916 г. с Куртымского рудника Архангело-Пашийского завода бежали 10 австрийских военнопленных. 27 мая на железнодорожном перегоне ст. Сылва – Валежная были арестованы последние два беглеца: Теодор Хало и Роман Фурман. К побегу их побудило плохое питание и жестокое обращение охраны. По той же причине пытался бежать 34-летний Дмитрий Пасек, но случались побеги и по более прихотливым поводам. Военнослужащий германской армии Тирион Камиль, бежавший с Лысьвенского завода, совершил свой очередной побег для того, чтобы попасть в лагерь к эльзасцам.

Пойманные беглецы по закону могли быть наказаны только арестом на срок до 30 дней. По приказу командующего Казанским военным округом смешанному аресту на месяц был подвергнут Пентикопа Трандарфир, бежавший 30 июля 1916 г., а также задержанные несколькими днями раньше Франц Вошишка, Стефан Сочинский и Марко Перитч. После окончания срока заключения, все они должны были вернуться к работе. Нерадивые работодатели, не сумевшие организовать надежную охрану вверенных им военнопленных, могли быть лишены права пользования их трудом. В качестве одной из мер по усилению охраны пленных рекомендовалось привлекать к этому русских солдат бежавших из вражеского плена

Бывало, что причиной побега становились романтические отношения. В ночь на 13 марта 1917 г. с лесной дачи Кусье-Александровского завода бежал Николай Войко 25 лет. По предположению властей он мог пробираться в д. Рычкалово Зайковской волости Ирбитского уезда, где ранее был на работе у какой-то солдатки и стремился попасть к ней вновь. Любовные романы между военнопленными и местными женщинами имели место во всех странах. Русское правительство категорически настаивало на максимальном ограничении каких-либо отношений между пленными и населением, но полностью их пресечь было невозможно. В одном из циркуляров Военного министерства было сказано, что в исключительных случаях, по соображениям морали, могут быть разрешены браки между пленными и русскими подданными. В первую очередь это касалось славян, ибо им в силу языковой близости проще было наладить контакты с местными жителями.

Для поляков, чехов и словаков в августе 1917 г. были установлены особые льготы. Им предоставлялось право взаимного общения, производство покупок на местных рынках, прогулки вне лагеря под надлежащим надзором, переписка на родном языке при

соблюдении правил цензуры. Разрешалось посещать богослужения, образовывать кассы взаимопомощи. Инвалидам, офицерам и некоторым лицам по особо уважительным причинам разрешалось проживание на частных квартирах, а также заниматься всяким трудом по их усмотрению. Разрешалось перемещение из одного лагеря в другой, совместное водворение братьев и близких родственников, а также предоставлялось право вступать в брак на основании установленных на этот счет особых правил.

Особое отношение к пленным чехословакам и полякам со стороны русского правительства сложилось еще в начале войны. Союз чехословацких обществ в России с Высочайшего соизволения приступил к формированию добровольческих дружин, а первая чешская дружина численностью в 1000 человек выступила на фронт из Киева еще осенью 1914 г. Так как людей для этого не хватало, то с разрешения властей началась работа в лагерях военнопленных по вербовке добровольцев. К нежелающим записаться в национальные части применялись жесткие меры давления. Причем занимались этим сами чехи с ведома лагерной администрации. В конечном счете, в 1917 г. был сформирован чехословацкий корпус общей численностью 45 тысяч человек.

Также предпринимались попытки по созданию польских национальных частей. Основой их стали российские подданные польского происхождения, которых в составе русской армии было немало. Осенью 1917 г. было завершено формирование 1-го польского корпуса легионеров под командованием генерала Довбор-Мусницкого, который дислоцировался в Белоруссии. 2-й корпус легионеров находился на территории Румынии и Бессарабии и состоял преимущественно из австрийских поляков.

На румынском фронте сражались две сербские и одна югославская дивизии (сербы, хорваты, словенцы). Один из русских офицеров так описывает эти войска: «Кроме русской и румынской армии в Добрудже были и сербские части. Они восхищали нас своим боевым духом. Им нельзя было доверять самостоятельный участок фронта. Они непременно бросались в атаку и срывали планы высшего командования. Поэтому сербские части держали в ближнем тылу в резерве для использования в предстоящих наступательных боях».

В ходе создания этих частей в лагеря военнопленных поступали запросы о количестве представителей этих национальностей и наличие среди них добровольцев, желающих записаться в национальные части. В Чермоз, где находилось Главная контора Пермского имени князя Абамелик-Лазарева, в конце сентября 1916 г. поступило распоряжение Соликамского уездного исправника срочно снять с работ всех военнопленных сербской, хорватской и словенской национальности. Особо оговаривалось, что «в отношении последних национальность выясните через опрос самих пленных, ибо подлежат снятию словенцы урожденные Крайны, но не словаки уроженцы Венгрии». Все эти люди направлялись на пополнение национальных частей, действовавших в составе русской армии.

В результате подобных действий русского правительства среди военнопленных начались конфликты. Немцы и мадьяры расценивали факт подобного добровольчества, как измену и в ряде случаев организовывали кулачную расправу над «предателями». Пришлось Главному управлению Генерального штаба издать циркуляр о раздельном содержании славян от немцев и мадьяр. Правда, выполнить это распоряжение можно было не всегда, так как не хватало жилых помещений. В дальнейшем формальный, бюрократический подход к делу стоил жизни ряду чехословацких добровольцев. Получив серьезное ранение в боях против стран Центрального блока, они оказывались снова в лагере и оттуда могли быть отправлены на родину как инвалиды, где их ждал военно-полевой суд за измену, с заранее известным приговором.

Не надо считать, что царское правительство было оригинально в своем стремлении использовать военнопленных-славян в качестве своих союзников. Аналогичные мероприятия проводили и по ту сторону фронта. Причем обрабатывались не только русские поляки, не забывшие роли России в ликвидации польской государственности, но и малороссы. На территории Германии был создан специальный лагерь для украинцев, в

котором администрация систематически занималась «промыванием мозгов», возбуждая их против России.

После прихода к власти в России большевиков, был заключен мирный договор с Центральными державами, по которому все военнопленные должны были вернуться домой. Многие не торопились с возвращением, так как их ожидали снова бои, но уже на Западном фронте. Славян подобная перспектива не прельщала, кроме того, многие из них имели «прегрешения» перед своими правительствами.

Созданные в ходе I мировой войны славянские вооруженные формирования приняли участие и в Гражданской войне на стороне антибольшевистских сил. Помимо Чехословацкого корпуса на Восточном фронте сражались сербские и югославянские части. Свою помощь белым они рассматривали как продолжение борьбы против Австрии, т.к. в рядах большевистских войск, особенно в 1918 г., было большое количество бывших военнопленных: венгров и немцев. В этом плане показателен такой факт, что из 47 человек личного состава Первой красной уральской казачьей сотни сформированной летом 1918 г. в Перми почти треть составляли венгры. Были и полностью укомплектованные венграми интернациональные батальоны.

На занятой Сибирской армией территории действовали представительства польских войск, Отделение чехословацкого народного совета (ОЧНС), Югославянская комиссия при ОЧНС и т.д.⁴ Югославянская комиссия пыталась объединить сербов, хорватов и словенцев под знаменем свободной Югославии, противопоставляя ее идее "Великой Сербии". После поражения белого движения на Урале и в Сибири большая часть бывших военнопленных славян покинула Россию через Владивосток. В России остались только те, кто не принимал участия в боевых действиях или оказался в плену у Красной армии, или перешел на сторону большевиков.

После освобождения Перми от Колчака, Верхнемуллинский лагерь был снова возрожден. Теперь он находился в ведении комитета «Пленбеж», занимавшегося вопросами эвакуации и репатриации военнопленных и беженцев. Оставшимся в лагере военнопленным было предложено работать на восстановлении разрушенного войной хозяйства (в том числе ремонт железной дороги и взорванного железнодорожного моста через Каму). За работу они получали паек: хлеб – 72-96 золотников (300-400 г.); крупу – 18-24 зол. (75-100 г.); мясо или рыбу по 24 зол. (100 г.) или чечевицу – 30 зол. (125 г.); овощи – 48 зол. (200 г.); картофель – 96 зол. (400 г.); жиры – 4-8 зол. (16,5-33 г.); соль – 3 зол. (12,5 г.); сахар – 6 зол. (25 г.); чай – 0,2 зол. (0,8 г.); мыло – ¼ фунта (102 г.) в месяц; табак – ¼ фунта в месяц. Нормы снабжения были, конечно, невысокие, но все же обеспечивали физическое выживание.

В 1920 г. началась эвакуация пленных находившихся на Урале и в Сибири. Пермь и, соответственно, Верхнемуллинский лагерь выполняли функцию транзитного пункта, где следовавшие на родину люди могли получить крышу над головой, питание и медицинскую помощь, а при необходимости пройти санобработку. Для удобства, бывших военнопленных, а теперь иностранных подданных, рекомендовалось отправлять эшелонами по 40 вагонов и не в коем случае не допускать одиночного проезда. В течение июля 1920 г. из Перми было отправлено 4 эшелона – 4, 11, 13 и 31 числа, а в следующем месяце еще 3 эшелона – 6, 13 и 20 числа.

Помимо сотрудников "Пленбежа" наблюдением за репатриантами занимались сотрудники транспортной ЧК. По распоряжению Центрального управления по эвакуации населения от 22.07.1920 г. отъезжающим на родину военнопленным разрешалось вывозить российские бумажные деньги на сумму не более 20 тысяч рублей на человека. Все документы, фотографии и всякого рода бумаги должны были быть снабжены пометкой о просмотре их соответствующими учреждениями (т.е. ВЧК). На вывоз

⁴ В Перми управление эmissара польских войск располагалось в квартале между ул. Торговой и Петропавловской. Должность эmissара исполнял прапорщик Бланк. Югославянская комиссия была создана в Екатеринбурге хорватом Амброзом Премужичем и словенцем Гаспаром Пекле.

технических, медицинских и учебных книг и пособий, кроме того, требовалось разрешение Наркомата просвещения.

Основная масса иностранных военнопленных была эвакуирована из России до конца 1922 г. Но не все захотели вернуться домой. Кто-то успел за это время пустить здесь корни и обзавелся семьей, кто-то искренне верил в светлое будущее Страны Советов и желал принять участие в его строительстве. В Верхних Муллах также осталось несколько человек из числа бывших пленных, и теперь их прах покоится на том же кладбище, где хоронили их товарищей по несчастью в 1915 – 1917 гг.⁵

Положение военнопленных в Пермской губернии в годы Первой мировой войны

Гаагские конвенции 1899 и 1907 г. гарантировали право военнопленных на достойное обращение, сохранность личного имущества и денег; свободу религиозных отправлений, получение медицинской помощи, продовольственное, вещевое и денежное довольствие соответственно их чину. В России основные принципы обращения с пленными были изложены в Высочайше утвержденном приложении к полевому Уставу «Наказу Русской армии о законах и обычаях сухопутной войны». Дополнительно, 7 октября 1914 г. было опубликовано «Положение о военнопленных», в котором было сказано, что «с военнопленными, как законными защитниками своего отечества, надлежит обращаться человеколюбиво».

Проработка конкретных вопросов, в том числе связанных с применением труда военнопленных, было возложено на соответствующие министерства: военное, внутренних дел, земледелия и т.д. Эти решения доводились до сведения заинтересованных лиц приказами командующих округами и обязательными постановлениями губернаторов.

Военнопленные на территории Пермской губернии первоначально размещались в лагерях подчиненных военному ведомству, которые были созданы во всех уездных городах. Строительство специальных концлагерей в России не практиковалось, поэтому подыскать необходимые помещения губернатор обязал местные земства и городские управы. Для пленных были арендованы различные общественные и жилые здания. Например, в г. Ирбите пленные офицеры были поселены в гостинице «Сибирское подворье» а нижние чины занимали москательный корпус, театр, городской музей и гостиный двор. В г. Осе пленные проживали в здании церковно-приходского училища и частных домах Вышеславцевой, Дудоровой, Медведева и Кудрявцева, а также в нескольких амбарах. Внутри жилые помещения наскоро оборудовали нарами и столами, причем Главное управление Генштаба обращалось к начальнику Пермской местной бригады с просьбой улучшить быт военнопленных, в первую очередь, офицеров, и обеспечить их мебелью хотя бы самого простого образца, а также посудой и бельем.

Довольствие пленных было установлено по нормам русской армии. В день на одного человека полагалось: хлеба – 3 фунта (1230 г.), крупы – 32 золотника (136 г.), сахара – 6 золотников (25 г.), чаю – 0,5 золотника. Кроме того, два раза в неделю выдавали мясо – 0,25 фунта (102 г.), вместо которого с октября 1916 г. стали давать 1,5 яйца или 18 золотников (75 г.) соленой рыбы. С 8 июня 1917 г. повсеместно выдача хлеба сокращена до 2 фунтов в день. Пленные офицеры получали от казны денежное содержание соответственно чину: обер-офицерам – 600 рублей в год, штаб-офицерам – 900 рублей, генералам – 1500 рублей. Офицерам разрешалось иметь денщиков из расчета 1 денщик на 4 офицера. В лагерях имелись свои пекарни, кухни и бани, а также были устроены изоляторы для больных, причем довольно часто врачебные должности занимали также военнопленные.

⁵ Верхне-Муллинское сельское кладбище. Располагалось в Индустриальном р-не вдоль трамвайных путей, около остановки «Школа», в створе улиц 1 и 2 Верховые. Датируется нач. XX в. – 1930-е гг. Ныне здесь заброшенный карьер. Кладбище практически полностью уничтожено

Численность военнопленных в лагерях могла колебаться от нескольких десятков до нескольких тысяч человек, т.к. лагеря были своеобразными биржами труда и транзитными центрами. Собственно в лагерях постоянно находились офицеры, больные и неспособные к труду нижние чины, а также те, кто был занят обслуживанием нужд лагеря. Так в апреле 1915 г. в Верхних Муллах содержалось 1347 нижних чинов и 277 офицеров, а в апреле 1916 г. в лагере осталось 359 человек, из которых 75 обслуживали нужды лагеря, 160 были нетрудоспособны и 39 находились в больнице.

Охрану лагерей несли солдаты местных команд, в Екатеринбурге и Верхних Муллах казаки 90 и 96 Донских сотен, а потом ратники дружин Государственного ополчения. Пленным запрещалось появляться в населенных пунктах без конвоя, принимать или передавать корреспонденцию и деньги, вступать в разговоры. Благодаря этому удалось предотвратить вспышку тифа весной 1915 г. среди жителей Пермской губернии, т.к. среди прибывающих с фронта пленных он был распространенным явлением. В Верхнемуллинском и Камышловском лагерях имели место и смертельные случаи.

Острая нехватка рабочих рук, вызванная массовыми мобилизациями, потребовала активного использования труда военнопленных. Труд был обязателен только для нижних чинов. Две трети пленных находились на заводских работах, остальные были заняты на строительстве железной дороги Казань-Екатеринбург, трудились в крестьянских хозяйствах, занимались благоустройством городов.

Пленные отпускались партиями из лагерей военного ведомства ближе всего расположенных к месту работы. Под жилье для пленных подбирали пустующие помещения или строили балаганы (на лето) и землянки (на зиму). По рекомендации властей одна такая землянка должна была вмещать 100 человек. Для экономии предлагалось крышу крыть дерном, в центре выкопать канаву, в которую ставилась заменяющая стол лавка, а возвышение грунта по сторонам канавы должно было служить нарами. Дверь должна была открываться в одну сторону и иметь засов с внешней стороны, над дверью делали окна. В холодное время в землянке устраивалась глинобитная печь.

Питание пленных должно было быть организовано работодателями. Категорически запрещалось выдавать пленным на руки деньги для самостоятельной закупки продовольствия, т.к. возникал соблазн совершить побег. Нормы питания сохранялись, но в ряде случаев допускалась замена одних продуктов другими. Например, работающим в лесу предлагалось сократить хлебную дачу до 2 фунтов, но при этом кормить гречневой кашей с салом и настоящим маслом.

Для пленных, занятых на работах, был установлен следующий распорядок дня. Летом подъем в 4.30 утра, завтрак, работа с 5.30 до 11.00, отдых и обед, работа с 14.00 до 17.30, отдых, работа с 18.00 до 21.00, ужин, отбой в 22.00. Зимой на работу выходили на рассвете, заканчивали по приказу распорядителя. На обед давался один час. Продолжительность рабочего дня составляла в летнее время 12 часов, зимой – 10. В феврале 1916 г. при посредничестве папы Римского было достигнуто соглашение между воюющими сторонами о предоставлении пленным одного дня отдыха в неделю. Труд оплачивался сообразно местным расценкам на тот или иной вид работ. Половина заработной платы шла на оплату расходов по охране и содержанию пленных, четверть перечислялась на особый счет в депозит Министерства промышленности и торговли, остальные деньги выдавались на руки (но не более 50 копеек в день). Хотя были случаи, когда пленным удавалось скопить крупные суммы, но большинство получали гроши.

Тяжелый труд, недостаточное питание, жестокость охраны – вот основные причины побегов пленных. Чаще всего бежали с работ, т.к. охрана пленных нередко поручалась случайным людям, к тому же плохо вооруженным. За побег наказывали арестом в карцере сроком на месяц. Такое же наказание полагалось за саботаж и немотивированный (с точки зрения властей) отказ от работы. Смертность среди пленных по данным военного историка Н. Н. Головина составляла 2,5%. Из находившихся в 1915-1916 гг. на работах в Пермском имении Абамелек-Лазаревых 889 пленных 46 человек были отправлены

Соликамскому воинскому начальнику как нетрудоспособные, 11 человек умерли от болезней (туберкулез, паралич сердца) и 1 утонул. За тот же период в Лысьвенском лесничестве умерли 15 пленных.

В течение 1917 г. происходит ухудшение материального положения пленных в связи с общим кризисом, падает дисциплина и резко увеличивается количество побегов. В это время пленные выдвигают требования предоставить им право проживания на частных квартирах, свободы собраний и профессиональных и религиозно-просветительских союзов, но получают категорический отказ военного министра А. И. Гучкова. В начале 1918 г. большинство пленных концентрируются в лагерях военного ведомства, т.к. работы повсеместно были остановлены. Выход России из войны положил конец их пребыванию в плену, и началась репатриация.

Широкомасштабное использование труда военнопленных было характерно для всех воюющих сторон. Россия, пытаясь таким путем хотя бы частично решить проблему дефицита рабочей силы, а также возместить расходы по их содержанию, действовала в полном согласии с международными законами. Необходимо отметить, что положение иностранных военнопленных в России было несколько лучше, чем русских пленных в Германии или Австро-Венгрии. Центральные державы испытывали острый недостаток продовольствия, да и зарплата, которую платили русским, была в 2-3 раза ниже.

Л. Г. Ощепков

С.н.с. отдел истории ГУК ПОКМ

Жизнь в тылу

Война потребовала мобилизации всех человеческих и материальных ресурсов. Жизнь людей и в тылу строилась по законам военного времени. На предприятиях был увеличен рабочий день, предусматривались сверхурочные и ночные работы, отменялись отпуска. Места ушедших на фронт мужчин занимали женщины и подростки.

В отчетах женских организаций Великобритании, например, отмечалось: «Трудовое напряжение повсеместно очень жесткое. Уход из дома на 14-16 часов для того, чтобы отработать двенадцатичасовую смену; поездки в переполненном трамвае или поезде на фабрику и обратно; высокая стоимость жилья в переполненных рабочих районах, место для ночлега за 10-12 шиллингов в неделю, разделяемое с другой работницей; плата за проезд по 1 шиллингу в день; раннее начало работы часто без горячего завтрака или без завтрака вообще; неудовлетворительное состояние санитарных помещений и мест для отдыха; плохое освещение и духота; работа в недостроенных или открытых помещениях; сквозняки и мокрые полы в авиационных цехах и на верфях». За работу женщины получали оплату в два-три раза меньшую, чем мужчины.

Изменилась повседневная жизнь людей. Уже с 1915 г. в Германии, Австро-Венгрии, а затем и в других воевавших странах стала вводиться система нормированного распределения основных продуктов питания и товаров первой необходимости по карточкам. При этом нормы по сравнению с довоенным уровнем потребления были урезаны в два-три раза. Приобрести продукты сверх нормы можно было только на «черном рынке» за баснословные деньги. Большая часть населения голодала. В Германии зиму 1916-1917 гг. назвали «брюквенной зимой», так как из-за неурожая картофеля брюква стала главным продуктом питания. Люди страдали также от недостатка топлива. В Париже в упомянутую зиму были случаи гибели людей от холода. Затягивание войны вело к еще большему ухудшению положения.

Южный Урал находился в глубоком тылу, его называли «тыловой российской провинцией». Для хозяйственной жизни Оренбургской и Уфимской губерний (нынешняя Челябинская область входила в Оренбургскую губернию) периода Первой мировой войны были характерны следующие особенности. Общими для всех сфер экономики являлись трудности с рабочей силой. Кроме недостатка в рабочих, промышленные предприятия Южного Урала за годы войны в полной мере ощутили на себе влияние проблем с транспортом, топливом и сырьем. Несмотря на нарастание сложностей в снабжении, предприятиям Южного Урала удавалось выполнять заказы военного ведомства. Казенные заводы увеличивали производительность по своему основному оборонному профилю.

Создание военно-промышленных комитетов на Южном Урале позволило расширить спектр предприятий, работающих на нужды армии, и способствовало усилению мобилизации всех производственных и кустарных ресурсов на изготовление военных материалов. Итогом деятельности промышленных предприятий Южного Урала стал их существенный вклад в общероссийское производство и снабжение армии всем необходимым.

Сельское хозяйство региона в годы Первой мировой войны было далеко от упадка. С одной стороны, южноуральская деревня подверглась влиянию мобилизаций, реквизиций скота, принудительных закупок продовольствия, что привело к сокращению посевных площадей, поголовья рабочего и крупного рогатого скота, обезземеливанию и разорению части крестьянских хозяйств. Вместе с тем была изменена структура посевов, компенсировалась потеря крупного рогатого скота разведением мелкого скота. Резкого экономического потрясения деревне удалось избежать благодаря предпринятым местной властью мерам социального характера, направленным на обеспечение семей мобилизованных пособиями, на организацию помощи в проведении сельскохозяйственных работ.

Торговый аппарат, тесно связанный с сельскохозяйственным производством оказался более подвержен влиянию негативных факторов военного времени. Неудачные попытки

государства, местных властей наладить его работу и снабдить всем необходимым действующую армию, население потребляющих районов, оборачивались кризисными явлениями в продовольственном обеспечении, проявившимися наиболее остро к концу 1916 г.

Влияние военного фактора было по преимуществу негативным, поскольку привело к снижению показателей производства, перераспределению ресурсов в пользу отраслей, связанных с обороной, и к существенной трансформации экономической ситуации на Южном Урале.

Губернские власти в годы Первой мировой войны сосредоточили усилия главным образом на проведении мобилизационных мероприятий, административном регулировании рынка товаров и услуг, поддержании порядка в регионе. С осени 1915 г. на губернаторов была возложена ответственность за объединение всех мероприятий, вызываемых условиями военного времени. При прогрессирующем росте цен приоритетными в деятельности губернской администрации становились меры против дороговизны. Сочетание запретительных и охранительных мер, административный подход, преобладающие в инструментарии губернаторов при решении проблем, были не всегда продуктивны и приводили зачастую к противоположным результатам.

Органы местного самоуправления осуществляли свою деятельность в годы войны во взаимодействии с руководством губерний. Решая широкий спектр вопросов приема и лечения раненых, помощи солдатским семьям, продовольственного снабжения населения и многие другие, городские и земские органы сделали все от них зависящее для социальной и экономической адаптации региона к военным условиям.

На территории Южного Урала в годы Первой мировой войны, вследствие военных действий, сформировалась новая социальная группа – беженцы. Несмотря на тяжелое социально-экономическое положение, власти и местная общественность стремились оказать беженцам помощь и обеспечивать их существование на новом месте. В плане практической работы основная деятельность осуществлялась органами местного самоуправления и специальными организациями-комитетами помощи беженцам. Помощь была не только финансовой, но и социальной: организация школ, приютов для детей-сирот, поиск работы, организация специ-альных курсов, культурного досуга. В целом, взаимоотношения с местным населением были достаточно позитивными, в 1915-1916 гг. не наблюдалось серьезных конфликтов между беженцами и коренным населением. Тем не менее, с ухудшением социально-экономического и политического положения в России в среде беженцев стало нарастать недовольство правительством и его действиями. В свою очередь, в соответствии с требованиями Центра местные власти осуществляли механизм не только социального, но и политического контроля над группами беженцев. Именно усилиями земств на Южном Урале была преодолена опасность политической дестабилизации, связанная с хлынувшей волной вынужденной эмиграции из оккупированных неприятелем территорий и прифронтовых районов империи.

В государственном понимании именно военнопленные должны были стать основным источником для восполнения недостатка трудовых ресурсов. На Южном Урале с их помощью удалось компенсировать убыль 13% крестьян, призванных в армию. Однако, необходимо отметить, что в условиях острого дефицита рабочих рук в промышленном и аграрном секторе региона роль беженцев была незначительной. Треть беженцев не работали вообще, а остальные либо были не приспособлены к местным условиям труда, либо недобросовестно относились к возложенным на них обязанностям. Так, местные жители, не получив эффективной помощи от переселенцев, продолжали кормить и армию и мирное население, вносить свой вклад в обеспечение фронта людскими и материальными ресурсами.

Система призрения, медицинского надзора и контроля над новыми категориями населения позволили снизить степень социального напряжения и предотвратить, таким образом, усугубление ситуации в регионе, принимавшей чрезвычайный характер.

Патриотическое воодушевление первых военных месяцев к середине 1915 г. сменилось тревогой. Общественное сознание, духовное состояние общества и отношение его к войне трансформировались под воздействием ситуации на фронте и в тылу. Поражения русских армий в 1915 г., ухудшение экономической обстановки в губерниях привели к преобладанию настроений скептицизма, подавленности и подготовили почву для различного рода протестов в разных слоях общества, что подтверждается ростом стачечного движения рабочих (в 4-5 раз судя по количеству зафиксированных забастовок) и недовольством городского населения продовольственным снабжением, беспорядками на этой почве (не менее 9 случаев в 1916 г.). Затянувшаяся война, не сулившая ничего, кроме дальнейшего оскудения материальных сил населения, неспособность властей решить социально-бытовые проблемы, очевидная взаимосвязь бесперспективности войны и ухудшения обстановки в тылу сделали возможным поворот в отношении населения к правительственной власти и изменение политической ситуации в стране.

Кыштымские заводы в годы Первой мировой войны

Металлургические заводы

Важнейшим этапом в развитии металлургии на Урале как ведущей отрасли региона, в течение трех столетий своего существования, способствовавшей превращению его в «опорный край державы», «добытчика и кузнеца» и принесшей ему мировую славу, была Первая мировая война. Военное производство на Урале, имевшее до начала войны более чем двухвековую историю, опиралось на солидную металлургическую базу, без которой невозможно было бы его существование и развитие: литье орудий, черновая заготовка для производства стальных, чугунных снарядов, холодного оружия и шанцевого инструмента производились либо на самих военных заводах (к началу военных действий с Германией на Урале имелось только восемь казенных военных предприятий (Пермский пушечный, Ижевский оружейный, Златоустовский, Кусинский, Саткинский, Артинский, Верхнетуринский и Баранчинский заводы), выпускавших около 15% всей военной продукции страны), либо поставлялись по специальным заказам другими металлургическими предприятиями региона.

Металлургические заводы Урала, входившие в состав 4 казенных (Пермский, Златоустовский, Камско-Воткинский и Гороблагодатский) и 19 частных и посессионных округов (Шайтанский, Сысертский, Верхисетский, Алапаевский, Омутнинский, Нижнетагильский, Чермозский, Строгановский, Лысьвенский, Сергинско-Уфалейский, Кыштымский, Ревдинский, Чусовской, Богословский, Симский, Белорецкий, Катавский, Инзерский и Невьянский), являлись предприятиями с полным техническим циклом выделки металла – от добычи руды до производства сортового железа и стали.

В предвоенные годы в регионе динамично развивалась добыча медной руды, перерабатываемой в медь, широко использовавшейся в производстве снарядов (пояски, снарядные стаканы) и патронов (гильзы). Производство меди на Урале было сосредоточено на Богословском, Кыштымском, Нижнетагильском, Верхисетском, Сысертском, Белорецком, а с 1912 г. – в Южно-Уральском горнопромышленном обществе. В 1906-1912 гг. в производстве меди на Урале произошли существенные сдвиги, когда в Кыштымском горном округе был построен Карабашский медеплавильный завод и узкоколейная железная дорога, связавшая его с Кыштымским заводом, а также установлено новое оборудование на Нижне-Кыштымском электролитном заводе. Выплавка электролитической меди в Карабаше с 1907 по 1913 гг. увеличилась с 17,0 млн. пудов до 486,8 млн. и составила около 50% от производства всей электролитической меди на Урале.

В годы Первой мировой войны основой деятельности Кыштымского округа были военно-промышленные заказы. Вся продукция, выпускаемая на заводах Кыштымского акционерного общества, была необходима для военных нужд – черные и цветные металлы, серная кислота, динамит, добывали каменный уголь в Кыштымских коях,

производство древесного угля, имели механические цеха и мастерские. Мастерским Бронзова поручают организовать выпуск морских мин.

Многие монополии синдикатного типа из-за сокращения продукции в первый год войны оказались под угрозой распада. В таком положении оказались общества «Продамет» и «Кровля», с которыми были связаны Кыштымские заводы. Но после поражения наших войск на фронте в 1915-1916 г., заводы переходят на выпуск военной продукции, и правительственный комитет по делам металлургической промышленности взял их под свое покровительство. Так из частно-капиталистических они превратились в государственно-капиталистические монополии. Английская кыштымская группа создает трест, объединявших четыре горно-металлургических общества: Кыштымское, Южно-Уральское горнопромышленное, Риддерское, Киргизское. Во главе группы стоял английский капиталист Лесли Андреевич Уркварт, он намеревался прибрать к рукам сибирский каменный уголь, уральскую железную руду, кавказскую нефть и тем самым подчинить себе ведущие отрасли русской экономики.

Однако оживленное соперничество монополистических группировок вокруг военных прибылей не способствовало росту производства на Кыштымских заводах. Из-за нехватки квалифицированных рабочих, снижения производительности труда на 20-25%, отстрой нехватки топлива и железной руды, разрухи железнодорожного транспорта заводы работали с крайней напряженностью. Кыштымский завод сократил выпуск продукции на 33%.

Кыштымский динамитный завод

Первая мировая война стала поворотным событием в судьбе русской химической промышленности в целом и производстве взрывчатых веществ в частности. Однако в

настоящем море научной литературы о Первой мировой войне данная проблема пока еще серьезно не рассматривалась, и сегодня можно найти лишь отдельные разрозненные упоминания о производстве взрывчатых веществ и необходимых для этого химических компонентов.

В начале 1915 г. в России реально можно было производить 3-5 тысяч пудов взрывчатых веществ в месяц. Взрывчатые вещества вырабатывались на одном частном и двух казенных заводах. Необходимый для

производства взрывчатых веществ бензол выпускался в начале 1915 г.: частными заводами – 1351 пуд, казенными заводами – 4991 пуд в месяц. В феврале 1915 г. Комиссии по заготовке взрывчатых веществ была поставлена задача довести выработку взрывчатых веществ до 60 тысяч пудов в месяц. Это означало, что для производства такого количества взрывчатых веществ необходимо произвести 705 тысяч пудов сырого бензола в год.

В октябре 1916 г., в годы Первой мировой войны, в Кыштыме за 11 месяцев был построен динамитный завод. Заказ Обществу кыштымских горных заводов поступил от Артиллерийского управления: «7 ноября 1915 года на основании постановления комиссии при Военном министре главным Артиллерийским управлением заключен контракт с Обществом Кыштымских Горных Заводов о нижеследующем: Общество ...обязано немедленно приступить к построению за свой счет и риск, на принадлежащей ему территории, Динамитного завода рассчитанного на ежегодное производство динамита в количестве не менее 60.000 пудов.

Для устройства завода обществу отпускается 25.000 пудов свинца. Артиллерийское управление обязуется оказывать полное содействие, если возникнут какие-либо сложности. Укупорка в железные короба производится за счет казны. Обществу выдается аванс в размере 500.000 рублей под обеспечение недвижимым имуществом».

Динамит являлся взрывчатым веществом, в котором составной частью являлся нитроглицерин, смешанный с поглотителями и наполнителями: древесной мукой, отрубями. Производство было отдалено от завода на 1500 метров, до него была проложена железная дорога позволяющая обеспечивать технологию комплектуящим сырьем, своевременно вывозить готовую продукцию. Сырьем для получения серной кислоты или купоросного масла служил серный колчедан и сульфидные руды меди.

Как только динамитный завод был возведен и начал давать продукцию, Кыштымскому горному обществу поступил новый, срочный, сулящий огромные прибыли заказ: «13 октября 1916 года Артиллерийское управление заключает контракт на изготовление на Каслинском заводе мин. Допускается изготовление мин из чугуна... на сумму 2.000.000 рублей.

Вышеупомянутому Обществу выдается аванс без обеспечения в размере 30% от стоимости поставки (600.000 рублей). Аванс погашается удержанием по 6 рублей с каждой мины. Цена одной мины при существующих ценах составляет 20 рублей».

Промышленник Бронзов Г. Я. в своей мастерской организовал изготовление и начинку морских торпедных мин. Предположительно, мастерская его находилась в центре поселка, где в настоящее время находится магазин «Первый».

В годы Первой мировой войны минное оружие использовалось с невиданным размахом. К минным постановкам привлекались корабли самых разных классов. Всего в 1914-1918 гг. всеми странами было выставлено около 310 тыс. мин, в том числе 12 650 подводными лодками и 70 самолетами. Больше всего поставленных мин на счету англичан (129 тыс.), затем идут США (57,6 тыс.), Россия (52 тыс.).

Динамитный завод в Кыштыме взорвался при неизвестных обстоятельствах, по воспоминаниям старожилов, примерно в 1928-32 гг.

Положение рабочих на Кыштымских заводах

Приспосабливая производство к потребностям военного времени, заводовладельцы исходили не из патриотических соображений. Они в основном руководствовались интересами наживы. Перестройка хозяйства на военный лад увеличивала прибыль местных монополий. Военные заказы, правительственные субсидии сыпались как из рога изобилия. По всем предприятиям Урала за первые девять месяцев войны они возросли на 40%, а металлургическим работавшим только на нужды военного ведомства – еще больше. Кыштымские заводы, вступившие в войну с убытками, в 1915 г. убытков уже не имели. В годы войны владельцы использовали такие средства эксплуатации в закабалении рабочих, как перевод их в категорию военнообязанных. В эту категорию зачислялись взрослые наиболее квалифицированные рабочие. Согласно данным особого совещания на обороне, из 124365 взрослых рабочих мужчин, занятых на промышленных предприятиях Урала военнообязанными были 71029 человек, т. е. почти две трети. По сравнению с другими они оказались в особых тисках эксплуатации.

Заводская администрация, пользуясь правом давать освобождение от мобилизации, отсрочки от призыва в армию, могла в любое время лишить этого и отправить на фронт. Эти рабочие не имели права уходить с завода или переходить на другой, находились на строгом режиме работы и жизни, им платили более низкую зарплату, чем другим, не военнообязанным рабочим. За невыход на работу, за самовольный уход из цеха, за участие в забастовках уличных демонстрациях и манифестациях и за всякие другие антигосударственные действия военнообязанные немедленно отправлялись на фронт. Произвол в отношении этой категории рабочих доходил до того, что их заставляли работать и сверхурочно и в праздничные дни.

На Соймановских промыслах Кыштымских горных заводов администрация, угрожая отправкой на фронт, заставляла военнообязанных рабочих за свой счет производить

взрывные работы в шахтах, чего раньше не делалось. Такие порядки влияли на возмущения рабочих, которые стремились лучше разобраться с несправедливым отношением к себе, до некоторых из них дошла прокламация «Правда о войне» за подписью Уральской группы социал-демократов. Прокламация распространялась главным образом по южно-уральским заводам. Она разъясняла рабочим, что война является грабительской, ведущейся в интересах определенной кучки «хищники и паразиты стремятся отвлечь внимание рабочих и крестьян от борьбы за свои интересы, натравить их на их же братьев, живущих в другом государстве».

Прокламации выпускались в Екатеринбурге на гектографе – они призывали «... положить конец этой бессмысленной войне. Пора осознать, что тропы деспотов царей опираются на невежество народных масс и на солдатские штыки. Пора обернуть эти штыки против угнетателей народа помещиков, буржуазии, насилия царизма... только революционное выступление пролетариата и армии может положить конец этой ненужной войне, несущей с собой разорение и порабощение трудящихся масс крестьян и рабочих».

В Кыштымском округе растет возмущение: так 9 апреля 1915 г. на Карабашском заводе 150 рабочих потребовали сократить рабочий день с 11 до 8 часов с сохранением той же платы, которую получали за одиннадцатичасовой рабочий день. Организаторами забастовки выступили кадровые рабочие А. П. Алферов, М. П. Бычков, И. И. и Г. И. Ахлюстины, В. Г. Гордин, А. Г. Пыхов, И. П. Крюков, Ф. И. Киприянов и другие.

В 1916 г. 1 мая не вышли на работу рабочие Кыштымских заводов. С лозунгами «Да здравствует 1 мая!», «Долой войну!» они собрались в лесу на массовку. Отмечая 1 мая, рабочие выступали с большевистскими лозунгами, призывали к борьбе против самодержавия, против империалистической войны.

Политические забастовки, собрания, митинги и шествия состоялись в Кыштыме. Бесконечные мобилизации лишали заводы квалифицированных рабочих. К осени 1915 г. из довоенного состава выбыло более 60% рабочих, о чем свидетельствует сообщение председателя заводского совещания Уральского района от 8 декабря 1915 г. Совету съездов Горнопромышленников Урала (журнал «Промышленность и торговля», № 18). Выбывшие кадровые рабочие заменялись подростками, женщинами, военнопленными и китайцами, проданными по контракту китайскими феодалами для эксплуатации русскими капиталистами.

Война усилила эксплуатацию и ухудшила условия труда рабочих. Рабочий день произвольно удлинялся. Широко применялась система сверхурочных часов. Война ухудшила экономическое положение. Цены на продукты первой необходимости увеличились к 1917 г., по сравнению с довоенными, в четыре раза, а заработная плата повысилась только в два раза. На заводах выдача зарплаты систематически задерживалась, создавалась все более напряженная обстановка. Начальник пермской жандармерии писал: «Умы встревожены, недостает лишь толчка, дабы возмущенное дороговизной население перешло к открытому возмущению».

К концу 1916 г., третьего года войны, рабочие и крестьяне испытывали все большие лишения. Царская армия истекала кровью: из-за плохого вооружения и измены царских генералов и чиновников она терпела поражения. В Кыштыме возрастало недоверие военно-промышленным комитетом и участию в них рабочих. Выборы рабочей группы военно-промышленного комитета практически бойкотировались. В Верхне-Кыштымском заводе из 1955 рабочих принимают участие в выборах 110 человек, отказались от выборов и рабочие Нижне-Кыштымского завода. Отказ участвовать в работе военно-промышленных комитетов показала, что рабочие Кыштыма были на стороне тех, кто боролся против войны, за свержения царизма.

Революция в Кыштыме

Влияние большевистской организации на рабочих Кыштыма было велико, хотя большевики находились в подполье, и только со свержением самодержавия организация Кыштыма вышла из подполья, в ней было 20 человек во главе с Н. К. Чуфаровым. В годы войны и вплоть до победы февральской революции не было оформленных партийных

организаций в Карабаше и Каслях. В Кыштыме активно действовала группа большевиков подпольщиков, распространявших своё влияние на заводы. В нее входили Н. К. Чуфаров, Н. Ф. Горелов, братья И. В. и А. В. Гузынины, за плечами которых был большой опыт нелегальной работы на заводах Кыштымского горного округа еще в довоенный период.

Особенно активно работал Николай Кузьмич Чуфаров. Живя в Кыштыме в годы мировой войны, он работал в управлении горными заводами. Среди населения он пользовался большим уважением. Приезжали за советом даже из Аргаяша, Николай Кузьмич Чуфаров широко использовал легальные связи с людьми, тщательно конспирируясь, разъясняя сущность империалистической войны, организовывал вместе с товарищами забастовки.

Такую же работу в годы войны вел Николай Федорович Горелов в Карабаше, Иван Владимирович Гузынин, служащий Кыштымского медеэлектролитного завода, в годы войны выполнял партийные поручения в Кыштыме, Карабаше, Уфалее. Его брат Андрей Владимирович с 1915 г. вел агитацию против империалистической войны среди рабочей молодежи. Уже в первый год войны было проведено нескольких забастовок, активизация агитаторов произошла во второй половине 1916 г. Удалось создать партийную группу в механическом цехе Верхне-Кыштымского завода, где в основном заново сложился контингент рабочих прибывших из деревни, беженцев из западных губерний России, иностранцев, приехавших сюда по вербовке.

На Каслинском заводе, полностью переведенном на производство военной продукции мин, значительно обновился состав рабочих. Сюда с различных заводов Урала, а также из центральных и западных губерний приехало много квалифицированных рабочих – инструментальщики, токари, слесари. Так в начале войны в Каслях появился Кузьма Ретнев, в течение всех лет войны он вел антивоенную пропаганду. Недовольство властью росло. Каслинцы дружно поддерживали петроградский пролетариат, совершивший Февральскую революцию, несмотря на преследования, аресты, мобилизацию в солдаты и отправку на фронт. Литейщики, слесари, кузнецы, собирались на заводском дворе, взволнованно обсуждали события в Петрограде с импровизированной трибуны – вынесенного из цеховой конторки стола – они слышали Кузьму Ретнева: – Товарищи! Произошла революция!

На следующий день состоялась массовая демонстрация. Почти все население поселка вышло на улицу. Заходили на окраины, останавливались едва ли не на каждом перекрестке. И на каждой остановке возникали митинги. Выступали большевики Ретнев и Питарс. После демонстраций разоружали полицейских. Такие же отклики вызывала победа революции в Уфалее и Карабаше.

Кыштымские большевики, получив известия о событиях в Петрограде, быстро донесли их до широких масс. Утром 2 марта по их призыву на улицы города вышли рабочие, служащие, интеллигенция. На площади состоялся митинг, а затем в заводских цехах прошли собрания рабочих. Большевики задавали тон на митингах и собраниях. Были обезоружены полицейские и жандармы, отстранены от работы негодные для рабочих мастера, администраторы. Одних арестовали, других с позором вывезли на тачке за заводские ворота. Ряды, вышедшей из подполья, Кыштымской партийной организации быстро росли. Если в начале марта в составе ее было 20 человек, то к середине апреля 387 человек. Возглавлял ее, как уже отмечалось, Николай Кузьмич Чуфаров, который получал руководящие указания на Екатеринбургской организации РСДРП.

Созданный в Кыштыме Совет депутатов находился под влиянием меньшевиков и эсеров. Захватив в нем руководство, они добровольно передали власть местным органам Временного правительства. В своих обращениях и воззваниях буржуазные партии призывали рабочих и крестьян оказать помощь Временному правительству для защиты Отечества и доведения войны до победного конца. Империалистический характер Временного правительства и грабительские цели войны кыштымские эсеры маскировали флагом Обороны от Германского империализма.

По инициативе городской Думы и земской управы при активной поддержке меньшевиков и эсеров возник Комитет общественной безопасности. Революционное фразерство меньшевиков и эсеров о «защите революции от наступающего врага» и о поддержке Временного правительства увлекал политически незрелых солдат, и даже часть рабочих. Но участие рабочих в комитете продолжалось недолго, они разобрались в сущности этой организации и вышли из нее. Большевики Кыштыма в годы империалистической войны вели борьбу за осуществление большевистской теории и тактики по вопросам войны, организовали на борьбу рабочих заводов за превращение империалистической войны в войну гражданскую. На это нацеливала их Первая Уральская областная партийная конференция по вопросу о войне: «Только полная ликвидация всей внешней политики царизма и империалистической буржуазии с отказом от тайных международных договоров и действительный переход власти в руки пролетариата знаменовал бы изменение империалистического характера войны со стороны России» – говорилось в резолюции конференции. Но проводить эти решения в жизнь приходилось в острой борьбе с меньшевиками и эсерами, особенно она развернулась в связи с созывом областного съезда советов. На повестке дня стояли важнейшие вопросы о войне, об отношении к временному правительству, об организации Уральской области. Соглашательские и оборонческие решения обострили политическую борьбу и вызвали отход рабочих масс от меньшевиков и эсеров. Большевики Кыштыма разъясняли оппортунистический, соглашательский характер решений съезда и добились отрицательного отношения к постановлениям съезда.

В это время хозяйственная разруха все более обострялась. Парализованные железные дороги не обеспечивали заводы сырьем и топливом. Крайне изношенное оборудование заводов приходило в негодность. Не встречая поддержки в массах, эсеровская организация теряла своих сторонников, большевистское влияние росло. За передачу власти Советам накануне II съезда высказались и кыштымцы. Так Советы стали единственными представителями власти.

Советы играли руководящую роль в политической и хозяйственной жизни заводов, установив контроль над производством. Получив телеграмму Областного Совета от 26 октября 1917 г., в Кыштыме и Каслях созвали экстренное заседание Совета, которые объявили себя органами власти и выделяли революционные комитеты. Для охраны заводов с железнодорожной станции устанавливались красногвардейские посты, производились аресты контрреволюционных элементов. В ноябре 1917 г. были созданы органы рабочего контроля, выступавшие против произвола английских капиталистов. Всеми способами, расстраивая производство, они увеличивали себестоимость кыштымской меди и в то время ввозили в Россию медь из своих колоний, наживая огромные прибыли. Чтобы упрочить положение Советской власти – необходимо было покончить с войной. 5 декабря 1917 г. было подписано соглашение о перемирии с Германией и Австрией, и был заключен Брестский мир.

**Сводка о частных уральских горных заводах, могущих исполнять военные заказы
от 3 августа 1915 г.**

№ 12814

Согласно отношения от 14 минувшего июня за № 1069 имею честь уведомить Горный департамент, что, по собранным справкам через господ окружных инженеров и другим путем, из частных уральских горных заводов могли бы взять на себя выполнение казенных заказов на нужды государственной обороны следующие:

Наименование заводов и адреса	Какие предметы
Южно-Екатеринбургский горный округ	
<i>Шайтанский</i> , акц. о-ва Шайтанских горных заводов. Ст. Ревда Пермской ж. д.	Штампование и протяжку стаканов для 3-дм шрапнелей, лопаты, кайлы и ножницы, кроме имеющихся заказов на подковы и костыли
<i>Ревдинский</i> П. Г. Солодовникова. Ст. Ревда Пермской ж. д.	Катаную проволоку. Снарядные ящики. Отливку чугунных снарядов. Снарядную сталь и заготовку 3-дм шрапнелей. Имеет заказ на никелевый чугун
<i>Билимбаевский</i> , графа С. А. Строганова. Станция Билимбай Пермской ж. д.	Снарядные ящики. Повозки. Шанцевый инструмент
<i>Сысертский</i> , акц. о-ва Сысертских горных заводов. г. Екатеринбург Пермской губ.	Медь для поясков. Проволоку тянутую. Серную кислоту при нарушении договора с торговым домом Злоказовых
Западно-Екатеринбургский округ	
<i>Кыштымский</i> , акц. о-ва Кыштымских заводов. Ст. Кыштым Омской ж. д.	Медные пояски. Чугунные снаряды. Серную кислоту
<i>Товарищество Сергинско-Уфалейских горных заводов.</i> Управление заводами – г. Екатеринбург Пермской губ., Уктусская, № 3	Проволоку тянутую, колючую. Чугунные снаряды
<i>Суксунский</i> , И. Г. Каменского и княгини Шаховской. Суксунский завод Пермской губ.	Обточку головок и диафрагм, в помощь Пермскому заводу. Минометы. Бомбы ручные. Моторы 5-10 сил. Корпуса взрывателей.
<i>Новый завод</i> сухой перегонки дерева, удельного ведомства. г. Пермь	Спирт древесный аптекарский. Метиловый 100% спирт с 0,01% ацетона
Северо-Екатеринбургский округ	
<i>Верх-Исетский</i> , акц. о-ва Верх-Исетских горных и механических заводов. г. Екатеринбург Пермской губ., управление заводами	Динамо-железо. Снаряды чугунные и гранаты ручные. Шанцевый инструмент. Завод определенно выскажется по получении образцов, чертежей и технических условий
<i>Невьянский</i> , Невьянского горнопромышленного акц. о-ва. Невьянский завод Пермской губ.	Взрыватели. Ножницы. 3-дм гранаты (уже принят заказ)
Вятский горный округ	

Омутнинские заводы, акц. о-ва Северных заводов. Омутнинский завод Вятской губ.	Снарядную сталь
Пермский горный округ	
Лысьвенский завод, акц. о-ва Лысьвенских горных заводов. Лысьвенский завод Пермской губ.	Пороховые ящики. Укупорочные деревянные ящики. Коробки для гранат. Котелки солдатские. Уже изготавливает Шанцевый инструмент. Взрыватели. Фугасные бомбы 6-дм и 48-лин. Ружейные ножницы. Повозки
Чусовской завод, Камского акц. о-ва. Чусовской завод Пермской губ.	Снарядные заготовки (уже взяты). Взрыватели. Проволоку. Черновые стаканы 3-дм гранат
Чердынский горный округ	
Александровский завод, наследников П. П. Демидова, князя Сан-Донато. Александровский завод Пермской губ.	Чугунные ручные гранаты. Шанцевый инструмент. Подковы. Оси для снарядных ящиков и повозок
Кизеловский завод, князя С. С. Абамелек-Лазарева. Ст. Кизел Пермской ж. д.	Шанцевый инструмент. Подковы. Оси для снарядных ящиков и повозок. Чугунные ручные гранаты. Заводуправление высказалось неопределенно до получения образцов и технических условий
Добрянский завод, графа Строганова (находится в ведении фабричной инспекции). Добрянский завод Пермской губ.	Шрапнели 3-дм
Северо-Верхотурский горный округ	
Богословские заводы, Богословского горнозаводского общества. Богословский завод Пермской губ.	Черновые стаканы 3-дм, 48-лин. и 6-дм снарядов. То же готовые. Латунные гильзы. Проволока тянутая, катаная и колючая
Николае-Павдинский лесопильный завод, Николае-Павдинского акц. о-ва. Станция Выя Богословской ж. д.	Ящики для снарядов
Южно-Верхотурский горный округ	
Нижнетагильские заводы, наследников П. П. Демидова, князя Сан-Донато. Нижнетагильский завод Пермской губ.	Мартеновские слитки. Снарядная заготовка. Проволока катаная. Пояски медные. Снаряды 48-лин. и 6-дм бомб. Ножницы ружейные
Алапаевские заводы, тов-ва Алапаевских заводов. Алапаевский завод Пермской губ.	Стальные отливки. Стальная заготовка для шрапнели. Инструментальная сталь. 3-дм шрапнели. Ножницы ружейные. Проволока катаная и тянутая
Уфимского горного округа	
Катав-Ивановские заводы, князя Белосельского-Белозерского. Катав-Ивановский завод Уфимской губ.	Стальная снарядная заготовка. Проволока

Симские заводы, о-ва Симских горных заводов. Симский завод Уфимской губ.	Мартеновские слитки. Чугунные снаряды. Повозки
Белорецкие заводы, об-ва Белорецких горных заводов. Белорецкий завод Оренбургской губ.	Проволока тянутая и колючая

При этом считаю долгом присовокупить, что многие заводууправления воздерживаются определенно высказаться о возможности принятия к исполнению предметов военного снаряжения и о количестве возможного исполнения, не имея образцов и чертежей, а также не зная требований технических условий.

Подписал: И. о. главного начальника [Уральских горных заводов] (подпись).

Общественная жизнь уральского города в годы Первой мировой войны

Весть о начале Первой мировой войны вызвала широкий общественный резонанс. Война внесла свои изменения в городскую повседневную жизнь. Картины проводов в армию нарушали традиционный ход жизни горожан. К обычной деятельности городских общественных институтов прибавились разнообразные заботы, вызванные обстоятельствами военного времени.

В начале XX в. значительно выросло число **светских школ**. Это было связано с плодотворной деятельностью земств, поставивших задачу введения в регионе всеобщего обучения. Обсуждая данную проблему в 1895 г., Пермское земство планировало открыть более 1,5 тыс. училищ, однако война и революционные события, а затем и ликвидация земских учреждений прервали этот процесс. Всего в регионе к 1914 г.

субсидиями земств пользовались 2 141 начальная школа, 7 реальных училищ, 9 прогимназий, 30 ремесленных и сельскохозяйственных школ, 19 низших училищ различных типов. С 1907-го по 1915 г. число начальных школ на Урале возросло на 74%. По их количеству в 1914–1915 гг. Пермская губерния находилась на 1-м, а Вятская – на 2-м месте среди 43 губерний европейской части России. По числу учащихся Пермская губерния занимала 8-е место, Вятская – 11-е, Уфимская – 30-е, а Оренбургская – 39-е место.

Общее число средних **общеобразовательных школ** разного типа на Урале в 1914 г. достигло 97, среди них было 13 мужских и 33 женских гимназии, 25 реальных училищ.

Видную роль в народном образовании продолжали играть **церковные школы**. Накануне мировой войны в Екатеринбургской, Оренбургской, Пермской и Уфимской епархиях при церквях имелись 1 694 школы, в которых обучалось 81 620 человек.

В распространении знаний среди нерусского населения Урала видную роль играли **русско-инородческие школы**. К 1915 г. в Пермской губернии было 185, в Оренбургской – 88, а в Уфимской – 605 таких школ. По сравнению с 1894 г. в 1,7 раза возросло количество мусульманских училищ – мектебе и медресе.

Потребность в учителях привела к открытию новых **учительских семинарий**. В начале 1915 г. в четырех губерниях Урала их было 12. В Пермской губернии учительские семинарии имелись в Перми, Ирбите и Шадринске. Кроме того, в Екатеринбурге, Вятке, Уфе и Оренбурге были открыты учительские институты. В ряде городов края, в том числе

в Красноуфимске и Шадринске, учителей готовили на постоянно действующих педагогических курсах.

Все это способствовало заметному повышению уровня подготовки учителей и эффективности школьного образования в целом. Грамотность населения Пермской губернии в возрасте от 8 лет и старше выросла на 1/5 по переписи 1897 г. К 1914 г. на Урале было 16 средних специальных учебных заведений, в числе которых Уральское горное, Красноуфимское промышленное, Уфимское землемерное, Вятское сельскохозяйственное. Более развитой была сеть низших специальных и ремесленных учебных заведений – технических, сельскохозяйственных, торговых, фельдшерских, бухгалтерских и др. К 1914 г. их насчитывалось 72.

В 1908 г. в Уфе была открыта фельдшерско-акушерская школа, а в Перми с 1909 г. можно было получить среднее музыкальное образование.

В начале XX в. культурный потенциал края был вполне достаточен для развития высшего образования. 3 июля 1914 г. было принято решение об основании в Екатеринбурге Горного института, а осенью 1916 г. состоялось открытие в Перми отделения Петроградского университета.

Широкое развитие получило в этот период **библиотечное дело**. Перед войной с помощью земских учреждений в регионе было открыто 708 библиотек трех основных типов: пришкольные, районные и передвижные. В 1917 г. таких библиотек насчитывалось 1 687. При церквях четырех уральских епархий 1913 г. существовали 1 603 библиотеки. Накануне войны в Пермской губернии получила развитие новая форма просвещения местного населения – **Народные дома**. Они должны были способствовать подъему культурного уровня, открывали возможности полноценного проведения свободного времени, каждом Народном доме имелись библиотека, зал для проведения народных чтений, спектаклей, выставок, различных курсов, кооперативных собраний и пр. Этот почин был активно поддержан кооперативами. В 1913-14 гг. в губернскую управу поступило свыше 40 ходатайств о выдаче пособий на постройку Народных домов, наряду с ними открывались также железнодорожные клубы.

В это же время выросло и число **музеев**. По инициативе энтузиастов они открылись в Шадринске, Красноуфимске, в д. Першино Ирбитского уезда. В Екатеринбурге в дополнение к музею УОЛЕ был создан земский музей.

Помимо народного образования земства Урала уделяли внимание и **медицинскому обслуживанию населения**.

Пермские органы земского самоуправления выделяли для здравоохранения и просвещения до 60% расходного бюджета. С 1870 г. ассигнования на медико-санитарную часть в целом по губернии увеличились в 22 раза, а по отдельным уездам этот показатель был гораздо выше – в Екатеринбургском уезде – в несколько раз, в Пермском – в 43 раза, в Чердынском – в 42 раза. К 1913 г. число врачебных участков увеличилось до 138 (96 земских и 42 земско-заводских). И все же их было недостаточно, чтобы удовлетворить все запросы местного населения.

Количество больниц в крае достигло 140. Большинство уездных земств имели хорошо оборудованные лечебные заведения, а главная Пермская общегубернская больница относилась к числу лучших земских больниц империи. Она имела специальный хирургический корпус, при ней функционировала библиотека. Для оказания помощи неимущим больным имелось особое благотворительное общество.

Губернское земство к 1914 г. имело хорошо поставленную санитарную организацию, в задачи которой входило обследование школ и физического состояния школьников, источников водоснабжения, промышленных заведений и т.п.

Интересы успешно развивавшихся промышленности и сельского хозяйства Урала требовали более эффективного использования богатых природных ресурсов края. Это способствовало развитию **научных исследований** в регионе, хотя научно-исследовательских учреждений здесь в начале XX в. не было. Именно в этот период были заложены основы комплексного подхода к изучению природных богатств, истории и

культуры Урала. Наибольших результатов добились, как и в предшествующие годы, геологи. В их числе – будущий президент Академии наук страны Л. Я. Карпинский, академики В. И. Вернадский и Ф. Н. Чернышев, будущие академики А. П. Заварницкий и А. Е. Ферсман, профессор И. П. Рязанцев. Наряду с ними изучение и разведку полезных ископаемых Крае вели геологи-практики А. Л. Замятин, Ф. И. Кондыкин, Н. П. Рязанцев и др. Итоги геологического изучения Урала были подведены горным инженером Е. Я. Барбот де Марии в книге «Урал и его богатства», опубликованной в Екатеринбурге в 1910 г.

Для развития **краеведения** по-прежнему много делало УОЛЕ. Его президентами были А. Д. Миславский (1896–1908 гг.) и О. Е. Клер (1901–1920 гг.). В 1914 г. в УОЛЕ входило 540 членов. Записки общества издавались на рубежном и французском языках. В 1904 г. оно поддерживало связи со 144 русскими и 85 зарубежными научными и учебными организациями. По его инициативе в начале XX в. были созданы общество уральских горных техников, металлургическое общество, комиссия по рыболовству. В тесной связи с УОЛЕ работала Екатеринбургская магнитная и метеорологическая обсерватория. В 1912 г. на базе лаборатории Пермского губернского земства был открыт бактериологический институт, обеспечивавший вакциной против опасных инфекционных заболеваний Урал и Сибирь. Деятельность института, возглавлявшегося В. М. Здрово-Мысловым (впоследствии ставшим профессором Пермского университета), была высоко оценена на гигиенической выставке в Дрездене в 1918 г.

Развивалась **периодическая печать**. В 1908–1909 гг. на Урале возникло 14 новых газет и 17 журналов. Легальные издания в основном имели кадетскую направленность. В предвоенные годы общественного оживления было учреждено 87 изданий. Наряду с укреплением монархической и либеральной печати активизировались профессиональные и кооперативные органы. В период между революциями на Урале впервые появилась искусствоведческая и театральная периодика («Блестки Урала», «Театральный день», «Разумный кинематограф и наглядные пособия»). В годы войны было разрешено издание 47 новых газет с преобладанием информационных выпусков.

Повышение культурного уровня и социальной активности населения края позитивно отразилось на **художественном творчестве** уральцев. В 1908–1912 гг. в Перми и Екатеринбурге появились Филармонические общества, а в 1912 г. открылся постоянно действующий оперный театр в здании, построенном по проекту архитекторов В. Н. Семенова и К. Т. Бабыкина. В начале XX в. на Урале работали драматические труппы под руководством М. Т. Строева, В. К. Верховского, О. П. Зарайской.

В 1910–1912 гг. в Екатеринбурге было построено новое здание драматического театра на 1 600 мест; в это же время приступили к постройке театров городские власти Оренбурга и Перми. С 1908 г. началась театральная жизнь в Нижнем Тагиле.

Развитие промышленности серьезно отразилось на архитектурном облике уральских городов. Увеличилось значение зданий культурно-просветительского назначения, торговых, банковских и гостиничных объектов. Многие из них были постройками эклектичными, использовавшими отдельные декоративные элементы модерна. Это отразилось даже на деревянном зодчестве уральцев.

Общественная реакция уральцев в первые дни войны отразилась в заметках, опубликованных на страницах местных периодических изданий, которые преимущественно были пропагандистскими или кратко отражали события в разделе хроники городской жизни. Уральцы в целом разделяли патриотический подъем начального периода войны. На Урале, как и по всей России, после публикации царского манифеста организовывались молебны о здравии императора и о даровании победы над врагом.

Ни одно значимое и знаковое событие, горестное или радостное, не происходило в прошлом без песни или частушки, тем более проводы в армию. Современнице в деталях удалось воспроизвести увиденную картину и дословно вспомнить услышанные тексты:

Вот по тротуару идет, судя по одежде, заводской парень. Закинув голову, он отчаянно растягивает гармонь и не менее отчаянно поет:

На что, маменька, родила,
На что имя нарекла?
Двадцать лет меня кормила,
Во солдаты отдала!..

Рядом с ним, ухватив его за рукав, пошатываясь, изредка всхлипывая, тащится молодая женщина. «Жена или сестра?» – думаю я, наблюдая за ней. Парень не обращает внимания на женщину, видно, что совсем и не думает о песне, а песня сама вырывается изнутри его, и он орет истошным голосом:

Братцы-ребятушки,
Все пойдем во солдатушки,
Девушки останутся,
Ратничкам достанутся

Еще одна зарисовка позволяет увидеть уральскую повседневность того времени:

Вот проезжает телега, в ней трое мужчин и женщина. Один из них, в лаптях, сидит на облучке; он бессмысленно свесился вперед, словно рассматривает у лошади копыта. Двое, помоложе, сидят в телеге, свесив в разные стороны ноги, сомкнувшись спинами, и лузгают семечки. Женщина пожилая, простоволосая мотает головой, всплескивает руками и уже охрипшим голосом причитает:

– Ой, Степа-Степонец, сыночек мой милый... На это ли я тебя растила-а-а! Ай, да что же это сделалось? Что это повстреча-ло-ся-а-а?!..

А дальше опять... поток пешеходов — молодых, бородатых, с котомками, с мешками, среди них женщины, дети, а над ними лошадиные морды с высокими расписными дугами, и не было конца этому шествию. Толпа захватывала и увлекала собой всех встречных. Я тоже не вытерпела и пошла за ней, еле сдерживая слезы. Вся эта людская лавина двигалась к воинскому присутствию.

Постепенно жизнь входила в свою привычную колею, но на всем лежала печать военного времени. Священники совершали богослужения, участвовали в сборе пожертвований на нужды войны. В Екатеринбурге в покоях епископа Серафима и под его председательством 9 августа 1914 г. состоялось собрание всего городского духовенства. На собрании также присутствовали старосты некоторых городских церквей. Рассматривался вопрос, чем может **духовенство** отозваться на запросы времени. Присутствовавшие на собрании решили, что приходские попечительства должны интенсивно заняться «изысканием средств для материальной поддержки семейств воинов». Речь шла и о «моральной заботе духовенства обо всех угнетенных тяжелыми событиями текущих дней».

«Для выполнения этой задачи, – отмечалось в газетной публикации, – пастыри будут произносить при богослужениях речи, могущие поднять дух унывающих и опечаленных, а также при частом общении с прихожанами ободрять последних словом христианской любви и милосердия и врачевать душевные раны всем притекающим с нуждой». В помощь приходским попечительствам, для консолидации их деятельности собрание избрало центральный епархиальный комитет во главе с епископом Серафимом. На собрании также рассматривалась идея создания лазарета силами духовенства.

Церковно-приходские попечительства Екатеринбурга оказывали помощь семьям воинов и беженцам. Попечительский совет при Екатеринбургской Вознесенской церкви, например, оказывал помощь семьям воинов, устроил ясли, занимался обследованием материального положения прихожан и организацией помощи беженцам.

Проповеди священников военных лет носили патриотический характер, в них говорилось о том, что для России это была война оборонительная, справедливая. По мнению некоторых современных историков, в 1914 г. Россия стала «жертвой агрессии и при всем желании не могла уклониться от этой войны».

К повседневным заботам городских дум и управ прибавились **новые направления деятельности**, обусловленные нуждами военного времени – благотворительность. Так, в бюджете Перми появились новые расходы на расквартирование призванных на войну военнослужащих запаса, на помощь их семьям, на организацию санитарных отрядов для помощи и ухода за ранеными и больными воинами.

Аналогичную работу вели городские власти Екатеринбурга. Семьям нижних чинов запаса и ратников ополчения, призванных по случаю войны на действительную службу, полагались пособия от казны. Обследованием личного состава таких семейств и выдачей пособий в городах должны были заниматься городские управы. Одним из основных направлений деятельности органов городского общественного управления во время войны стало **материальное обеспечение** семей, члены которых были призваны на военную службу.

Всеобщая поддержка войны выражалась в сборе пожертвований на помощь семьям ушедших на фронт и иные военные нужды. Эти **пожертвования** совершали различные слои населения.

Во время войны в Оренбурге (как и в других уральских городах) функционировали различные по своей направленности общественные организации, которые не остались в стороне от решения проблем военного времени. На их средства, в частности, и с привлечением пожертвований частных лиц оборудовались лазареты и санитарные поезда.

В годы войны заметно возросла социальная активность женщин, особенно в сфере **благотворительности**. Благотворительные акции в Екатеринбурге устраивал Екатеринбургский дамский кружок по сбору пожертвований для отправки на передовые позиции, который открылся 5 октября 1914 г. В это время в столицах и других российских городах производился сбор белья для русских воинов. По инициативе дам Екатеринбурга 19-26 октября 1914 г. была организована Неделя белья. В местных газетах были опубликованы обращения нести по названным адресам мужское белье, в том числе и поношенное, но чистое, пригодное для отправки воинам. Екатеринбургцы сочувственно отнеслись к призыву. Пожертвования бельем и разными вещами поступали и от состоятельных людей, и от малоимущих. Наряду с бельем было пожертвовано 66 золотых и серебряных вещей, разыгранных на лотереях, на вырученные деньги с которых было изготовлено белье. После Недели белья ее организаторы сформировали постоянно действующий кружок, поставивший целью осуществлять периодические отправки подарков в действующую армию.

Подобные кружки открывались и в других городах и, «в общем, могли оказать некоторую помощь». В «Очерке о деятельности Екатеринбургского дамского кружка по сбору пожертвований для отправки на передовые позиции за время с 5 октября 1914 г. по 25 апреля 1916 г.» подчеркивался еще один моральный аспект деятельности по отправке подарков на фронт – «постоянная живая связь между всеми слоями общества и армией».

Культурно-просветительную работу в уральских городах во время войны вели различные общественные организации. Ограничимся одним показательным примером. Анализируя программу лекций и народных чтений при Пермском научно-промышленном музее на 1915-1916 гг., следует подчеркнуть многообразие тем, которые затрагивают или прямо посвящены истории европейских стран и европейскому влиянию на Россию, истории международных отношений (по вполне понятным причинам). Благодаря культурно-просветительной работе общественных организаций горожане получали возможность лучше ориентироваться в исторических и современных процессах.

Тяготы войны испытали все категории городского населения. Психологической реакцией общественности на войну стала ненависть ко всему немецкому, даже к историческим названиям. Еще в самом начале войны Санкт-Петербург был переименован в Петроград. В октябре 1914 г. возникла идея переименования Екатеринбурга. Эта инициатива исходила от Екатеринбургского мещанского общества, которое 19 октября 1914 г. постановило «возбудить ходатайство о переименовании Екатеринбурга, присвоив ему название Екатерино-Уральска или какое-либо другое, но чисто русское». Эту мысль

одобрил пермский губернатор. Его поддержал главный начальник Уральских горных заводов, который обратился в Пермскую ученую архивную комиссию с предложением о выборе «нового наименования» города. Только 29 апреля 1915 г. этот вопрос был включен в повестку местной городской думы. Предлагались такие варианты нового названия города, как Екатериноград, Иседонск, Екатеринополь, Екатеринозаводск. Однако думцы единогласно приняли решение сохранить историческое название, «не дерзая посягнуть на название, данное императором Петром Великим». В декабре 1916 г. Пермская ученая архивная комиссия еще раз предлагала переименовать город, обращаясь с этим вопросом к главному начальнику Уральских горных заводов. Комиссия предлагала новые названия, «приличествующие русскому городу»: Екатеринозаводск, Екатериноисетск, Екатериноугорск, Екатериноурал, Екатеринокаменск, Екатериногор, Екатеринобор. Однако свое первоначальное название город на Исети сменил только после революции 1917 г., и то далеко не сразу.

Таким образом, Первая мировая война внесла новые черты в общественную жизнь и повседневность уральского города, прибавив к обычным заботам новые: о тех, кто пострадал от военных действий, о непосредственных участниках этих действий. В эти кризисные годы заметно активизировались как традиционные социальные институты (РПЦ и религиозные общественные организации, сословные корпорации), так и общественные организации нового типа. Показательна довольно высокая эффективность деятельности городского самоуправления. На рубеже веков уральский город обладал значительным общественным потенциалом, который раскрылся в годы Первой мировой войны. Патриотические настроения и высокий уровень самоорганизации общества позволяли горожанам решать насущные жизненные проблемы, вызванные условиями военного времени и в целом справляться с трудностями.

Фотографии из фондов Кыштымского музея

К сожалению, имеющиеся в фонде музея фотографии датированы более ранними годами, но думаем вполне отображают и иллюстрируют описываемое нами время – время Первой мировой войны.

На фото: Коллектив преподавателей мужской школы. 1909 г.

На фото: Коллектив преподавателей женской школы.

Деятельность Екатеринбургского уездного комитета Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам Пермской губернии в начальный период Первой мировой войны (1914 – вторая половина 1915 г.)

В обстановке патриотического подъема начала Первой мировой войны в России возникают новые и активизируют свою деятельность имеющиеся общественные организации, деятельность которых была направлена на мобилизацию ресурсов тыла для оказания помощи фронту. Одними из них стал Всероссийский Земский Союз помощи больным и раненым воинам, который развернул активную работу в этом направлении.

Одной из причин содействия власти созданию и деятельности Всероссийского Земского Союза явилось обстоятельство практического характера. Потребность в оказании помощи больным и раненым солдатам резко выросла с первых дней войны. Для ее удовлетворения существовали казенные учреждения. Нельзя сказать, что данная значительная потребность объяснялась дефектами санитарной части Военного министерства. Казенные госпитали и санитарные поезда имелись с первого момента войны.

Однако действительность первых дней войны, ее масштаб выявили несостоятельность ранее намеченных планов. Количество раненых воинов ежемесячно исчислялось не несколькими десятками, как предполагалось, а сотнями тысяч. В результате большинство госпиталей, предназначенных для лечения раненых во фронтовой зоне, превратились в перевалочные пункты для раненых, эвакуируемых вглубь России. В тылу же эвакуационные госпитали оказались неподготовленными. В этом немаловажную роль сыграло мнение, что война будет непродолжительной.

В августе 1914 г. Пермское губернское земство вступило в состав Всероссийского Земского Союза и организовало Пермский Губернский Комитет Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам. Основная деятельность этого Комитета сводилась к принятию на излечение эвакуируемых с театра военных действий больных и раненых воинов и подготовке местных госпитальных учреждений.

В состав Пермского Губернского Комитета Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам вошли двенадцать уездных комитетов: Верхотурский, Екатеринбургский, Ирбитский, Камышловский, Красноуфимский, Кунгурский, Осинский, Оханский, Пермский, Соликамский, Чердынский и Шадринский.

В начале сентября 1914 г. уездными комитетами Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам от Пермского Губернского Комитета была получена

телеграмма с требованием оборудовать 9000 коек. Для каждого уезда была назначена своя схема распределения коек.

Самым активным Комитетом из 12 уездных комитетов Пермской губернии в деле устройства лазаретов стал Екатеринбургский уездный комитет, который был создан 14 августа 1914 г. В его состав вошли следующие лица: от уездной управы – председатель, одновременно выполнявший обязанности представителя от губернского земского собрания, И. В. Иванов, и два представителя от уездного собрания – С. Ф. Злоказов и И. Л. Фалековский.

На 1 июня 1915 г. Екатеринбургским уездным комитетом было оборудовано 20 лазаретов на 1281 койку. Они были открыты в городе Екатеринбурге, в зданиях лечебницы им. д-ра Миславского, лечебницы врачей специалистов, Верх-Исетской земской больницы, железнодорожной больницы. Также были созданы лазареты при казенном винном складе, Уральских горных заводах, при Обществе милосердия, лазарет служащих западно-уральской и северо-восточной железных дорог, Общественный лазарет, лазарет старообрядческой общины Рязановых, лазарет Ново-Тихвинского монастыря, лазарет Березовского золотопромышленного товарищества (в Березовском заводе), Городской лазарет.

В Екатеринбургском уезде функционировали следующие госпитали: в Билимбае (лазареты в билимбаевской школе и при заводской земской больнице), в Уфалее (лазареты в Верхне-Уфалейской земской школе и в здании земской больницы), в Невьянске (в земской больнице и невянской школе), в Кыштыме (в земской больнице, Народном доме и заводском клубе).

Екатеринбургский уездный комитет собирал пожертвования на содержание местных лазаретов, снабжал необходимыми вещами выписывающихся из лазаретов воинов, отправлял подарки в армию.

В целом 12 уездными комитетами Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам в Пермской губернии было открыто на 1 июня 1915 г. 59 лазаретов на 3857 коек, из которых 20 лазаретов на 1281 койку – Екатеринбургским уездным комитетом.

Несмотря на организационные трудности, связанные с отсутствием удобных путей сообщения, по которым доставляли раненых до пунктов регистрации, всем солдатам был оказан теплый прием и обеспечен качественный медицинский осмотр в Екатеринбургском уезде Пермской губернии.

Незначительность затрат оборудования и содержания лазаретов в Екатеринбургском уезде объясняется прежде всего более низкими зарплатами в провинции, отзывчивостью местного населения, его бесплатным трудом, бесплатным предоставлением помещений, предметов оборудования лазаретов и продуктов их содержания, а также разницей в ценах на продукты, товары и услуги в столицах, губернских центрах и провинциальной глубинке. Всё это удешевляло оборудование и содержание лазаретов в уральской провинции не на одну тысячу рублей.

Не стоит забывать о профессиональных и личных качествах медицинского персонала, работавших в лазаретах Всероссийского Земского Союза Екатеринбургского уезда.

Таким образом, в первый год военных действий деятельность Екатеринбургского уездного комитета была сосредоточена в основном на организации и оборудовании лазаретов для больных и раненых воинов. Аналогичные меры помощи предпринимались уездными комитетами Всероссийского Земского Союза в целом по стране.

К. Е. Баженова
Нижнетагильская государственная
социально-педагогическая академия

Беженцы и общественность Пермской губернии в годы Первой мировой войны

В годы Первой мировой войны по всей стране наблюдалось широкое общественное движение по оказанию помощи беженцам, в котором активное участие принимали различные организации, а также широкие слои местного населения. Летом 1915 г. в связи с массовым движением вынужденных переселенцев на Средний Урал и значительным развитием среди них инфекционных заболеваний, Пермь, согласно законам, указам и прочим правительственным распоряжениям, регламентировавшим положение беженцев, была вынуждена предоставить им свои госпитали, обеспечить их жильем, продовольствием и одеждой. Для решения данных задач при Пермском губернском комитете Всероссийского земского союза (ВЗС) был создан Комитет помощи беженцам. Согласно сведениям, полученным от начальника губернии, на территорию Среднего Урала в августе 1915 г. прибыло 100 тыс. беженцев.

Пермский губернский земский комитет распределил это количество по уездам, пропорционально количеству населения в них, с некоторыми изменениями в зависимости от местных условий. Таким образом, на Верхотурский уезд пришлось 10 тыс. человек, Екатеринбургский – 15 тыс., Ирбитский – 3 тыс., Камышловский – 8 тыс., Красноуфимский – 5 тыс., Кунгурский – 8 тыс., Осинский – 10 тыс., Оханский – 9 тыс., Соликамский – 7 тыс., Чердынский – 3 тыс., Шадринский – 11 тыс., Пермский – 15 тыс. человек. По воспоминаниям В.Н. Трапезникова, за годы войны через Пермь прошло более 30 тыс. беженцев мужчин, свыше 10 тыс. женщин и 20 550 детей. Из них лишь 5 592 человека осели в Перми.

Необходимо отметить, что действительное количество беженцев не поддавалось точному учету, так как многие из них оседали на Урале, минуя регистрационные пункты. Имеющиеся официальные сведения о численности населения, эвакуированного на Средний Урал, учитывали в основном только «призреваемых» беженцев из «простонародья». Это позволяло местным властям контролировать выдачу мизерных государственных пособий переселенцам. Вне регистрации оказались государственные служащие с семьями, получавшие «жалованье» и особую «ссудную» помощь.

Для осевшей в Перми первой партии беженцев были устроены на ст. Пермь II обеды из двух блюд: щи или суп с мясом и каша с маслом. Детям давали молоко и белый хлеб. Обеды выдавались буфетчиком станции за плату по 25 коп. за обед. Во избежание распространения инфекционных заболеваний переселенцев осматривали врачи Губернского комитета ВЗС. После медицинского осмотра беженцы мылись в бане, и производилась дезинфекция их вещей. В Перми были сняты помещения для них на 2500 человек. В уездах переселенцев распределяли по домам, которые предоставлялись местным населением за плату по соглашению. Для трудоустройства беженцев в Перми было организовано Бюро труда при Губернском и Пермском городском комитетах.

Несмотря на то, что оказание помощи вынужденным переселенцам являлось обязанностью государства, Пермский губернский земский комитет сыграл ведущую роль в организации подготовительных работ в этой сфере. Усилиями местных органов самоуправления и общественности Перми первая партия беженцев была обеспечена необходимым минимумом жизненных условий. Основную нагрузку «беженского дела» взяли на себя земские уездные и городские организации Всероссийского союза городов (ВСГ) Пермской губернии. В уездах управы на средства ВЗС стали создавать комитеты по оказанию помощи вынужденным переселенцам. В их состав входили 7 комиссий: регистрационная, квартирная, продовольственная, врачебно-санитарная, комиссия по организации трудовой помощи, комиссия по снабжению одеждой и обувью, школьная. В местностях, наиболее заселенных беженцами, были образованы комитеты под руководством уездных земских организаций, которые оказывали врачебно-санитарную, психологическую помощь пришедшему населению. Так, лечение беженцев в уездных больницах было бесплатным. Некоторые комитеты даже выдавали пособия на похороны в размере 5 руб. Городские учреждения ВСГ тоже активно сотрудничали с общественными организациями в этом деле. В основном они занимались поиском жилья для беженцев.

Квартир, как правило, не хватало. Для решения этой проблемы городские управы за счет земских организаций выдавали беженцам квартирные деньги (по 2 руб. на человека в месяц), размещали их на жительство в уездных городах и сельской местности. В городах, как правило, устраивались наиболее трудоспособные беженцы. Женщин с детьми, стариков и инвалидов содержали в общежитиях. Беженскому населению бесплатно оказывалась врачебная помощь в местных больницах, в аптеках им бесплатно выдавали лекарства.

В городах и многих селениях Пермской губернии открывались польские, еврейские, латышские школы для детей беженцев с обучением родному языку и закону вероисповедания. Вместе с епархиальными благотворительными обществами городские комитеты ВСГ принимали участие в организации сборов пожертвований, бесплатных столовых для беженцев. Им помогали самодеятельные общественные организации, например, благотворительный Комитет служащих Тавдинской и Бердяуш-Лысьвинской железных дорог. Местные организации Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества также были обязаны городским комитетам в открытии яслей-приютов для детей беженцев.

Со второй половины 1916 г. в связи с массовым притоком беженцев в Пермскую губернию и резким увеличением их численности, работа местных общественных организаций в этом направлении встретила ряд затруднений. Поначалу уральцы встречали прибывших переселенцев благожелательно и сочувственно, предоставляли им приют, продукты питания. Однако с течением времени в связи с обременительностью постоя эвакуированных на квартирах и ростом расходов по их содержанию, местные жители стали относиться к пришлому населению как к тяжелой обузе, стараясь избавиться от «чужаков» любыми способами. Началось массовое выселение беженцев из квартир, однако найти для них свободное помещение общественным организациям было крайне сложно.

Многие беженцы, занимаясь самоснабжением, наносили убытки местному населению: грабили жилища, совершали массовые потравы, самовольно рубили деревья для костров в общинных лесах, выкапывали картофель и т.п. Так, для устранения угрозы общественного бедствия Екатеринбургский городской комитет ВСГ постановил взимать с горожан по 30 коп. в пользу каждого беженца, которому было отказано в приюте. Однако подобные меры не приводили к урегулированию конфликтов. Согласно отчету екатеринбургского городского санитарного врача В. В. Коровина, большая скученность беженцев в квартирах и домах, грязь, мусор, спертый воздух, несоблюдение ими элементарных правил личной и общественной гигиены приводили к развитию эпидемических заболеваний и высокой детской смертности. Для предотвращения эпидемий комитеты ВСГ стали проводить санитарные мероприятия. Ими были приняты меры по увеличению количества бочек в ассенизационных обозах, организации построек новых общественных ватерклозетов, приобретению серной кислоты, устройству водовозных обозов. Так, в Екатеринбурге и Камышлове были созданы постоянные комиссии для осмотра городских водных источников.

Тем не менее, несмотря на принятие ряда мер, условия для вынужденных переселенцев оставались неудовлетворительными. В докладе Кошеева, члена Екатеринбургской городской Думы и Екатеринбургского комитета ВСГ, содержались обвинения в адрес городской Управы в связи с ее бездействием в деле оказания помощи беженцам. Дело в том, что центральным управлением ВСГ 23 сентября 1915 г. было ассигновано 58800 руб. на устройство помещения для 414 переселенцев, яслей для 100 детей беженцев и заразного барака. Деньги на эти цели поступили два месяца назад, но к намеченному сроку Управа ничего не сделала для их целевого использования. Несмотря на то, что приют для детей был все-таки готов, местные власти отказались принимать детей из-за отсутствия средств на его содержание. За помощью пришлось обратиться к губернатору, который перевел для этих целей 20000 руб., но запретил передавать их Екатеринбургскому комитету ВСГ. Причиной этого отказа послужило отсутствие права у

организаций ВСГ призывать беженцев согласно закону от 30 августа 1915 г. Оказанием помощи беженцам, как правило, должны были заниматься органы местной власти, представители которой входили в состав городских комитетов. Проявление инициативы государственными служащими привело бы к расширению их служебных полномочий, что являлось нарушением закона.

Другой причиной снижения эффективности оказания помощи беженцам послужило сокращение пайков и квартирных довольствий для них в связи с новыми размерами единой нормы их содержания. В результате чего, помощь была сосредоточена только для вновь прибывших переселенцев. Беженцам, которые уже получили обувь и одежду, не оказывалась повторная помощь, кроме детей школьного возраста.

Как правило, уездные земские комитеты создавали артели и мастерские для предоставления работы переселенцам. Однако большинство беженцев уклонялось от трудовой помощи. Наличие медицинского удостоверения о нетрудоспособности, позволяло больному получать паек во время лечения. Поэтому зачастую беженцы не лечились или регулярно наносили себе всевозможные травмы, тем самым затягивали свою болезнь. Такие записи врачей, как «потеря трудоспособности на 10%», «грыжа», «болезнь глаз», «порезы на пальцах рук» и т.п. часто встречались в медицинских удостоверениях. Местная власть взяла под контроль сложившуюся ситуацию. Так, губернатор приказал всем беженцам заняться сельскохозяйственными работами под угрозой лишения пайка. К тем, кто уклонялся от них, были применены уголовные меры наказания. Фельдшеры были обязаны посещать квартиры переселенцев не менее 2 раз в неделю.

Согласно данным П. Гетрелл, забота о насущных потребностях беженцев ложилась на плечи взрослых женщин, причем многие беженцы были полностью на их иждивении. Работа, которая предлагалась местным населением, ясно показывала, что на переселенцев смотрели, прежде всего, как на прислугу. Во всех российских городах появлялись вакансии для служанок. Распространенность этого злободневного явления отражалась на страницах периодической печати, в частности редакция городской газеты «Зауральский край» опубликовала на первой странице августовского номера фельетон жителя Екатеринбурга Василия Князева.

О, сколько сердобольных дам
Пришло помочь несчастным сестрам!
И как ничтожно – стыд и срам!
Число мужчин в кругу их пестром!
Вот, неудобно ль посмотреть
На эту барыньку с болонкой;
Она «желала бы иметь
Ин-тел-ли-ген-тну-ю эстонку».
– Прислужгой?
– Нет...А в прочем... да:
Смотреть за ванной и ... домом...
Но непременно, господа,
Чтоб с гимназическим дипломом.
– А плата?
– Пла-а-та? (дама тут
От изумленья бледной стала)
– Но я ведь ей ... даю приют,
Ужели этого вам мало?!
– О, нет, сударыня...
Под стать
Почтенной барыньке – торговка:
– Нельзя ли, сударь, подыскать
Сиротку...
Выдуманно ловко!

Сиротку в дом к себе возьмут
Согреют ласкою живою,
Дадут и пищу и приют
А там, глядишь и нарекут
Своей прислугой даровую
На веки вечныя...
Ну, люд. О, сколько сердобольных дам
Пришло помочь несчастным сестрам!
И как ничтожно – стыд и срам!
Число мужчин в кругу их пестром!

На Среднем Урале большое количество запросов на прислугу также поступало в попечительские комитеты Екатеринбурга и Перми. В уездах беженкам было сложно найти работу, особенно зимой, за исключением должности прачки. Многие женщины считали эту работу унижительной в силу своего социального положения. В этих случаях их агитировали записываться в швейные мастерские или заниматься прядением и ткачеством на дому. Однако швейные ателье и прачечные, в которых работали беженки, оказались нерентабельными. Так, в Осе Осинского уезда, согласно докладу Л. К. Скрутиковой, заведовавшей прачечной и мастерской женской одежды, заработная плата персонала была мизерной. Женщинам было трудно существовать на этот заработок без пособия от местного комитета по призрению беженцев. В связи с этим Осинскую прачечную и швейную мастерскую закрыли. Отсутствие работы для женщин стало причиной роста проституции в годы войны. Несмотря на наличие работы, беженцы-мужчины старались уклониться от нее различными способами, пассивно получая денежные пособия.

Необходимо отметить, что на Среднем Урале русские беженцы находились в худших условиях, чем беженцы евреи, латыши и поляки, помощь которым оказывалась не только уездными земскими комитетами, но и их благотворительными национальными организациями (Еврейское общество, Польский и Латышский Комитеты).

Оказание помощи беженцам являлось сферой преимущественной компетенции государства. Эффективность решения данной задачи требовала от государственной власти взаимодействия с обществом. Однако правительство не оказалось способным наладить это сотрудничество, несмотря на активную гражданскую позицию и поддержку местного населения. Хроническое недофинансирование земских и городских организаций Пермской губернии со стороны их центральных управлений, надзор исполнительной власти сдерживали процесс развития самодеятельности, выходящей в своей реальной работе за рамки закона. Нараставшее с осени 1916 г. стремление к миру, когда идея мобилизации тыла на нужды фронта в значительной степени утрачивала свою популярность, возрастание оппозиционной активности центральных учреждений Союзов земств и городов в условиях политического кризиса в конце 1916–начале 1917 гг. усложняли работу земских и городских комитетов Пермской губернии. Крах дореволюционной системы государственной власти, в которую были встроены общественные организации, ее неспособность решить важные социальные задачи, наладить взаимодействие с обществом, успешно вести войну вызвали в начале 1917 г. спад в работе союзных учреждений Пермской губернии.

(Статья из книги – Д. В. Чарыков (гл. ред.), О. Д. Бугас, И. А. Толчев. Традиционные общества: неизвестное прошлое [Текст]: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., 25–26 апреля 2011 г. / редколлегия: Д. В. Чарыков (гл. ред.), О. Д. Бугас, И. А. Толчев. – Челябинск: Цицеро, 2011. – 270 с.).

Китайский труд на Урале в годы Первой мировой войны

Важным фактором истории России и русско-китайских отношений в начале XX в. была китайская трудовая миграция. Если в XIX в. распространение китайского труда было ограничено Приамурьем и, отчасти, приграничными районами Туркестана, то с начала XX в. рабочие китайцы становятся «заметными» в Забайкалье и начинают «осваивать» остальную Сибирь. Особое значение для России китайский труд приобрел в годы Первой мировой войны. С началом войны один из основных потоков китайских рабочих рук был направлен на Урал.

Российские власти и общество в начале XX в. были обеспокоены широким использованием китайского труда в русской промышленности. Расширение китайского присутствия в приграничных районах воспринималось в качестве угрозы национальным интересам России. Борьба за ограничение использования иностранных рабочих рук экономике Востока России увенчалась принятием в 1910 г. специального закона. Высочайше утвержденный 21 июня 1910 г. закон запрещал наем китайцев на производимые средствами казны на Дальнем Востоке работы.

Но к 1914 г. китайцы по-прежнему составляли подавляющее большинство рабочих частных предприятий Владивостока, Хабаровска и Никольска-Уссурийского, преобладали в золотопромышленности Приамурья и Забайкалья. В Иркутске китайские рабочие накануне войны большей частью были заняты на кирпичном заводе и на железной дороге, работали на судах, ходивших по Ангаре и Байкалу, на ангарских рыбных промыслах и проч. Согласно официальным «Сведениям о движении иностранцев в округах Иркутском и Омском» на 1 июня 1914 г. на всей территории Сибири (включая Забайкалье) находилось 10197 китайцев. Китайцы фиксировались практически на территории всех административных единиц, но большинство из них находилось на территориях горных округов (Шилкинско-Аргуньский – 3299, Баргузинский – 942, Витимский – 344), в городах (Иркутск – 1077, Чита – 683, Омск – 385, Красноярск – 100), и некоторых уездах Забайкалья (Нерчинский – 1016, Верхнеудинский – 859).

К 1914 г. китайский труд оставался преобладающим в золотопромышленности Восточной Сибири. Современники отмечали: «Меры, предпринятые правительством для борьбы с «желтым засильем», по общему наблюдению дали за последние годы ощутимые результаты почти во всех видах труда. Только в золотопромышленности положение мало улучшилось, и желтые по-прежнему господствуют здесь, нося с собой первобытные приемы работы и связанное с этим быстрое истощение наших россыпей...».

Для предотвращения массового распространения китайского труда на запад от Байкала, в конце декабря 1913 г. в Государственную Думу был внесен законопроект «Об ограничении найма рабочих иностранцев на горные промыслы». В дополнение и изменение существующих в России узаконений предполагалось: «Воспретить наем рабочих китайцев на частные горные (в том числе каменноугольные, нефтяные и золотые) промысла губерний и областей Восточной и Западной Сибири... Подвергать, за нарушение приведенного выше постановления, владельцев или завершающих промыслом денежному взысканию... в размере до пяти рублей за каждый рабочий день каждого рабочего китайца».

Начавшаяся летом 1914 г. Первая мировая война коренным образом изменила положение, связанное с использованием китайских рабочих рук в России. «Особым журналом от 21-25 июля 1914 г. Совет Министров нашел возможным допустить иностранцев (желтых) на работы казенных ведомств впредь до окончания военных действий». Уже в 1914 г. в «Вестнике Азии» появились материалы под рубрикой «К массовому переселению китайцев в Россию», в которых, в частности, говорилось: «Императорское российское генеральное консульство в Харбине в последнее время выдает в один день иногда до 150 паспортов китайцам, едущим в Европейскую Россию... Кроме того, усилился спрос на китайских рабочих для рудников, каменноугольных копей и для сельскохозяйственных работ в помещичьих экономиях. Вообще, движение китайцев

в Россию начинает принимать характер явления постоянного. Но, несомненно, что, свив себе в Европейской России гнездо, китайцы хлынут туда массами».

В начале 1915 г. свои услуги по доставке в Россию китайских рабочих предложили «деловые люди» Харбина. Например, Циркель, Лившиц, Каплан и другие писали Совету Съезда горнопромышленников юга России: «Недостаток рабочих на шахтах побуждает нас предложить Вам углекопов китайцев в любом количестве. Китайцы трезвы, смышлены, трудолюбивы, работают семь дней в неделю. Есть опытные шахтеры. Расходы перевозки плюс накладные расходы компенсируются низкой заработной платой. Останутся работать, покуда окажется необходимость...». Китайских рабочих стали привлекать во все регионы Сибири. Заказы на них стали поступать от самых разных предприятий и организаций. Например, в июле 1915 г. переговоры (неудачные) о поставке 3 тыс. грузчиков из Китая вело Управление Николаевской железной дороги. В ноябре 1915 г. стал обсуждаться вопрос «О желательности, в виду наблюдающегося в Московском районе недостатка в токарях по металлу, распространения вышеозначенного распоряжения также и на рабочих китайцев, приглашенных на работы в предприятиях машиностроительных и железоделательных».

Допустив китайские рабочие руки в русскую промышленность, власти на протяжении всей войны искали оптимальные пути их найма и использования, расширяя при этом географию и сферы применения, упрощая процедуру провоза китайских рабочих через границу. Особым журналом от 30 июля 1915 г. Совет Министров постановил не чинить временно препятствий к допущению китайцев для работы на промышленных (металлургических и каменноугольных) предприятиях в Европейской России.

В документе говорилось: «Льготный въезд в Европейскую Россию китайцев допускался, кроме того, только для предприятий, находящихся в районе, ограниченном на западе меридианом р. Волги. Во исполнение постановления Совета Министров было сделано распоряжение о временной отмене паспортных стеснений, которые могли бы затруднить проведение в жизнь указанных мероприятий. Прежде всего, были частью отменены, а частью уменьшены, сборы, взимаемые с китайцев при переезде их через границу... А также были отменены все паспортные формальности, установленные для китайцев и корейцев, и даже обмен документов на русские билеты был признан необязательным. В пределы Империи льготно допускались все рабочие – китайцы и корейцы, приглашенные на работы в металлургические и каменноугольные предприятия, при условии предъявления этими рабочими своих национальных паспортов, снабженных визой наших консульских установлений. Требовалось, чтобы в визе, помимо указанных имени и фамилии лица, отправляющегося в Россию, а также его лет и подданства, указывалось, на какой именно завод или на какие именно рудники лицо это приглашено».

4 апреля 1916 г. царем были утверждены новые правила об условиях применения в Империи труда рабочих желтой расы. Совет Министров в заседании 14 июня 1916 г. признал полезным, чтобы вопрос о порядке найма и перевозке китайских рабочих в Россию был вновь подвергнут всестороннему рассмотрению в междоуведомственном при Министерстве земледелия. Проектом были предусмотрены льготы, которыми будут пользоваться китайцы, и подробно установлены меры против заноса желтолицыми в наши пределы эпидемий. Далее, по мнению Совета, представлялось бы возможным разрешить предприятиям при выписке рабочих, вместо требуемого правилами денежного залога, представлять удостоверение подлежащего Министерству о нахождении в распоряжении последнего надлежащего обеспечения, гарантирующего своевременный взнос данным предприятием необходимой суммы на обратное следование рабочих в Китай.

Совет Министров выработал новые «правила о найме и перевозке рабочих желтой расы», которые были Высочайше утверждены 27 сентября 1916 г.:

«1. Применение труда рабочих желтой расы допускается на основании сих правил, в местностях Империи, расположенных к западу от Байкала, за исключением района военных действий.

Примечание. В пределах театра военных действий местности, где допускается применение труда рабочих желтой расы, определяется Начальником Штаба Верховного Главнокомандующего.

2. Организация найма и надзор за наймом рабочих китайцев для нужд правительственных и общественных учреждений, а равно для частных предприятий общепользовного значения, возлагаются на управление Китайской Восточной железной дороги.

3. Рабочие, нанятые при посредстве управления Китайской Восточной железной дорогой, пользуются при переезде нижеследующими льготами:

а) освобождением от выборки русских паспортов, каковые заменяются для этих рабочих национальными паспортами, визированными в Харбинском Генеральном Консульстве, и прочими паспортными льготами, предусмотренными в постановлении Совета министров от 30 июля 1915 г.;

б) перевозкою по железным дорогам отдельными вагонами по тарифу IV класса;

в) бесплатной медицинской помощью по всему пути следования;

г) правом беспрошленного пропуска предназначенных для них предметов одежды, обуви. Домашнего инвентаря /котлы, решетки, циновки, одеяла и т.п./ и рабочего инструмента, поименованных в выдаваемых управлением Китайской Восточной железной дороги документах;

е) правом провоза, при обратном возвращении, заработанных ими сумм, независимо от размера последних.

4. Управление Китайской Восточной железной дороги оказывает содействие найму желтых рабочих лишь в тех случаях, когда учреждение, предприятие или отдельное лицо, либо объединившиеся по выписки китайцев рабочая группа таковых учреждений. Предприятий или лиц нанимают рабочих партиями не менее 1000 человек на срок не менее 9 месяцев.

5. Учреждения, предприятия и лица, желающие нанять рабочих китайцев при посредничестве управления Китайской Восточной железной дороги, посылают в Харбин своих уполномоченных, снабженных надлежащими доверенностями, для выяснения условий найма, подписания с рабочими договоров и вноса денежных сумм, предусмотренных в статьях 6 и 7 настоящего условия.

Примечание. Для учреждений, предприятий и лиц, не имеющих возможности командировать в Харбин своих уполномоченных, наем и отправка рабочих могут быть производимы и непосредственным распоряжением управления Китайской Восточной железной дороги...

6. При выписке рабочих правительственные и общественные учреждения, перед отправкой рабочих, вносят управлению Китайской Восточной железной дороги:

а) плату за провоз рабочих до места назначения по тарифу IV класса;

б) стоимость довольствия рабочих по пути по расчету, заранее установленному управлением Китайской Восточной железной дорогой.

7. Частные предприятия сверх сумм, указанных в статье 6, вносят перед отправкой рабочих в депозит управления Китайской Восточной железной дорогой еще залог, обеспечивающий обратное следование нанятых рабочих, в размере стоимости...

Примечание. Взнос залога в депозит управления Китайской Восточной железной дорогой может заменяться представлением удостоверений подлежащего Министерства...

8. Общественные учреждения, частные предприятия, в том числе и железные дороги, или отдельные лица, нанимающие китайцев, обязываются одновременно с их выпискою испрашивать через Губернатора, по месту работ, разрешение на учреждение на свои средства, на общих основаниях... должностей полицейских, городских и стражников, по расчету одного на 50 китайских рабочих.

9. Во главе каждой партии китайских рабочих должно стоять ответственное лицо (староста), известное Российским консульским учреждениям или управлению Китайской Восточной железной дорогой.

10. Перед отправкою, взамен национальных паспортов, подлежащих отобранию и пересылке на места работ, старосте партии выдается одно проходное свидетельство с перечислением в нем всех входящих в состав партии рабочих с указанного места работы.

11. О времени отправки каждой партии ставится в известность как само нанимающее учреждение, предприятие или лицо, так и губернское начальство местности, куда рабочие направляются, а равно врачебно-продовольственные пункты, расположенные по пути следования рабочих.

12. Отправка рабочих производится целыми поездами или отдельными вагонами, причем на каждый эшелон китайцев составляется с таким расчетом, чтобы в него входили партии, направляющиеся в одни и те же районы работ.

13. Каждый поезд должен сопровождаться до станции Маньчжурии особо назначенным агентом Переселенческого Управления. В случае необходимости разделить поезд на какой-либо станции на отдельные партии, направляющиеся в разные места, каждую партию должен сопровождать агент.

14. Санитарный надзор над следованием рабочих организуется по указанию Верховного Начальника Санитарной и Эвакуационной Части возлагается:

а) по линии Китайской Восточной железной дороги до станции Маньчжурия включительно – на управление названной дороги и учреждений последней;

б) по линиям Забайкальской, Томской, Омской, железных дорог – на учреждения, заведывающие передвижением переселенцев, под общим руководством Иркутского генерал-губернатора;

в) в пределах железнодорожной сети Европейской России – на основаниях, указанных в приказе Верховного Начальника Санитарной и Эвакуационной части 1916 г № 140;

г) при следовании по грунтовым и водным путям – на подлежащие земским и заменяющие их учреждения, под руководством Губернаторов.

15. Перед отправлением рабочие подвергаются санитарному осмотру и в случае надобности, обсервации.

Кроме того, порядок и места коих определены по соглашению управления Китайской Восточной железной дорогой с Иркутским Генерал-Губернатором с утверждения Верховного Начальника Санитарной и Эвакуационной Части.

16. По прибытии на место работы, желтые сдаются агентом учреждению, предприятию или лицу, нанявшему их, на обязанность которых возлагается ежедневный учет желтых и немедленное сообщение администрации о каждом случае убыли или недостачи.

17. До истечения срока найма рабочие могут перейти в другое предприятие лишь при согласии на это лица, или нанявшего и с разрешения местного губернского начальства.

18. По истечении срока найма переход рабочих в другое предприятие допускается только с разрешения губернского начальства.

19. Получающее рабочих предприятие вносит в депозиты местного губернатора предусмотренный ст.7 залог, а первоначальному нанимателю выдается удостоверение на получение обратного залога...

20. При выписке рабочих земскими и иными общественными учреждениями для нужд отдельных предприятий, переуступка рабочих одним предприятием другому разрешается сими учреждениями с доведением лишь до сведения губернского начальства о состоявшемся переходе рабочих.

21. Настоящим правилам подчиняется и обратное следование рабочих.

22. Разрешение вопросов, возникающих при применении настоящих правил, а равно распределение требований на рабочих между отдельными учреждениями и предприятиями в случаях невозможности удовлетворить все поступившие запросы полностью, возлагаются на Межведомственное Совещание, под председательством Товарища Председателя Правления Общества Китайской Восточной железной дороги, в составе представителей Верховного Начальника Санитарной и Эвакуационной Части и

ведомств: Военного, Финансов, Земледелия, Внутренних Дел, Путей Сообщения, Торговли и Промышленности и Государственного Контроля».

С началом Первой мировой войны повысилось значение Урала, крупнейшего тылового района металлургической и металлообрабатывающей промышленности. Расширение производства и перестройка заводов на выпуск военной продукции при значительном сокращении по причине мобилизации русских рабочих рук привело к необходимости привлечения иностранного труда. Накопленный опыт использования китайского труда на Востоке России, а также наличие удобных и безопасных коммуникаций, связывавших Урал с Китаем, создавали перспективы привлечения китайских рабочих на уральские предприятия.

Китайская республика сохраняла нейтралитет в первые годы войны, но находилась в колониальной зависимости от стран Антанты, что при наличии массовой безработицы и нищеты в стране позволило быстро организовать наем китайцев для работ в России. В силу того, что промышленный Урал был отдален от театра военных действий и от густонаселенных районов России, именно на заводы Пермского края с началом войны был направлен основной поток китайских рабочих.

«История и организация дела снабжения наших промышленных предприятия желтым трудом из Харбина» в течение первого года Первой мировой войны была представлена в «донесении Императорского Российского Генерального Консульства в Харбине в Четвертый политический отдел Министерства иностранных дел от 31 августа 1915 г.». В документе, в частности, говорилось: «Бывший сотрудник местной газеты «Новости жизни» Н. Л. Каплан, собирая по поручению редактора газеты «Харбинский вестник» сведения и статистические данные о переменах, происшедших в нашей промышленной жизни в первые три месяца 1915 г., обнаружил, что промышленность испытывает большой недостаток в рабочих, и это обстоятельство навело его на мысль восполнить число недостающих рабочих китайскими рабочими.

Идея эта распространилась по городу, и появился целый ряд предпринимателей, желавших заняться поставкой китайских рабочих. Тогда г. Каплан, опасаясь, что осуществление поданной им идеи ускользнет из его рук и, не располагая средствами для дальнейшей организации этого дела, предложил двум крупным пайщикам Акционерного Общества «Восточно-Иркутское Мукомольное Товарищество» Г. Б. и Д. Е. Дризиным принять участие в деле поставки рабочих. Свой выбор на вышеназванных лицах г. Каплан остановил потому, что фирма, участниками которой они являются, известна в России, имеет две мельницы в Харбине, склады в Чите, Хабаровске, Благовещенске, станции Маньчжурия.

Сам Каплан вступил на службу Дризина в качестве организатора будущего дела по отправке китайцев-рабочих. Располагая средствами, г. Дризин вступил в более интенсивную переписку с заинтересованными ведомствами... и вопрос о китайских рабочих разрешился в благоприятном смысле. Первоначально предполагалось поставка рабочих в Донецкий бассейн и на Юг России, затем, по санитарным соображениям, пользование желтым трудом было ограничено меридианом реки Волги. К Дризину стали поступать конкретные предложения по доставке партий рабочих от крупных заводов Пермской губернии. Заказы эти были выполнены удачно и предложения повторились. Фирма Дризина находилась в отношениях со следующими предприятиями:

– заводами и копиями Князя С. С. Абамелек-Лазарева на станциях Кизель, Половинная, Губаха и Чусовская Пермской железной дороги. Сюда отправлено 2750 человек, которые по специальностям распределяются следующим образом: 2600 углекопов, 50 технических мастеров, 50 плотников и 50 каменщиков. Предвидится еще отправка лесорубов до 1500 человек, но они пока еще не пойдут.

– Акционерным обществом Верх-Исетских горных и механических заводов, бывших Яковлева, выделяющих листовое железо. Заключен договор на поставку 1.000 рабочих, а именно 500 лесорубов и 500 углекопов, из них отправлено две партии в 250 и 350 человек, отправка последней партии предполагается сегодня. Партия считается пробной.

Если окажется удачной, то предстоит отправка дальнейшая. Всего не хватает 15000 лесорубов.

– **Обществом Кыштымских горных заводов**, добывающим медь. Отправляется 250 рудничных рабочих и 150 лесорубов. По статистическим данным фирме Дризина известно, что на лесных порубках потребуется 15000 человек. Недостача рабочих рук доходит до 80%.

– Камским Акционерным обществом, перешедшим в ведение Военного ведомства. Общество владеет механическими заводами на ст. Чусовская. Заводы оборудованы станками, перевезенными с Пермского пушечного завода, и требуют 2000 рудничных рабочих и 500 лесорубов. С перечисленными предприятиями договоры окончательно заключены и заказы большей частью выполнены.

Кроме того, велись переговоры со следующими крупными горнопромышленными предприятиями:

– Богословским горно-заводским обществом, владеющим железоделательными и медеплавильными предприятиями на Урале. Требуется 750 рудничных рабочих и 750 лесорубов. Переговоры не закончены в виду того, что завод настаивает на сдельной плате рабочим.

– Сергинско-Уфалейским заводом на Урале, выделяющим железо, рельсы, проволоку, канаты и гвозди. Требуется 500 рудничных рабочих и 500 лесорубов. Положение переговоров таково: завод ожидает уведомления Дризина о возможности приступить к отправке тогда же немедленно переведет деньги.

– Нижнее-Тагильским чугуноплавильным и литейным заводом в Нижнем Тагиле. Требуется 1500 лесорубов, переговоры в таком же положении, как и с Сергинско-Уфалейским заводом.

– Акционерным обществом Алапаевского горного округа. Железоделательные, трубо- и рельсопрокатные заводы, находящиеся ныне в ведении Военной Администрации, требуется 1000 рабочих на пробу...

Отправляемые рабочие нанимались на юге Маньчжурии в районах Мукдена и Инкоу. Незначительная часть из Чифу. Лесорубы главным образом привозились по Восточной Линии Китайской Восточной железной дороги и в районах Гирина и Нингуты. Конторы Дризина в Мукдене и Инкоу заключали с подрядчиками китайцами условия об образовании артелей рабочих определенной специальности, от 18 до 45 лет, физически здоровых, что устанавливалось предварительным медицинским осмотром на месте. Осмотр этот вменялся в обязанность подрядчику, организующему артель. Когда артель была собрана, подрядчик доставлял ее в Мукден или Инкоу, где эти артели размещались в нанятых г. Дризиным больших китайских постоянных дворах. С момента найма и регистрации артели переходили на иждивение Контор фирмы Дризина. Партиями по 200-250 человек они направлялись в Харбин через Чанчунь, где агент Дризина следил за пересадкой, снабжал рабочих продовольствием и нарукавными значками. По прибытии в Харбин рабочие размещались в пригороде Модягоу в специально построенных г. Дризиным бараках на 1200 человек. Бараки были хорошо оборудованы, имели электрическое освещение, изоляционный пункт, помещение для медицинского осмотра и комнату для фотографии. Здесь рабочие подвергались подробному медицинскому осмотру, заведенному по инициативе г. Дризина и производимому двумя врачами – Чернявским и Кауфманом; результат осмотра заносился в особые медицинские свидетельства... Зарегистрированные рабочие снабжались паспортами, выдаваемыми Цицикарским Бюро, и отправлялись на место назначения в теплушках сквозными поездами, в сопровождении охраны своих старшинок и переводчика, партиями в 350-500 человек. При отправке рабочие получали полный комплект китайского платья и обуви, а также провиант до ст. Маньчжурия. Для дальнейшего снабжения рабочих съестными припасами и оказания им содействия в пути у Дризина имелись агентства на станции Маньчжурия, в Иркутске, Ачинске, Омске, Тайге и Екатеринбурге, который служит распределительным пунктом, откуда рабочие отправлялись непосредственно на заводы...

Снабжение отправляемых китайских рабочих национальными паспортами производилось Цицикарским Бюро беспрепятственно; местные китайские власти интересовались лишь о том, в достаточной ли мере обеспечен в условиях найма обратный проезд рабочих в виду того, что в последнее время были случаи высылки китайцев, как нежелательных иностранцев из пределов России этапным порядком. В прилагаемых копиях договоров имелись отдельные пункты, которые должны были успокоить китайских властей на этот счет. Только в последнее время, очевидно в виду протеста германского правительства, Цицикарским Бюро получены запросы из Пекина относительно отправки китайских рабочих, каковые запросы заставили Председателя названного Бюро посоветовать г. Дризину непосредственным обращением в Императорскую Миссию в Пекине предупредить возможные препятствия со стороны Пекинского Правительства. По выдаче паспортов Цицикарским Бюро, таковые визируются в Генеральном Консульстве беспрепятственно в виду полученных из Императорского Министерства инструкций. Значительное число паспортов предъявляемых для визы, благодаря своевременно сделанному запасу соответствующих материалов и поступления паспортов два-три раза в неделю по 300-400 шт. в день не обременяет вверенное мне Генеральное Консульство и они визируются незамедлительно в день предъявления».

Весной 1916 г. в Харбин для организации агентства по найму китайцев был командирован горный инженер И. А. Минорский, заключивший в апреле несколько контрактов. После отставки И. А. Минорского в июне 1916 г. на его место в Харбин был командирован горный инженер Э. Ф. Меллер. В «выписке из Журнала заседания Межведомственного совещания для разрешения вопросов, возникающих при применении правил о найме и перевозке китайских рабочих» за 1 ноября 1916 г. говорилось: «Разрешить выписку рабочих с применением Правил 27-го сентября поименованным в прилагаемом при сем списке учреждениям и лицам в общем количестве 29405 человек».

Отправкой рабочих из Китая в Россию занимались и представители других европейских стран. Например, в документах на выезд в Россию китайца, выданных в Чжили 18 сентября 1916 г., было записано, что паспорт выдан «согласно просьбе бельгийского подданного Ли Цали о посылке 800 рабочих на работу в Россию. Бельгийский консул в Пекине гарантирует, что эти люди не будут принимать участие в военных действиях». После осложнения проблем, связанных с китайским трудом, китайское правительство стало чинить препятствия в наборе новых партий для работ в России. В этой ситуации большое значение получила дипломатическая поддержка британской и бельгийской дипломатии в Пекине.

В 1915-16 гг. основной поток китайских рабочих рук был направлен на Урал. Уже к сентябрю 1915 г. китайцы составили заметный процент рабочих на Урале (вместе с военнопленными – 15305 чел.). К осени 1916 г. на Урале работало свыше 10 тыс. китайцев, только в Богословском округе из 33 тыс. рабочих (включая 17 тыс. военнопленных) было 4 тыс. китайцев. На 1 сентября 1917 г. на предприятиях в Пермской губернии работало 11419 китайцев: 5331 – на Кизилевском заводе, 4323 – на Богословском заводе, 700 на – Половинских коях, 530 – на Пашинском заводе, 337 на – Чусовском заводе, 175 – на Верхне-Кыштымском заводе, 23 – на Верхне-Уфалейском заводе.

Привлечение и использование китайского труда в России сопровождалось ростом проблем и противоречий. Железные дороги и пограничные учреждения не справлялись с потоком китайцев, едущих через границу, а китайские власти и германская агентура пытались воспрепятствовать отправке китайцев в Россию. Генконсул в Харбине в 1915 г. сообщал: «Китайская Восточная железная дорога число предоставляемых г. Дризину вагонов ограничило десятью каждые два дня, тогда как другие дороги дают десять вагонов каждый день. Кроме того, Дризин жалуется, что, несмотря на полученные инструкции оказывать содействие, наша таможня в Маньчжурии также чинит препятствия при пропуске провозимого китайцами рабочими, в необходимом количестве платья,

хлеба, чая, сои и т.п. Причиняет немало хлопот, особенно на местах найма, деятельность германских агентов, которые распропагандируют рабочих, убеждая их в том, что предыдущие партии наняты для нужд армии, находятся под огнем и роют окопы. Рабочие осведомляются агентами о взятии Варшавы, успехах германского оружия и снабжаются печатными прокламациями, которые г. Дризин обещает представить Консульству дополнительно». В качестве примера агитации в Маньчжурии против отправки китайских рабочих в Россию, Иркутскому генерал-губернатору доставили листовку, которая начиналась со следующих слов: «Братья, братья, наши братья, неужели вы забыли 1900 год в Хабаровске и Благовещенске, где русские власти /русские люди/ топили в реке наших рабочих...». Далее в листовке говорилось: «Все нанятые рабочие отправляются туда для обслуживания обоза и копать окопы или же сражаться на передовых позициях. Там мучаются наши братья хуже, чем бы сидели в тюрьме и кто попадет туда тот от смерти не уйдет...».

Противоречия и недовольства вызывала разница в зарплате русских и китайских рабочих, но хозяева предприятий обосновывали ее более низкой производительностью труда китайцев. В еженедельнике «Промышленность и торговля» в конце 1916 г. отмечалось: «На Урале... появилось свыше десятка тысяч китайцев, работоспособность коих вообще очень низка...». Как и в прежние времена, власти и общество беспокоило то, что китайцы с сохранением своей культуры и быта, не совершенно не тратят заработанные в России деньги на месте, а получают все необходимое из Китая. Хотя современники все же признавали: «...мнение, будто бы китайцы настолько придерживаются своих обычаев, что ни за что не наденут другое, чужое платье, не будут питаться иначе, – неправильно. Многие китайские рабочие уже ходят в высоких сапогах, в брюках и пиджаках, кожаных куртках. Шапки носят такие же, как у русских. Раньше указывалось на то, что китайцы очень невыгодны, потому что носят и потребляют только предметы своего отечественного производства и не увеличивают товарообмена... В действительности и китайцы при некоторых затруднениях приобретают те же привычки, как и другие рабочие. Пища в действительности у них еще довольно первобытная. На Иннокентьевском прииске у китайцев служат женщины, – ничего, довольны, только жалуются на сильный запах бобового масла».

По мере расширения использования китайского труда в России, все большее значение приобретает недовольство китайцев существующим положением, их пассивное и активное сопротивление. Многие китайские рабочие бежали, как по пути следования, так и с самих предприятий в России. Уже в августе 1915 г. Генконсул Харбине сообщал в МИД: «Так например из 2900 рабочих, отправленных на заводы князя Абамелек-Лазарева прибыли на место лишь 2750 человек, что подтверждено администрацией заводов по телеграфу. Остальные отстали в пути или же бежали со ст. Маньчжурия, захватив с собой выданную одежду, и определились на другие работы».

1 ноября 1915 г. Министерство внутренних дел направило Иркутскому генерал-губернатору телеграмму: «Ввиду полученных сведений массовых побегов китайцев рабочих, нанятых конторою Дризина для горных Уральских заводов, в пути следования из Харбина в Екатеринбург и возможности нахождения среди китайцев шпионов благоволите сделать срочные распоряжения к поимке беглецов и высылке этапом на родину».

Целый комплекс проблем, возникших в первые же месяцы использования китайского труда на Урале, отражен в рапорте окружного инженера Чердынского горного округа в Уральское горное управление от 20 ноября 1915 г. «о положении дела в применении желтого труда /китайцев/ на Кизеловских каменноугольных копиях Князя С. С. Абамелек-Лазарева». В документе приводятся следующие факты и проблемы: «Спешность доставки и новизна дела вызвали много осложнений, которых можно было избежать при более спокойной организации не в военное время. Китайцы прибывали в Кизел партиями по 300-500 человек с конца июля до половины сентября (всего 2700 человек). С ними приехал подрядчик Куй-дин-сан, абсолютно незнакомый с горным делом, и

администрация копей. При всем желании организовать с ним дело, вынуждена была от этого отказаться, причем пришлось также отказаться и от работ поденным способом, как то было предложено в начале, и перейти на урочную и сдельную работу, что было предусмотрено первоначальным договором с фирмой Д. Е. Дризин.

Подбор рабочих при найме их означенной фирмой был весьма неудовлетворителен, и специалистов горнорабочих оказалась лишь половина всего числа доставленных рабочих. Кроме того, по-видимому, благодаря подмене в пути, в числе рабочих оказались больные сифилисом и др. и некоторый процент рабочих, не желавших работать. Благодаря этому работала лишь часть китайцев и работала в большинстве своем не важно.

Во второй половине сентября из Маньчжурии приехали новые подрядчики Ти-ю-син и Крылов, которые, ознакомившись в течение месяца с делом, 20 октября заключили с конторой Кизеловского округа договор... по которому они принимали всех доставленных китайских рабочих, гарантируя определенную их производительность. Фактически Нижнее-Губахинская копь была им передана еще 1 октября; остальные копи с 21 октября. Уже вскоре после приезда подрядчиков, на Половинкинской копи рабочие сказали, что не хотят работать от подрядчиков. С 24 октября понизилась добыча китайскими рабочими на Курмаковской копи, почти прекратилась на Половинке и на Княжеской копи, несмотря на то, что рабочие по-прежнему выходили на работу, были вполне спокойны и лишь на Половинке высказывались против подрядчиков.

Такое состояние работ объяснялось переходным временем, так как служащие новых подрядчиков еще не приехали, и для последних было трудно сразу взять в руки такое большое дело, раскинутое на 25 верстах без достаточного служебного персонала. 2 ноября на Половинке старшей администрацией копей было разъяснено старшинкам рабочих, что они переданы подрядчикам, что подрядчиками гарантированы рабочим прежние платы, и Контора будет следить за этим и за выполнением всех законных требований, как рабочих, так и подрядчиков. По-видимому, разъяснение это внесло успокоение между старшинками, и они принялись налаживать работу, но в ночь на 4 ноября толпа китайцев, неожиданно взбунтовавшись, убила одного переводчика, одного штейгера и опасно ранила другого переводчика.

Когда удалось выяснить и захватить убийц и лиц, причастных к убийству, китайцы начали говорить без опасения мести, и выяснилось, что между ними были лица-хунхузы, которые противились подрядчикам, потому что знали, что при подрядчиках-китайцах они рано или поздно будут открыты. Эти хунхузы запрещали другим рабочим работать свыше известной нормы и надеялись добиться отказа Конторы подрядчикам за неуспех работы, а тогда они стали бы фактическими хозяевами китайской массы, у которой они, не работая, находились бы на полном иждивении. По их же приказанию китайцы просили ввести явно несправедливый расчет рабочих по старшинкам (артелям), а не по забоям, при котором лентяи и усердные рабочие получали одинаковую заработную плату, что, понятно, лишало охоты работать и хороших работников. Китайцы были терроризированы этой кучкой хунхузов. Разысканные неблагонадежные элементы были удалены; произведена отсортировка ленивых и неспособных рабочих, а главари брожения арестованы и преданы военному суду; китайцы стали проявлять значительно больше усердия. Подрядчик Ти-ю-син выехал в Маньчжурию за наймом дополнительной партии – числом до полуторы или двух тысяч, образцовых, известных ему, рабочих, с приездом которых влияние оставшихся плохих рабочих еще более ослабеет. Все это давало надежду, что уже в ноябре, результаты китайской работы будут значительно повышаться и что дело совершенно направится к январю 1916 г.

13 ноября на Кизеловские копи приезжал Пермский губернатор, под председательством которого состоялось совещание, на котором были выработаны меры на предмет своевременного пресечения и искоренения нежелательных проявлений вредной агитации в среде китайских рабочих. Однако не было никакой уверенности в том, что агитация уменьшения производительности каменноугольных копей не является результатом немецкого влияния и подкупов со стороны немецких агентов в Маньчжурии,

старающихся внесением беспорядков среди направляющихся на работы в Россию рабочих китайцев подорвать у них доверие к нанимателям и тем самым тормозить крайне важную для государственной обороны работу в Русских горнопромышленных и в частности в каменноугольных предприятиях.

Выписанные заводоуправлением Кизеловских копей из Маньчжурии подрядчики прямо указывали на факт нашептывания едущим в Россию на работы китайцам какими-то подозрительными лицами не ехать в Россию на том основании, что китайцев выписывают не для работ, а везут на войну, на передовые позиции. Уральское Горное Управление считало крайней необходимостью выписанным в горнопромышленные предприятия отдельным китайцам было строжайше запрещено появляться за пределами территории того предприятия, где они работают, без особого разрешения администрации и полиции, т. к. этим можно избежать нежелательные перебежки и общение между отдельными китайскими группами на Урале, особенно в весеннее время, в проявлениях забастовочного характера, что может отразиться на производительности труда на горно-промышленных предприятиях и даже вселить беспокойство в массу русских рабочих. Крайне был необходим и соответственный строжайший полицейский надзор за всеми появляющимися вне территорий предприятий китайцами-торговцами и агентами Харбинских фирм. Заводоуправлениям предприятий рекомендовалось принять все меры к изысканию средств к удалению этапным порядком за пределы России членов хунхузских организаций и неблагонадежных рабочих китайцев.

Китайцы защищали свои интересы всюду, где бы они ни работали, а хозяева предприятий пытались лишить их этого права под предлогом вызванных войной чрезвычайных обстоятельств. Например, когда в апреле 1916 г. забастовали по причине невыдачи расчета 19 китайских приисковых рабочих, их заставили выйти на работу под угрозой наказания за саботаж в военное время. Из Управления АО Ольховских рудников писали в Минусинск: «Имея в виду, что Ольховские рудники работают на государственную оборону и, что поведение рабочих китайцев нарушает правильное течение работ и действует неблагоприятным образом на других рабочих Ольховских рудников, Управление имеет честь просить Ваше Высочородие оказать Ваше содействие в том смысле, чтобы этот поступок китайцев не остался безнаказанным...».

В документах зафиксировано несколько случаев вооруженного подавления выступления китайских рабочих на Урале, например, на Верхне-Губахинских копях, на заводе Злоказова. Рост напряженности в русско-китайских отношениях привел к тому, что уже в первые дни следования по России китайцы вступали в конфликты с местным населением. В мае 1916 г. в жандармской «ведомости о происшествиях» в Забайкалье говорилось: «при стоянке поездов № 104 и 21 на разъезде Седловой, при наборе кипятка в водогрейке, китайцем по неосторожности был облит кипятком смазчик поезда... Федор Безгачев, вследствие чего у Безгачева с китайцем произошла драка. К этой драке присоединились ехавшие в поезде № 21 китайцы в числе 150 человек; отстали от поезда и сделали бунт». Менее чем через две недели, на станции Адриановка произошла следующая массовая драка русских рабочих с китайцами, ехавшими на работы в Россию. В 1916 г. в прифронтной полосе фиксировались случаи вооруженного выступления китайских рабочих против русских властей.

Рост конфликтов, связанных с использованием китайского труда, заставил власти и предпринимателей обратить внимание на проблему недопущения ухудшения положения рабочих и предупреждения конфликтных ситуаций. В «выписке из Журнала заседания Междуведомственного совещания для разрешения вопросов, возникающих при применении правил о найме и перевозке китайских рабочих» за 1 ноября 1916 г. говорилось: «Довести до сведения надлежащих ведомств о необходимости оказать всяческое воздействие на подведомственные им учреждения, предприятия и лица, кои пользуются или будут пользоваться желтым трудом, в целях обеспечения китайцам-рабочим добропорядочного обращения с ними и исправного удовлетворения, как жизненных их потребностей, так и вытекающих из договоров с ними денежных условий,

а так же потребовать от названных учреждений, предприятий и лиц, чтобы они заблаговременно сообщали Переселенческому управлению о всяком случае предстоящей ликвидации китайской рабочей партии численностью свыше 100 человек... Обратить особое внимание на деятельность состоящих при рабочих партиях китайских переводчиков и подрядчиков».

Спрос на китайские рабочие руки на Урале, как и во всей России, исчез после начала в 1917 г. революции. В июле 1917 г. еженедельник «Промышленность и торговля» сообщил: «В виду продолжающегося ввоза в Россию законтрактованных рабочих-китайцев, Министр Труда обратился в междуведомственное совещание для разрешения вопросов о найме и перевозке рабочих желтой расы с письмом, в коем указывает, что ввоз законтрактованных китайцев при настоящих условиях рынка труда крайне нежелателен и необходимо принять срочные меры к воспрепятствованию означенного ввоза». Осенью 1917 г. началась эвакуация китайцев, которая была затруднена начавшейся Гражданской войной и иностранной интервенцией. Оставшиеся без работы, без средств к существованию китайские рабочие, не сумевшие вернуться на родину, пополнили ряды Красной армии. Так закончилась единственный в истории Урала непродолжительный, но оставивший значительный след в истории русско-китайских отношений, период массового использования труда китайских рабочих в русской промышленности.

(по материалам В. Г. Дацышен)

О причинах волнений китайских рабочих на Урале в период Первой мировой войны

С началом Первой мировой войны потребность в продукции уральских заводов, обслуживавших оборонную промышленность, резко увеличилась. Однако из-за начавшейся мобилизации на предприятиях Пермской губернии, составлявших большинство заводов Среднего Урала (преимущественно территории современных Свердловской области и Пермского края), обнаружился дефицит рабочих рук. По подсчетам историка А. П. Таняева в 1915 г. из 135,6 тыс. рабочих Урала по собственному желанию и по призыву на воинскую службу убыло 81,8 тыс. человек. В первые месяцы войны недостаток рабочей силы частично покрывали за счет труда женщин, детей и военнопленных. Но эти меры не решали проблему, и пермский губернатор М. А. Лозина-Лозинский по просьбе управляющего Абамелек-Лазаревских заводов в апреле 1915 г. обратился в Департамент полиции Министерства внутренних дел со следующей телеграммой: «...принимая во внимание недостаток горнорабочих на Урале, желание промышленников прийти на помощь к правительству усиленной добычей каменного угля прошу Департамент полиции не отказать в возможной поддержке возбужденного углепромышленниками ходатайства (о привлечении китайцев)», а 23 мая 1915 г. из Департамента полиции пришел положительный ответ. Таким образом, был запущен механизм по привлечению китайцев для работы на уральских заводах. С августа 1915 г. первые партии китайцев по 250-300 человек стали прибывать на Урал. Исследователи определяют численность китайцев на Урале в 1916 – начале 1917 г. в количестве от 7 до 10 тыс. человек (около 4% от общего числа работающих). В некоторых промышленных центрах, таких как угольные копи Абамелек-Лазарева, Алапаевские, Богословские заводы численность китайцев доходила до нескольких тысяч, поэтому проявление недовольства с их стороны могло вызвать остановку всего производства. В этой связи к бунтам китайцев администрации заводов относились со всей серьезностью и немедленно докладывали о них губернским властям.

В исторической науке проблема труда китайцев в России в годы Первой мировой войны и причин их недовольства неоднократно изучалась. Один из крупнейших исследователей истории участия китайцев в Гражданской войне, Н. А. Попов, писал, что «китайцы отказывались от работы на копах, неоднократно бастовали, выступали против администрации. Возмущенные плохим питанием и систематическим обманом ... «со стороны» администрации, они в ноябре 1915 г. разгромили контору шахты (в Кизеле)».

Другой исследователь, участник Гражданской войны А. Селенгин, писал, что в Алапаевске «стражники и подрядчики чувствовали себя маленькими царьками и, выжимая из рабочих последние соки, зверски издевались над ними». Такое отношение, по мнению автора, стало причиной того, что «чаша переполнилась, и в один из майских дней 1916 года китайцы забастовали». Н. А. Попов назвал события в Алапаевске «кровавой расправой», которая свидетельствовала о том, что «дружными стачками отвечали они на жестокую эксплуатацию и издевательства со стороны властей». А. П. Тяняев, подводя итог своему исследованию условий труда китайцев на Урале, писал: «Неудивительно, что не было ни одного завода, рудника или шахты, где бы китайские рабочие, выведенные из терпения этой бесчеловечной эксплуатацией, не бросали работы, что вело обычно к вооруженным столкновениям с полицией и стражниками».

Очевидно, что советские историки часто описывали волнения китайцев как классовый конфликт, рассматривая все противостояния с позиции китайцев, выступающих в роли угнетенного класса. Это было необходимо, чтоб в дальнейшем обосновать причины вступления китайцев в ряды Красной армии.

В современной историографии истории китайцев на Урале тема волнений также изучается, но уже не рассматривается так однозначно. А. И. Петров пишет, что причины восстаний «крылись как в русских людях, не желавших вникать в суть дела, так и в установленных китайкой администрацией порядках по организации оплаты труда, питания и отдыха рабочих». А. Г. Ларин в своей монографии признает, что у каждой из сторон конфликта существовал «коэффициент тенденциозности». А. Е. Рукосуев и Г. Н. Шумкин в своих статьях указывают, что основной причиной недовольства китайцев были «мошеничество администрации предприятий, подрядчиков и переводчиков». Тем не менее специальных исследований конкретных обстоятельств и причин волнений китайцев на Урале в годы Первой мировой войны еще не проводилось, хотя в Государственном архиве Пермского края (ГАПК) и Государственном архиве Свердловской области (ГАСО) имеется солидная источниковая база. В фонде Канцелярии пермского губернатора ГАПК сохранились отдельные дела, посвященные наиболее крупным бунтам китайцев на Урале. В переписке губернатора с уездными исправниками, горными инженерами, полицмейстерами, приставами встречаются отчеты и упоминания об отдельных бунтах, их причинах и итогах. Кроме этого, в сборнике документов «Рабочее движение в годы войны» собраны данные, касающиеся забастовочного движения китайских рабочих на ряде заводов Урала. Данные материалы, по мнению автора, позволяют объективно реконструировать исторические факты.

В данной статье автором была сделана попытка восстановить на основании источников обстоятельства всех упомянутых бунтов китайцев на Урале в период Первой мировой войны и ответить на вопрос об их существенных сторонах. Для этого, помимо сбора и систематизации собранного материала, проведена типологизация всех случаев проявления китайцами недовольства по причинам их возникновения. Полученные выводы позволяют пересмотреть однозначные оценки исследователей советского периода.

Первые случаи недовольства китайцев на Урале были отмечены уже в первые недели их пребывания – 26 июня 1915 г. на Половинских копиях Кизеловского горного округа. Произошла драка между 50-ю китайцами, которых потом выслали на другую копию. В ходе столкновения было арестовано пять рабочих-китайцев. «Когда этих пять человек забирали, то толпа требовала их освобождения и успокоилась лишь тогда, когда стражники разогнали ее плетью», – сообщал в своем отчете вице-губернатор Н. Н. Максимов. Администрация завода ответила на это расширением штата стражников до 15 человек.

В дальнейшем ситуация только ухудшалась. Уже 11 августа партия китайцев числом в 128 человек из прибывших в Кизеловский горный округ, несмотря на заключенные договоры, на работы с 4 по 6 августа не вышла. Находя поденную плату 60-70 коп., низкой, китайцы требовали увеличения платы до 1 р. 10 коп. Но когда им было разъяснено несоответствие их требований, они к работам приступили».

На Верхне-Губахинских коях 28 сентября 1915 г. шесть китайцев смогли собрать вокруг себя толпу китайцев в шестьсот человек и предъявить администрации требование о возврате удержанных с каждого из них 5 рублей в обеспечение залога, что не соответствовало условиям контракта. Требования выполнены не были. А 18 октября на медном руднике Верх-Исетского завода произошла ссора, а затем драка между работающими там китайцами, причем одному из них, Хуа Тыхоу, были нанесены ножевые ранения. Когда местные стражники всех участников стычки задержали и начали проводить расследование, «толпа китайцев в триста человек, вооружившись чем попало, стегами, лопатами и камнями, напала на помещение, пытаясь отбить арестованных». Бунт удалось подавить силами имеющихся стражников. Однако они использовали холодное оружие и ранили некоторых участников.

На Соймановских промыслах Кыштымского Акционерного общества 12 ноября партия из двухсот дроворубов, разбившись на несколько групп, ушла по нескольким направлениям, пробиваясь к железнодорожной линии. Причина их недовольства – несправедливый расчет за проделанную работу со стороны администрации заводов. В тот же день китайцы-дроворубы, работающие в Нижне-Уфалейском заводе, численностью 74 человека прекратили работу и явились в заводскую контору, потребовав паспортов и расчета. Причем каких-либо нарушений со стороны администрации не было, просто китайцы сочли условия работы тяжелыми. Из них 69 ушли в направлении станции Верхний Уфалей. На следующий день работу оставили и остальные китайцы.

В ноябре же 1915 г. произошло крупнейшее в этом году волнение китайцев на Половинкинских коях Кизеловского горного округа. Крупная вспышка недовольства в среде китайцев на одной из шахт произошла на одной из шахт 4 ноября, в результате чего толпа китайцев убила одного переводчика, стражника-китайца и ранила другого переводчика, а 7 ноября восстали уже 74 человека. На следующий день было установлено, что в убийстве принимали участие еще тринадцать китайцев, которые, как сообщал соликамский уездный исправник, «выламывали двери в казармах, присутствовали при убийстве и являлись, следовательно, участниками этого преступления. Эти пятнадцать человек были арестованы». В ходе допроса, проведенного руководством копей, выяснилось, что среди китайцев «были хунхузы, которые противились подрядчикам»⁹. Хунхузами в начале XX в. называли организованные преступные группы китайцев, промышлявших грабежами и насилием. Администрации приграничных с Китаем губерний часто сталкивались с такими группами. О проблемах российских властей, связанных с хунхузами, писали практически все исследователи истории китайцев в России в начале XX в.

Как следует из итогового протокола расследования, хунхузы запрещали работать китайцам свыше установленной нормы и надеялись добиться отказа от договора с назначенными подрядчиками, в результате чего они могли рассчитывать на установление своей власти. Однако после их ареста ситуация, если верить источникам, нормализовалась. Об этом в сентябре 1916 г. писал и вице-губернатор Н. Максимов, докладывая начальнику губернии о ситуации на заводах: «Когда из среды китайцев были изъяты восемнадцать главарей, на коях все пошло нормально». Как видно, основная причина конфликта крылась во внутренних взаимоотношениях китайской общины, свидетелями которых уже по факту стали российские стражники.

С началом 1916 г., несмотря на принимаемые меры по усилению охраны, выступления китайцев продолжились. В январе 1916 г. на Белорецком заводе произошло крупное восстание китайцев, которые прибыли туда с 4 по 24 декабря. Все китайцы завода не вышли на работы 23 января. Недовольные своим положением, они побили представителя конторы, своего старшинку и переводчика. В отчете о нем администрации сообщалось, что «китайцы категорически отказались работать, ссылаясь на то, что фирма Д. Е. Дризин нанимала их не на тех условиях, которые изложены в договоре Белорецких заводов с указанной фирмой, а на совершенно иных.

Именно: срок работы шесть месяцев, из которых они три проработали в других заводах, и поденная плата 70 копеек на готовых харчах, готовой квартире с отоплением и освещением».

Поскольку администрация их требования не выполнила, китайцы покинули завод. В феврале 1916 г. волнение китайцев было отмечено также на Кыштымских каменно-угольных копиях, входивших в этот период в Екатеринбургский горный округ. А 23 февраля 1916 г. ни один из 130 работавших на копиях китайцев не вышел на работу. Управляющему копиями А. Секачеву китайцы сообщили, что «наблюдались случаи неправильной отметки десятниками проведенного за работой рабочего времени». После непродолжительных переговоров китайцев удалось убедить выйти на работу, и 25 февраля уже все китайцы работали.

Последнее из крупных восстаний, упомянутое в источниках, произошло в Алапаевске в мае 1916 г. О нем, как следует из документов, узнали не сразу. Верхотурский уездный исправник Г. И. Рупинский, в административном подчинении которого находился Алапаевск, сначала даже не сообщил о бунте губернатору. Однако информация о событиях 26–28 мая дошла до центральных властей, которая потребовала от местной доложить о происшедшем.

Согласно Г. И. Рупинскому, волнение началось 26 мая в пяти верстах от Алапаевска, на станции Мугай. Недовольство китайцев было вызвано тем, что накануне управляющим по доставке заводууправлению китайцев Жен Фученом был уволен состоявший при них заведующий работами Ли-Олин, уличенный Жен Фученом в мошенничестве и воровстве отпускаемого на довольствие китайцев провианта. Противостояние длилось до 27 апреля и было подавлено силами кавалерии. Бунт китайцев, случившийся в Алапаевске 27–28 мая 1916 г., вряд ли можно считать проявлением какой-либо революционности. По-видимому, имело место выяснение взаимоотношений внутри китайского сообщества, в которое вмешались российские стражники.

Исследователи истории китайцев в России не раз отмечали, что китайские общины жили по своим уставам и не подчинялись требованиям российского законодательства. Так, А. Г. Ларин в своей монографии писал: «Характерно, что многочисленные члены диаспоры (китайской.) не испытывали необходимости обращаться к российским властям для решения своих внутренних проблем». Скорее всего арест Жен Фученом Ли Олиня как раз был примером такого внутреннего конфликта. Бунтовавшие китайцы вряд ли хотели конфликта с российской стражей.

В этом же году произошел еще ряд восстаний в Надеждинском заводе. У работающих в Морозовском лесничестве Надеждинского завода китайцев 2 сентября были отобраны игральные карты и трое из них за непослушание были переведены лесничим в другой район, в связи с чем остальные китайцы в числе 50 человек высказали недовольство и оставили работу. Они требовали вернуть соотечественников и карты. После разъяснений заводского пристава о невозможности этого, китайцы принесли извинения и приступили к работам. На следующий день работающие в Надеждинском заводе в строительном и мартеновском цехах китайцы численностью 80 человек не получили расчета за август и отказались работать, заявив, что пока с ними не рассчитаются они работать не будут. Также китайцы потребовали дополнительно семь выходных дней в году. После того как им объяснили, что деньги будут выданы через несколько дней, а устанавливать себе выходные они самостоятельно не могут, китайцы успокоились.

Последний из серьезных конфликтов произошел в январе 1917 г. Китайцы Надеждинского лесничества в количестве 400 человек оставили работы и направились 16 января к Надеждинскому заводу. Пытавшихся остановить их стражников и переводчиков они побили. Узнав об этом, пристав Надеждинского завода Соловьев отправил навстречу китайцам отряд из 24 конных стражников. Увидев их, китайцы остановились и вступили в переговоры. Дальнейшее расследование причин недовольства китайцев временно исполняющим должность Верхотурского уездного исправника показало, что «много китайских барачников не получают ни керосина, ни свечей для освещения и некоторых

положенных по условию продуктов продовольствия; служащие же, которые заведуют отпуском продовольствия и предметов освещения уверяют, что они все материалы выдают исправно, доказывая свою невиновность письменными документами». Чиновник усомнился в порядочности российских служащих, полагая, что китайцы ведут себя более честно. Этот факт также косвенно подтверждает, что губернские власти досконально рассматривали причины всех конфликтов с китайцами и в случае нарушения их прав вставали на их сторону.

На основании изложенного можно сделать несколько выводов. Из проанализированных 13-и конфликтов китайцев с администрацией заводов только четыре (на Соймановских копиях в ноябре 1915 г., на Белорецком заводе в январе 1916 г., в Надеждинском заводе в сентябре 1916 г. и январе 1917 г.) возникли по причине недовольства китайцев исполнением администрацией условий договора; остальные восемь были имели другие причины. Пять конфликтов (в Кизеле в августе 1915 г., на Верхне-Губахинских копиях в сентябре 1915 г., в Верхне-Уфалейском заводе в ноябре 1915 г., в лесничестве и мартеновском цехе Надеждинского завода в сентябре 1916 г.) явились следствием непонимания китайцами условий договора, четыре остальных, в том числе два самых крупных (в Алапаевске и Кизеле), – результатом внутренних противоречий китайской общины, свидетелями которых стали представители администрации.

Таким образом, китайцы в целом были удовлетворены условиями работы, а конфликты редко имели «революционные» причины. При этом китайское сообщество оставалось довольно закрытым и малопонятным для местного населения и руководства предприятий. Неумение администрации работать с китайцами и нежелание последних жить по существующим законам чаще становились причинами разногласий, чем попытки администраций заводов ущемлять трудовые права мигрантов. Следовательно, мировой войны имели разные причины и случаи проявления китайцами недовольства в годы Первой мировой войны имели разные причины и не могут однозначно трактоваться как проявления «классовой» или «расовой» ненависти российской администрации к китайским рабочим.

М. С. Каменских

Как 96 тысяч рублей спасли от голода целый уезд

Поезда увозили на Первую мировую уральских крестьян. Возле распахнутых ворот усадеб стояли рыдающие бабы, за подолы которых цеплялись ребятишки... Как жить теперь без кормильца, кто пахать-сеять будет?

По закону, принятому ещё в 1912 г., семьям призванных на защиту Отечества полагалось до возвращения солдата домой получать «воспособление», равное денежной стоимости 1 пуда 28 фунтов муки, 10 фунтов крупы и 1 фунта постного масла в месяц на человека. Это могло облегчить существование горожан, но для крестьян не решало проблемы нехватки рабочих рук – выросшие хлеба могли остаться несжатыми.

Приближалась страда 1914 г., и об уборке урожая в хозяйствах мобилизованных предстояло задуматься местному самоуправлению – земству. К делу подошли ответственно, занявшись, прежде всего, статистическими подсчётами. Екатеринбургский уезд простирался от озера Увильды до Нейво-Шайтанского завода. Уже к 8 августа (то есть через восемь дней, как в Российской империи была объявлена всеобщая мобилизация) земская управа вычислила, что на территории, вверенной её попечению, осиротели 11 948 хозяйств. Из них 6 346 располагаются в земледельческих районах и имеют засеянные поля. Каждое посетили члены специально организованных «Волостных попечительств по призрению семей призванных на военную службу запасных нижних чинов и ратников ополчения». 10 августа к решению проблемы приступило губернское земское собрание в Перми. Оно выделило уезду на помощь солдатским семьям в уборке хлебов и обработке полей под озимые 96 855 рублей 50 копеек. Одному нуждающемуся хозяйству должно было достаться около 15 рублей, которые и начали рассылать на места уже с 14 августа.

4 202 семьи воспользовались поддержкой Екатеринбургского земства. На выделенное пособие они могли нанять работников, взять в аренду у более зажиточных соседей сельхозинвентарь.

«Население не испытывало нужды... Уборка хлебов прошла благополучно», – отмечал позднее председатель Екатеринбургского биржевого комитета.

Поработали дружно, урожай убрали без потерь, а деньги у земства еще остались. Резерв решили распределить на другие виды помощи семействам воюющих земляков. Деньги были нужны на покупку дров, кормов для дойных буренок, да и на оплату жилья в то время семье с детьми никак нельзя было истратить менее червонца в месяц. Только на отопление домов отправили пособия почти пяти тысячам солдаток в 48 волостей Екатеринбургского уезда. К ноябрю 1914 г. на вышеперечисленные цели израсходовали 45 071 рубль 79 копеек.

Война продолжалась, еще далеко было до возвращения домой наших земледельцев... А земство не собиралось отказывать в помощи землякам и уже заранее готовилось к следующему севу «проявить свою благотворительную помощь в деле обсеменения полей и других возможных нуждах среди семейств призванных».

Итоги Первой мировой войны

Первая мировая война закончилась поражением Германии и ее союзников. После заключения Компьенского перемирия державы-победительницы приступили к разработке планов послевоенного «урегулирования». Послевоенное мирное «урегулирование» в интересах держав-победительниц завершила Вашингтонская конференция 1921-1922 гг. Договоры с Германией и ее бывшими союзниками и соглашения, подписанные на Вашингтонской конференции, составили так называемую Версальско-Вашингтонскую систему устройства мира. Являясь результатом компромиссов и сделок, она не только не устранила противоречий между империалистическими державами, но значительно усилила их.

Между основными державами началась борьба за новый передел мира.

По своим масштабам и последствиям первая мировая война не имела себе равных во всей предшествующей истории человечества. Она длилась 4 года 3 месяца и 10 дней (с 1 августа 1914 г. по 11 ноября 1918 г.), охватив 38 стран с населением свыше 11,5 млрд. чел.

В странах Антанты было мобилизовано около 45 млн. чел., в коалиции Центральных держав – 25 млн., а всего 70 млн. чел.

Наиболее работоспособная часть была изъята из материального производства и брошена на взаимоистребление.

К концу войны численность сухопутных войск увеличилась по сравнению с мирным временем в России в 8,5 раза, во Франции в 5, в Германии в 9, в Австро-Венгрии в 8 раз.

Большая численность армий привела к образованию обширных фронтов, общая протяженность которых достигала 3-4 тыс. км.

Война потребовала мобилизации всех материальных ресурсов, показав решающую роль экономики в ходе вооруженной борьбы. Первая мировая война характеризовалась массовым применением многообразной боевой техники.

Промышленность воюющих держав дала фронту миллионы винтовок, свыше 1-го млн. ручных и станковых пулеметов, свыше 150 тыс. артиллерийских орудий, 47,7 млрд. патронов, свыше 1 млрд. снарядов, 9200 танков, около 18 тыс. самолетов. За годы войны число тяжелых артиллерийских орудий увеличилось в 8 раз, пулеметов в 20 раз, самолетов в 24 раза. Многомиллионные армии требовали непрерывного обеспечения их продовольствием, обмундированием, фуражом.

Рост военного производства был достигнут в основном за счет мирных отраслей промышленности и перенапряжения народного хозяйства. Это вело к нарушению пропорций между различными отраслями производства, а, в конечном счете, к снижению показателей экономики.

Особенно сильно было подорвано сельское хозяйство. Мобилизация в армию лишила деревню наиболее производительной рабочей силы и тягла.

Посевные площади сократились, упала урожайность, уменьшились поголовье скота и его продуктивность.

В городах Германии, Австро-Венгрии и России остро ощущался недостаток продовольствия, а затем разразился настоящий голод. Он распространился и на армию, где были снижены нормы довольствия.

Первая мировая война потребовала колоссальных финансовых затрат, которые во много раз превосходили затраты во всех предыдущих войнах. Научно обоснованной оценки общей стоимости первой мировой войны не существует.

Наиболее распространена в литературе оценка, данная американским экономистом Э. Богартом, который определил общую стоимость войны в 359,9 млрд. долл. золотом (699,4 млрд. руб.), в том числе прямые (бюджетные) расходы 280,3 млрд. долл. (405 млрд. руб.) и косвенные – 151,6 млрд. долл. (294,4 млрд. руб.).

Первая мировая война явилась важным этапом в истории военного искусства, в строительстве вооруженных сил.

В 1916 г. появились танки – мощная ударная и маневренная сила. Танковые войска быстро развивались и к концу войны в странах Антанты насчитывалось 8 тыс. танков.

Бурное развитие переживала авиация. Выделились различные рода авиации – истребительная, разведывательная, бомбардировочная, штурмовая. К концу войны воевавшие страны имели свыше 10 тыс. боевых самолетов. В борьбе с авиацией развилась противовоздушная оборона.

Возникли химические войска.

Значение конницы как рода войск снизилось, и к концу войны ее численность резко сократилась.

Значительно возросла роль войскового тыла и материально-технического обеспечения войск. Важное значение приобрел железнодорожный и автомобильный транспорт.

Война принесла человечеству невиданные лишения и страдания, всеобщий голод и разорение, привела все человечество на край пропасти.

В ходе войны произошло массовое уничтожение материальных ценностей, общая стоимость которых составляла 58 млрд. руб. Целые районы (особенно в Северной Франции) были превращены в пустыню.

9,5 млн. чел. было убито и умерло от ран, ранено 20 млн. чел., из них 3,5 млн. остались калеками. Наибольшие потери понесли Германия, Россия, Франция и Австро-Венгрия (66,6% всех потерь). Убыль населения по этим причинам только в 12 воевавших государствах составила свыше 20 млн. чел., в том числе в России 5 млн. чел., в Австро-Венгрии 4,4 млн. чел., в Германии 4,2 млн. чел.

Безработица, инфляция, рост налогов, повышение цен – все это обострило нужду, нищету, крайнюю необеспеченность подавляющего большинства населения воюющих стран. Крушение русской армии в первой мировой войне – закономерный этап развития социально-экономических процессов в России в начале XX столетия, результат ее внутренней и внешней политики в этот период.

Одержав ряд блестящих побед и потерпев несколько поражений, русская армия в первой мировой войне заявила о себе как о серьезной военной силе.

Однако вследствие серьезных внутренних и внешних причин русская армия не сумела своевременно занять твердую позицию в вопросах войны и революции и в результате этого скатилась на путь разрушения и раскола.

Последним испытанием остатков русской армии была Гражданская война в России, где победа была на стороне той ее части, которая пошла за Советской властью, которая по сравнению с царским самодержавием была более прогрессивной формой социально-экономического устройства общества и которая, к сожалению, не сумела в XX столетии доказать свою жизнеспособность.

Мир человека после Первой Мировой войны. «Потерянное поколение» в литературе

Все вы потерянное поколение,
вся молодежь, побывавшая на войне
Гертруда Стайн (1874-1946),
американская писательница

Эти слова были случайно услышаны американским писателем Э. Хемингуэем и пущены им в обиход. Слова «Все вы потерянное поколение» он поставил одним из двух эпиграфов к своему первому роману «И восходит солнце» («Фиеста», 1926). Со временем данное определение, точное и емкое, получило статус литературоведческого термина.

«Потерянное поколение» обычно называют людей, прошедших через Первую мировую войну, духовно травмированных, разуверившихся в ура-патриотических идеалах, некогда их увлекавших, подчас внутренне опустошенных или остро ощущающих свою неприкаянность и отчужденность от общества.

Каковы же истоки «потерянности» целого поколения? Первая мировая была испытанием для всего человечества. Можно представить, чем она стала для мальчиков, полных оптимизма, надежд и патриотических иллюзий. Помимо того, что они непосредственно попали в «мясорубку», как называли эту войну, их биография началась сразу с кульминации, с максимального перенапряжения душевных и физических сил, с тяжелейшего испытания, к которому они оказались абсолютно не подготовленными. Конечно, это был надлом. Война навсегда выбила их из привычной колеи, определила склад их мировоззрения – обостренно трагический.

Поэтические произведения «потерянного поколения» – поэмы Т. Элиота «Бесплодная земля» (1922) и «Полые люди» (1925), где героям свойственны то же чувство опустошенности и безысходности.

Писатели «потерянного поколения» никогда не составляли какой-либо литературной группы и не имели единой теоретической платформы, но общность судеб и впечатлений сформировала их сходные жизненные позиции: разочарование в социальных идеалах, поиски непреходящих ценностей, стоический индивидуализм. Вкупе с одинаковым, обостренно трагическим мироощущением, это определило наличие в прозе «потерянных» ряда общих черт, очевидных, несмотря на разнообразие индивидуальных художественных почерков отдельных авторов.

Общность проявляется во всем, начиная с тематики и кончая формой их произведений. Главные темы писателей этого поколения – война, фронтовые будни («Прощай оружие» (1929) Э. Хемингуэя, «Три солдата» (1921) Дос Пассоса, сборник рассказов «Эти тринадцать» (1926) У. Фолкнера и др.) и послевоенная действительность – «век джаза» («И восходит солнце» (1926) Э. Хемингуэя, «Солдатская награда» (1926) и «Москиты» (1927) У. Фолкнера, романы «Прекрасные, но обреченные» (1922) и «Великий Гэтсби» (1925), новеллистические сборники «Рассказы джазового века» (1922) и «Все печальные молодые люди» (1926) С. Фитцджеральда).

Обе темы в творчестве «потерянных» взаимосвязаны, и эта связь имеет причинно-следственный характер. В «военных» произведениях показаны истоки потерянности поколения: фронтовые эпизоды поданы всеми авторами жестко и не приукрашено – вразрез с тенденцией романтизации Первой мировой в официальной литературе. В произведениях о «мире после войны» показаны следствия – судорожное веселье «джазового века», напоминающее пляску на краю пропасти или пир во время чумы. Это мир искалеченных войной судеб и изломанных человеческих отношений.

Проблематика, занимающая «потерянных», тяготеет к изначальным мифологическим оппозициям человеческого мышления: война и мир, жизнь и смерть, любовь и смерть. Симптоматично, что смерть (и война как ее синоним) непременно выступает одним из элементов этих противопоставлений. Симптоматично и то, что эти вопросы решаются

«потерянными» отнюдь не в мифопоэтическом и не в отвлеченно-философском плане, а предельно конкретно и в большей или меньшей степени социально определено.

Все герои «военных» произведений чувствуют, что их одурачили, а затем предали. Лейтенант итальянской армии американец Фредерик Генри («Прощай, оружие!» Э. Хемингуэя) прямо говорит, что больше не верит трескучим фразам о «славе», «священном долге» и «величии нации». Все герои писателей «потерянного поколения» теряют веру в общество, принесшее своих детей в жертву «торгашеским расчетам», и демонстративно порывают с ним. Заключает «сепаратный мир» (то есть дезертирует из армии) лейтенант Генри, с головой погружаются в выпивки, кутежи и интимные переживания Джейкоб Барнс («И восходит солнце» Э. Хемингуэя), Джей Гэтсби («Великий Гэтсби» С. Фитцджеральда) и «все печальные молодые люди» Фитцджеральда, Хемингуэя и других прозаиков «потерянного поколения».

В чем же видят смысл бытия выжившие на войне герои их произведений? В самой жизни как она есть, в жизни каждого отдельного человека, и, прежде всего — в любви. Именно любовь занимает главенствующее место в системе их ценностей. Любовь, понимаемая как совершенный, гармоничный союз с женщиной – это и творчество, и товарищество (человеческое тепло рядом), и природное начало. Это сконцентрированная радость бытия, своего рода квинтэссенция всего, что есть стоящего в жизни, квинтэссенция самой жизни. Помимо того, любовь – самое индивидуальное, самое личное, единственно тебе принадлежащее переживание, что для «потерянных» весьма важно. По сути, доминирующая идея их произведений – идея безраздельного господства частного мира.

Все герои «потерянных» строят свой, альтернативный мир, где не должно быть места «торгашеским расчетам», политическим амбициям, войнам и смертям, всему тому безумию, которое творится вокруг. «Я не создан, чтобы воевать. Я создан, чтобы есть, пить и спать с Кэтрин», – говорит Фредерик Генри. Это кредо всех «потерянных». Они, однако, сами чувствуют непрочность и уязвимость своей позиции. Невозможно абсолютно отгородиться от большого враждебного мира: он то и дело вторгается в их жизнь. Не случайно любовь в произведениях писателей «потерянного поколения» спаяна со смертью: она почти всегда пресекается смертью. Умирает Кэтрин, возлюбленная Фредерика Генри («Прощай, оружие!»), случайная гибель незнакомой женщины влечет за собой смерть Джей Гэтсби («Великий Гэтсби») и т.д.

Не только гибель героя на передовой, но и смерть Кэтрин от родов, и гибель женщины под колесами автомобиля в «Великом Гэтсби», и смерть самого Джей Гэтсби, на первый взгляд, не имеющие никакого отношения к войне, оказываются связанными с ней накрепко. Эти безвременные и бессмысленные смерти выступают в романах «потерянных» своего рода художественным выражением мысли о неразумности и жестокости мира, о невозможности уйти от него, о недолговечности счастья. А эта мысль, в свою очередь, является прямым следствием военного опыта авторов, их душевного надлома, их травмированности. Смерть для них – синоним войны, и обе они – и война и смерть – выступают в их произведениях некоей апокалиптической метафорой современного мира. Мир произведений молодых писателей двадцатых годов – это мир, отрезанный Первой мировой от прошлого, изменившийся, мрачный, обреченный.

Прозе «потерянного поколения» свойственна безошибочно узнаваемая поэтика. Это лирическая проза, где факты действительности пропущены через призму восприятия смятенного героя, очень близкого автору. Не случайно, излюбленная форма «потерянных» – повествование от первого лица, предполагающее взамен эпически обстоятельного описания событий взволнованный, эмоциональный отклик на них.

Проза «потерянных» центростремительна: она не разворачивает человеческие судьбы во времени и пространстве, а напротив, сгущает, уплотняет действие. Для нее характерен краткий временной отрезок, как правило, кризисный в судьбе героя; он может включать в себя и воспоминания о прошлом, за счет чего происходит расширение тематики и уточнение обстоятельств, что отличает произведения Фолкнера и Фитцджеральда.

Ведущий композиционный принцип американской прозы двадцатых – принцип «сжатого времени», открытие английского писателя Джеймса Джойса, одного из трех «китов» европейского модернизма (наряду с М. Прустом и Ф. Кафкой).

Нельзя не заметить и определенного сходства сюжетных решений произведений писателей «потерянного поколения». Среди наиболее часто повторяющихся мотивов (элементарных единиц сюжета) – кратковременное, но полное счастье любви («Прощай, оружие!» Э. Хемингуэя, «Великий Гэтсби» С. Фитцджеральда), тщетные поиски бывшим фронтовиком своего места в послевоенной жизни («Великий Гэтсби» и «Ночь нежна» Фитцджеральда, «Солдатская награда» У. Фолкнера, «И восходит солнце» Э. Хемингуэя), нелепая и безвременная смерть одного из героев («Великий Гэтсби», «Прощай, оружие!»).

Все эти мотивы позднее были растиражированы самими «потерянными» (Хемингуэем и Фитцджеральдом), а главное – их подражателями, не нюхавшими пороха и не жившими на изломе эпох. Вследствие этого они порой воспринимаются как некие клише. Однако сходные сюжетные решения подсказывала писателям «потерянного поколения» сама жизнь: на фронте они ежедневно видели бессмысленную и безвременную смерть, они сами мучительно ощущали отсутствие твердой почвы под ногами в послевоенное время, и они, как никто, умели быть счастливыми, но их счастье часто было мимолетным, потому что война разводила людей и ломала судьбы. А обостренное чувство трагического и художественное чутье, свойственные «потерянному поколению», диктовали их обращение к предельным ситуациям человеческой жизни.

Большинству писателей «потерянного поколения» суждены были еще годы, а некоторым (Хемингуэю, Фолкнеру, Уайлдеру) и десятилетия творчества, но один лишь Фолкнер сумел вырваться из определенного в 20-е круга тем, проблематики, поэтики и стилистики, из магического круга шемящей печали и обреченности «потерянного поколения». Общность «потерянных», их духовное братство, замешанное на молодой горячей крови, оказалось сильнее продуманных выкладок различных литературных групп, которые распались, не оставляя следа в творчестве их участников.

Однако,

Деятельность в Первой мировой войне принесла Эрнесту Хемингуэю славу и почет. В Италии его наградили серебряной медалью «За доблесть». Доктора обнаружили множество осколков минометных снарядов в его ногах, но Хемингуэй продолжал оказывать медицинскую помощь солдатам. Сам писатель имел более 200 боевых ранений.

Во время Первой Мировой писательница Агата Кристи работала медсестрой в военном госпитале. Позже работала в аптеке, потому хорошо разбирается в ядах и много убийств в ее книгах были совершены именно с помощью ядов.

Когда писатель Аркадий Аверченко во время Первой мировой войны принес в одну из редакций рассказ на военную тему, цензор вычеркнул из него фразу: «Небо синее было». Оказывается, по этим словам вражеские шпионы могли догадаться, что дело происходило на юге.

Первая мировая война в художественной литературе
Первая мировая война в творчестве российских писателей

Авдиенко, Е. В. Последние солдаты империи: роман / Е. В. Авдиенко. – М., 2010. – 304 с. – (Военные приключения).

В августе 1914 года началась война, в которую были втянуты многие мировые державы. Долгих четыре года продолжались кровопролитные сражения. Итог – 10 миллионов убитых, 22 миллиона раненых! Четыре мощные, экономически развитые державы – Россия, Германия, Австро-Венгрия и Османская империя – прекратили свое существование.

Акунин, Б. Смерть на брудершафт : аудиокнига / Б. Акунин. – 2008-2011.

Роман-кино «Смерть на брудершафт» Бориса Акунина – это цикл из 10 произведений приключенческо-детективного жанра.

Васильев, Б. Л. Дом, который построил дед: романы / Б. Васильев. – М., 2011. – 575 с. – (Великая судьба России).

Роман знакомит читателей с молодым поколением дворянского рода Олексиных. Судьбой им были уготованы тяжкие испытания: Первая мировая война, отречение государя, революция, Гражданская война... Разлом российской государственности повлек за собой и раскол семьи, заставив ее членов стать по разные стороны баррикад. Но главный герой, с честью пройдя через многие мытарства, до конца остался верен себе, своему долгу и своему Отечеству.

Горький, М. Жизнь Клима Самгина / М. Горький. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1956. – 2086 с.

В своем романе М. Горький поставил перед собою задачу изобразить с возможной полнотой сорок лет жизни России, от 80-х годов до 1918-го. Роман должен иметь характер хроники, которая отметит все наиболее крупные события этих лет, особенно же годы царствования Николая Второго.

Пастернак, Б. Л. Доктор Живаго : роман / Б.Л. Пастернак. – М. , 2008. – 606 с. : ил. – (Школьная библиотека).

Итоговое произведение Бориса Леонидовича Пастернака (1890–1960), удостоенного за этот роман в 1958 г. Нобелевской премии по литературе. Роман, явившийся по собственной оценке автора вершинным его достижением, воплотил в себе пронзительно искренний рассказ о нравственном опыте поколения, к которому принадлежал Б. Л. Пастернак, а также глубокие размышления об исторической судьбе страны.

Пикуль, В. С. Моонзунд: роман-хроника / Валентин Пикуль. – М., 1985. – 528 с. : ил.

... Первая мировая. Канун революции. Страшное для нашей страны время... И - легенда о Балтийском флоте, совершавшем чудеса героизма в неравных боях с германской армией за Моонзунд. Легенда об отваге офицеров - и почти самоубийственном мужестве простых моряков!.. Одна из самых сильных, жестких и многогранных книг В. Пикуля. Книга, захватывающая с первой страницы - и держащая в напряжении до страницы последней!..

Пикуль, В. С. Честь имею : Исповедь офицера российского Генштаба : роман / В. Пикуль. – М., 1991. – 447,[1] с.

Один из самых известных исторических романов В. Пикуля. Вот уже несколько десятилетий читателя буквально завораживают приключения офицера Российского Генерального штаба, ставшего профессиональным разведчиком и свидетелем политических и дипломатических интриг, которые привели к Первой мировой войне.

Сергеев-Ценский, С. Брусиловский прорыв. Часть 1 / С. Сергеев-Ценский. – Дальневосточное государственное издательство, 1943. – 216 с.

Исторический роман о Первой мировой войне; в 1946 подвергся критике как «идеологически вредный».

Сергеев-Ценский, С. Н. Преображение России: эпопея / С. Н. Сергеев-Ценский. – М., 1991. – 544с., илл. – Содерж. : Ленин в августе 1914 г. Капитан Коняев. Львы и солнце. Весна в Крыму. Искать, всегда искать! Свидание.

Историко-революционная эпопея «Преображение России» – главный творческий труд Сергея Николаевича Сергеева-Ценского (1875-1958), монументальное произведение, которое было задумано художником еще в начале его литературной деятельности, создавалось более 40 лет и включает двенадцать романов, три повести и два этюда.

Время действия всего цикла сосредоточено на периоде от начала Первой мировой войны и до Февральской революции; все произведения, входящие в цикл, объединены между собой несколькими действующими лицами. При этом пять романов, написанных в 1934-1944 гг. и повествующих о событиях войны, отличаются тем, что в них приведены различные исторические документы, выдержки из газет и комментарии.

Солженицын, А. И. Красное колесо: повествование об отмеренных сроках. Узел 1: август четырнадцатого. Кн. 2 / Солженицын, А. И. Собрание сочинений в 30-ти томах: Т. 8. – М., 2007. – 534 с.

«Август Четырнадцатого» – первый узел исторической эпопеи «Красное Колесо». В нём не только произведен показ и анализ Самсоновской катастрофы, но дан художественный обзор царствования последнего императора Николая Второго вплоть до Первой мировой войны и ярко представлена фигура премьер-министра П. А. Столыпина, его труды, реформы и трагическая смерть.

Солженицын, А. И. Красное колесо. Узел 2. Октябрь Шестнадцатого. Книга 1.

В книге первой «Октября Шестнадцатого» развернута широкая картина социальной обстановки и общественных настроений в России на третьем году Первой мировой войны. На этом фоне прослеживаются личные судьбы персонажей, от простого солдата и рабочего-подпольщика до Государя Императора.

Солженицын, А. Красное колесо. Узел 3. Март Семнадцатого, 1.

Солженицын, А. Красное колесо. Узел 3. Март Семнадцатого, 2.

Солженицын, А. Красное колесо. Узел 3. Март Семнадцатого, 3.

Солженицын, А. Красное колесо. Узел IV. Апрель Семнадцатого.

Огромная эпопея из истории России, итоговое произведение великого писателя, где он пытается понять причины катастрофы, постигшей нашу страну в 20 веке.

Степанов, А. Семья Звонаревых. В двух книгах. Книга 1. – М. : Советская Россия, 1961. – 528 с.

Книга является продолжением известного исторического романа «Порт-Артур» и посвящена событиям в России 1905-1916 гг. В центре повествования супруги Звонаревы, Борейко, Енджеевский, Блохин и другие герои.

Толстой, А. Н. Хождение по мукам: трилогия / А.Н. Толстой. – М. – (Шк. б-ка).

Любовь и верность помогли сестрам Кате и Даше Булавиным, Ивану Телегину и Вадиму Рошину выжить в смуте революционных потрясений и огне гражданской войны. Русские люди, они полной мерой испили чашу горестей и страданий, выпавших на долю России. Их жизнь - с разлуками и встречами, смертельной опасностью и краткими испепеляющими минутами счастья - подлинное хождение по мукам с путеводной звездой надежды на темном небе.

Успенский, Л. 1916 / Л. Успенский. – М. : АСТ, 2010. – 320с. – (Великая судьба России).

Уникальный роман-эпопея Льва Успенского, не увидевший свет в 1937 году, возвращается к читателям спустя шестьдесят один год. Удивительна и симптоматична для того времени история этого неизданного текста. События романа разворачиваются в предреволюционной России и в Европе: брожение умов. Первая мировая война, тайные интриги, направленные против Империи... и калейдоскоп человеческих историй - предательство, любовь и заблуждения, подлость и геройства... И все это вскорости утеряет смысл. Все это рухнет, все будет сметено невероятным потоком времени...

Шмелев, И.С. «Карусель» (1916), «Суровые дни» и «Лик скрытый» (1917)

1-ю мировую войну И.С. Шмелев воспринял как тяжелое испытание для русского народа, откликнувшись на нее циклом рассказов.

Шолохов, М. А. Тихий Дон : роман: в 2 т. / М. А. Шолохов. – М. : Изд-во «Дрофа», 2007.

Роман «Тихий Дон», повествует о классовой борьбе в годы империалистической и гражданской войн на Дону, о трудном пути донского казачества в революцию.

Зарубежная художественная литература о Первой мировой войне

Барбюс, А. Огонь. Ясность: романы / А. Барбюс. – М., 1980. – 540 с.

Первое подлинно революционное произведение французской литературы XX века. Об империалистической войне 1914-1918 гг., о том, что произошло со многими участниками войны, ставшими революционерами, Барбюс рассказывает в романе «Ясность» (1919).

Гашек, Я. Похождения бравого солдата Швейка / Я. Гашек. – М. : Эксмо, 2009. – 640 с.

«Похождения бравого солдата Швейка» – самое популярное произведение чешской литературы, переведенное почти на все языки мира. Великий, оригинальный и хулиганский роман. Книга, которую можно воспринять и как «солдатскую байку», и как классическое произведение, непосредственно связанное с традициями Возрождения. Это искрометный текст, над которым смеешься до слез, и мощный призыв «сложить оружие», и одно из самых объективных исторических свидетельств в сатирической литературе.

Олдингтон, Р. Смерть героя / Р. Олдингтон. – М. : Изд. Дом Мещерякова, 2007. – 464 с. – (Переживая заново).

Роман Р. Олдингтона – страстный и саркастический рассказ об Англии начала XX века и катастрофе под названием «Первая мировая война». В центре повествования – молодой художник, который запутался в отношениях с женой и любовницей, ведет светскую жизнь... и попадает в ад войны.

Резкое неприятие автором викторианской Англии, парадоксальные размышления о семье и месте человека сделали «Смерть героя» манифестом «потерянного поколения» и по-прежнему заставляют читателя думать и переживать.

Олдингтон, Р. Все люди-враги : роман / Р. Олдингтон. Собрание сочинений в 4 т.: т. 3. – М., 1989. – 495 с.

Самый яркий и жестокий роман в литературной истории английского «потерянного поколения». История Антони – человека, для которого жизнь безжалостно разбита на половины – «до войны» и «после». «До» были чувства, надежды и иллюзии, вера и духовные искания – словом, все, что характерно для интеллигентного юноши из привилегированного класса. «После»... не осталось ничего, кроме горечи, разочарования и недоверия людям. Любовь? Болезненная плотская страсть. Дружба? Непонимание и взаимное одиночество. Основной инстинкт самосохранения по-прежнему заставляет Антони искать в жизни какого-то смысла, какого-то наполнения...

Ремарк, Э. М. На западном фронте без перемен / Э. М. Ремарк. – М.: АСТ, 2007. – 320 с.

Одно из наиболее ярких литературных произведений о Первой мировой войне. Их вырвали из привычной жизни... Их швырнули в кровавую грязь войны... Когда-то они были юношами, учившимися жить и мыслить. Теперь они - пушечное мясо. Солдаты. И учатся они – выживать и не думать. Тысячи и тысячи навеки лягут на полях Первой мировой. Тысячи и тысячи вернувшихся еще пожалеют, что не легли вместе с убитыми. Но пока что – на Западном фронте все еще без перемен...

Луи-Фердинанд Селин. Путешествие на край ночи / Л-Ф. Селин. – М.: Феникс, 1999. – 496 с.

Роман Луи Фердинанда Селина (1894 - 1961) «Путешествие на край ночи» (1932) - одно из ключевых произведений французской литературы XX в., обладающих зарядом огромной эмоциональной силы. Это бурлескная и горькая исповедь прошедшего сквозь «всеобщее свинство» Первой мировой войны и разуверившегося в жизни интеллигента.

Ян Улоф Ульссон. Трое из Хапаранды: Романтическая история времен Первой мировой войны / Я. Ульссон. – СПб.: Лениздат, 1993. – 208 с.

Трое из Хапаранды – остросюжетный роман в жанре политического детектива, принадлежит перу известного шведского писателя и публициста Яна Улофа Ульссона(1920-1974). Роман печатается на русском языке впервые.

Фолкнер, У. Притча / У. Фолкнер. – М.: Астрель, 2013. – 448 с.

Одна из легенд Первой мировой гласит, что немецкие и французские солдаты однажды вдруг поняли: они не враги, а обычные люди, что на свете есть вещи сильнее искусственно навязанной ненависти. Такова легенда. Но под пером Фолкнера легенда обретает неожиданно правдивые черты...

Себастьян Фолкс. Пение птиц. – 1993.

Это один из самых читаемых современных британских авторов. В список 21-й самой любимой книги Британии вошел его роман «Пение птиц» (1993).

Действие в нем разворачивается на Западном фронте Первой мировой войны. Молодой английский офицер Стивен Рэйсфорд направлен в окопы Сомма. Именно там – перед лицом смерти – он в уме восстанавливает повороты и перипетии своей довоенной любовной связи.

Кен Фоллетт. Гибель гигантов / К. Фоллетт. – М.: АСТ, 2012. – 896 с.

Действие романа относится к началу XX века и охватывает события, происходящие в канун Первой мировой войны, а также военное и послевоенное время.

Главные его герои – заводские рабочие и интеллектуалы, шахтеры, политики и аристократы России, Германии, Англии и США, чьи судьбы переплелись в затейливый и непредсказуемый узор. На их глазах рушится старый мир и гибнут империи, а их жизни вмещают в себя и эпохальные события, и неисчислимые беды, и тихие радости.

Хемингуэй, Э. Прощай, оружие! / Э. Хемингуэй. – М.: АСТ, 2009. – 384 с. – (Зарубежная классика).

Роман, прославивший Эрнеста Хемингуэя. Первая – и лучшая! – книга «потерянного поколения» англоязычной литературы о Первой мировой.

Книга о войне, на которой наивные мальчишки становились «пушечным мясом» – и либо гибли, либо ожесточались до предела. О войне, где любовь – лишь краткий миг покоя, не имеющий ни прошлого, ни будущего... О войне – о которой хочется забыть, но нельзя не помнить!..

Кинематограф Первой мировой войны

В то время как Голливуд утверждал себя в роли центра американской киноиндустрии, кинематограф в Европе находился в кризисе из-за Первой мировой войны. С 1914 по 1918 г. производство кинофильмов во многих странах Европы полностью прекратилось, что помогло Голливуду занять ведущие позиции в мире кино, и превратиться в кинематографическую Мекку.

С началом Первой мировой войны многие европейские киностудии закрылись, мало кто из политиков того времени способен был разглядеть в кинематографе бесценное средство военной пропаганды, для поднятия боевого духа народа.

Напротив, киноматериалы изымались, поскольку некоторые из использовавшихся в кинопроизводстве химикатов применялись в военной промышленности. В результате было уничтожено много уникальных кинолент.

Несмотря на то, что батальные сцены всегда были зрелищны. Тем не менее картины, посвященные тем или иным эпизодам военной истории, например, "Ватерлоо", редко добивались зрительского успеха. Быть может одна из причин этого состоит в том, что публика зачастую не знакома с исторической обстановкой, на фоне которой разворачивается действие той или иной военной киносаги, и поэтому не может в полной мере сопереживать героям.

Военный фильм как жанр возник в годы Первой мировой войны 1914-1918 гг. Но в самой Европе игровых лент на военную тему было снято очень мало. Однако после вступления в войну США, в 1917 г., Голливуд приступил к массовому выпуску военных лент, призванных оправдать этот шаг в глазах общественности, возбудить ненависть к противнику и тем самым привлечь граждан на военную службу. А также усиленно внедрял в массы чувство патриотизма и лютой ненависти к врагам отчизны.

Было снято большое количество военных фильмов, преимущественно, документальных, в стиле милитаристской пропаганды. Особой агрессивностью отличались картины «К дьяволу кайзера» и «Берлинское чудовище».

Но все же большинство таких «патриотических» фильмов были

сентиментальными мелодрамами. Например, картины «Маленькая американка» (1917 г.) и «Сердца мира» (1918 г.), где звезды вроде «вечной девушки-подростка» Мэри Пикфорд и Лилиан Гиш отважно противостояли «свирепым гуннам».

Стоит отметить, что весьма многим европейцам было не по душе, что им, как зрителям, Голливуд, навязывал пропагандистскую идею, что победой в Первой мировой войне союзники были обязаны, исключительно, американскому героизму.

И только в послевоенное время стали появляться картины, более объективно и реалистично отражавшие ход войны. Военные фильмы, появившиеся в 1920-е и 1930- гг., старались подчеркнуть бессмысленность и ужас мирового вооруженного конфликта: «Большой парад» (1925 г.), «Какова цена славы?» (1926 г.). С началом в кинематографе эры звука появляются такие известные картины, как «На западном фронте без перемен» (1930 г.), «Западный фронт, 1918» (1930 г.), «Утренний патруль» (1930 г.), «Дорога к славе» (1936 г.).

Но публика не желала, чтобы ей напоминали о только что пережитом ужаса войны и вскоре возобладал авантюрно-приключенческий стиль в военной теме. Особой популярностью пользовались фильмы, посвященные авиации. Прекрасными образцами

фильмов, в процессе создания которых применялись новые технологии стали «Крылья» (1927 г.) и «Ангелы Ада» (1930 г.).

«Крылья» Уилльяма Уэллмана представляли голливудскую романтическую историю, мастерски поставленную на фоне взлетающих аэропланов. Действие происходит во время Первой мировой войны в многострадальной Франции, в небе которой два американских пилота разыгрывают воздушный спектакль на глазах своих французских подружек.

«Небесные» сцены, поставленные Роєм Поумроем, придают действию уникальность, достойную врученной ему премии первой награды Американской академии за специальные эффекты в кино.

Сцены воздушных боев действительно восхищают, так как в те времена и речи не было о надежной страховке во время исполнения трюков (до сих пор ходят слухи о несчастных случаях во время съемок, якобы скрывааемых продюсерами).

Режиссер, будучи сам военным летчиком, со знанием дела запечатлел воздушные баталии, а также и земные будни эскадрильи «Лафайет», как полагается, обрвав героизм летчиков мелодраматическим хеппи-эндом – один из летчиков погибает в бою, оставляя живущим надежду на лучшую жизнь.

«Крылья» первая кинокартина, получившая премию «Оскар» (1927-28) в номинации «Лучший фильм».

Фильмы о Первой мировой войне

«Адмирал» (Россия, 2008). Историко-художественный кинофильм режиссера Андрея Кравчука, повествующий о жизни боевого офицера военно-морского флота, впоследствии адмирала, руководителя Белого движения и Верховного правителя России Александра Васильевича Колчака.

«Ангелы ада» (США, 1930). Фильм о военных летчиках.

«Асы в небе» (США, Великобритания). Военная драма.

«Большой парад» (США, 1925). Фильм рассказывает о судьбе трех американских солдат, воевавших в Европе. Все трое были представителями разных социальных классов – рабочий, мелкий торговец и сынок богатых родителей. Война стерла классовые предрассудки и сблизила молодых людей. Двое погибли на фронте. Третий же, потеряв ногу, вернулся домой. Он разочарованный в своих ожиданиях и надеждах, уезжает обратно в Европу, где узнает крепкую мужскую дружбу и испытывает настоящую любовь.

«Боевой конь» (США, 2011). История невероятной дружбы мальчика Альберта и коня Джоуи. Когда начинается Первая мировая, и Джоуи отправляют вместе с кавалерийским полком на поля сражений Франции, Альберт, несмотря на слишком юный для военной службы возраст, все равно уходит на фронт, чтобы найти и спасти друга.

«Большая война» (Франция, 1959). Мелкий жулик Джузеппе наивно полагал, что ему удастся переждать войну в казенном доме на полном гособеспечении. Но государство сделало ему подарок в виде амнистии и отправило на фронт.

«Бравый солдат Швейк» и «Швейк на фронте» (Чехословакия, 1957). Экранизации романа Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка».

«Великая иллюзия» (Франция, 1937). О военных летчиках Первой мировой.

«Вся королевская рать» (США, 1999). Драма о событиях Первой мировой войны, когда в Турции близ города Галлиополи таинственным образом исчез британский добровольческий отряд.

«Галлиополи» (Австралия, 1981). 1915 год. Два романтически настроенных молодых человека вступают в ряды австралийских вооруженных сил. После ускоренной подготовки приятелей отправляют в полк, который ведет боевые действия против турецкой армии. Друзья еще не знают, что им предстоит принять участие в битве при Галлиополи – одном из самых кровавых сражений первой мировой войны...

«Доктор Живаго» (США, Италия, 1965). Фильм по роману Б. Пастернака. Получил 5 премий «Оскар» и 5 премий «Золотой глобус». Свергают правительства, сражаются армии, но любовь переживает все. Нити знаменитого романа Бориса Пастернака вплетены

в эпическое полотно в фильме Доктор Живаго, который Американский киноинститут занес в список из 100 лучших американских фильмов...

«**Дорогая Лили**» (США, 1931). Действие происходит во время первой мировой войны, а в основу сюжета положена легенда небезызвестной Маты Хари.

«**Капитан Конан**» (Франция, 1996). 1918 год... Несмотря на то, что ужасная и кровопролитная Первая мировая война уже подходит к концу, боевые действия еще в самом разгаре. Офицер французской армии, командир разведроты капитан Конан – настоящий ас войны. Капитану и его отряду профессиональных сорвиголов поручают самые опасные и тяжелые операции. Отважный капитан и его команда – именно те люди, которые добыли Франции столь трудную победу на полях сражений.

«**Крылья**» (США, 1927). После вступления США в Первую мировую войну юноши попадают в авиационный корпус и становятся не только ассами, но и друзьями.

«**Легкая кавалерия**» (Австралия, 1987). Во время Первой мировой войны на стороне англичан сражалась легкая кавалерия из Австралии, вошедшая в историю своим беспримерным мужеством. Австралийские кавалеристы решили провести дерзкую операцию, считавшуюся безнадежной, – захватить крепость в палестинской пустыне, расположенную в двух днях езды от ближайших источников воды.

«**Лоуренс Аравийский**» (Великобритания, 1962). Фильм рассказывает о легендарном герое Первой мировой войны – английском разведчике Т. Э. Лоуренсе, действовавшем среди арабских племен и возглавившем их в походе против турок. Удостоен семи премий «Оскар», в том числе за лучший фильм.

«**Мой мальчик Джек**» (Великобритания, 2007). Всю свою жизнь Редьярд Киплинг безуспешно разыскивал сына Джека, который присоединился к ирландским войскам и пропал без вести во время Первой мировой войны. Горькая ирония судьбы заключается в том, что Киплинг сам использовал все свое влияние, чтобы комиссия признала Джека годным к строевой, несмотря на слабое зрение.

«**Моонзунд**» (СССР, 1987). События картины разворачиваются на Балтике в 1915-1917 гг. Герои фильма – офицеры и рядовые матросы Балтийского флота. Старший лейтенант Артеньев – храбрый, волевой офицер, человек чести. Не поддерживая бунтарских настроений матросов на своем корабле, Артеньев берет на себя командование батареей, защищающей самое опасное место в обороне против немцев. Он ищет смерти...

«**Мост Ватерлоо**» (США, 1940). Военная драма.

«**На западном фронте без перемен**» (США, 1930 и 1979). Кинорассказ по одноименному произведению Э. М. Ремарка о простых немецких школьниках старших классов, которые под действием патриотической пропаганды идут на войну, принимая ее как игру, и не знают, что впереди их ждет только смерть. Каждый день войны уносит жизни чьих-то отцов, сыновей, приятелей, которые служат вместе с Паулем. А газеты тем временем бесстрастно сообщают: «на Западном фронте без перемен»... Удостоен премии «Оскар».

«**Ничейная земля**» (Германия, 1931). Показана жизнь пяти героев разных национальностей – граждан пяти различных государств. Все пятеро попадают на войну и пресекаются в одном месте на нейтральной полосе. Из военных противников все пятеро, не смотря на то, что говорят на разных языках, становятся товарищами, объединенными солидарностью и презирающими войну.

«**О, что за чудесная война**» (Великобритания, 1969). Канун Первой мировой войны. Несколько сыновей из семьи Смитов отправляются воевать на фронт. Они станут свидетелями убийства эрцгерцога Фердинанда, рождественской встречи немецких и британских солдат на нейтральной территории и массовой гибели ирландцев, недавно прибывших на фронт...

«**Орден «Голубой Макс»**» (Великобритания, 1966). Первая Мировая война. Молодой Бруно Штахель – выходец из бедной семьи, бывший пехотинец, а ныне пилот в немецких элитных летных войсках. Превзойдя в мастерстве своих товарищей-аристократов, он

становится национальным героем и получает высшую награду военных летчиков – медаль «Синий Макс».

«Прощай, оружие» (США, 1932). Первая мировая война. Австро-итальянский фронт. Американец Фредерик Генри добровольно вступает в ряды итальянской армии. Среди бесчеловечного хаоса боевых действий он встречает англичанку-медсестру Кэтрин Баркли, но война накладывает тяжелый, неизгладимый отпечаток на их любовь... Удостоен премии «Оскар».

«Птица без крыльев» (Великобритания, 1997). События фильма происходят накануне, во время и после Первой мировой войны. История о судьбе трех семей из разных классов.

«Разрушенный город» (Канада, 2003). 1917 год. Первая мировая война. Хотя десятки тысяч канадских солдат гибли на полях Европы, Галифакс оставался тихим портовым городом – пока 6 декабря в 9:05 утра французское судно «Монблан», нагруженное взрывчаткой, не столкнулось с бельгийским кораблем у входа в гавань.

«Счастливого Рождества» (Франция, Великобритания, Германия). Военная драма. Вечером в сочельник 1914 г. на затерянном участке Западного фронта грустное празднование в окопах превращается в братание британских, французских и немецких военных. В канун Рождества люди пережили незабываемое непредвиденное братство, возникшее между траншеями. Оставив ружья в окопах, они вышли навстречу, чтобы пожелать друг другу Счастливого Рождества.

«Три товарища» (США, 1938). Германия рубежа 20-30-х гг. Ожоги войны, навсегда оставшиеся в душах людей, постоянно напоминают о себе. Трое друзей – Готтфрид Ленц, Отто Кестер, Роберт Локамп и его юная возлюбленная Пат – учатся жить в мире, где так много боли и зла, предательства и малодушия. Каждый из героев оказывается у нравственного рубежа, каждый делает свой выбор и каждый расплачивается за свое решение собственной судьбой... Удостоен премии «Оскар».

«Тропы славы» (США, 1957). Действие киномана разворачивается в 1916 году на Западном фронте.

«Четыре всадника Апокалипсиса» (США, 1921). Экранизация классического романа Висенте Бласко Ибаньеса, действие которого происходит во время Первой мировой войны. История о том, как представители знатного аргентинского рода Мадриего во время войны оказались в рядах разных воюющих сторон.

«Утренний патруль» (США, 1938). Военная драма о летчиках.

«Хождение по мукам» (СССР, 1977). Многосерийный художественный фильм по одноименной эпопее советского писателя Алексея Толстого.

«Цеппелин» (Великобритания, 1971). Первая мировая война. Двойной агент Джеффри Рихтер-Дуглас попадает на борт нового дирижабля, который отправляется с секретной миссией в Шотландию.

«Эскадрилья «Лафайет» (США, 2006). История легендарной эскадрильи «Лафайет» времен Первой мировой войны. Летный состав этой эскадрильи составляли добровольцы-иностранцы из стран, которые не находились в состоянии войны с Германией.

«Я обвиняю» (Франция, 1919). Война разлучала влюбленных. Герой, пройдя все ужасы сражений и, оставшись в живых, дал клятву рассказать людям правду об увиденном.

Солдатские песни времен Первой мировой войны

Неплохое сообщение по теме исторических записей песен времён Первой мировой содержится в сборнике «Лучшие песни Первой мировой войны»: «Сразу после начала боевых действий (август 1914 года) журнал «Грамофонный мир» писал: «Родина стонет от тяжестей войны, и грамофонное дело переживает мучительную агонию»...

Именно в этот трудный период отечественной истории на рынок была выброшена серия принципиально новых пластинок. Первыми оценили ситуацию владельцы компании «Экстрафон». Именно они придумали, как можно использовать патриотические настроения в своих целях, и не ошиблись. Вышедшие диски поражали тематической направленностью, целостностью подбора и качеством исполнения. Чего стоили одни только названия: «Холодно, сыро в окопах», «Солдатская колыбельная» и другие. Пластинка «Повесть о юном прапорщике» («Вот вспыхнуло утро, и выстрел раздался!») разошлась тиражом в 70 тысяч экземпляров.

Бешеным успехом пользовались и другие патриотические пластинки, что принесло «Экстрафону» не только солидные доходы, но и сделало прекрасную рекламу. Эти пластинки, стоившие в розницу пятьдесят копеек, сразу же стали называть «хлебными». Именно о них самый мелкий лавочник в Халамандровке говорил: «Дайте мне тысячу штук, и я продам их в один день!» Продажам предшествовала шумная рекламная кампания. Афиши кричали: «Поразительная передача и исполнение. Колоссальный успех в тылу и на фронте. Слезы умиления и радости. Только на пластинках Акционерного Общества «Экстрафон».

Достаточно быстро патриотические настроения стали эксплуатировать и другие отечественные компании. Российское Акционерное Общество Грамофонов (РАОГ) подготовило целую серию пластинок с пением, хором и оркестром. Только в Санкт-Петербурге за короткое время было продано около 20 тысяч этих дисков. Компания «Сирена Рекорд» объявила о специальном выпуске пластинок, 10% с продаж которых должны быть пожертвованы в пользу Красного креста. В списке значились «Боже, Царя храни!», «Великая Русь», «Марсельеза» и другие.

Несмотря на трудности войны, народ за пластинками ломился. Серьезные оптовики лично приезжали в конторы звукозаписывающих компаний и по нескольку дней дожидались очереди. Именно в этот период ажиотажного спроса в стране разразился «иглочный голод». Из различных городов поступали неутешительные сведения о полном отсутствии иголок у торговцев грамофонами и пластинками. В это же время отдельные лица располагали миллионными запасами, и было ясно, что дефицит и пляска цен – это дело их рук. В разных городах распространялись слухи, будто германские шпионы скупают в России все запасы иголок для отправки к себе на родину, где ими начинают шрапнели и снабжают ударники для ручных гранат. «Кто бы мог подумать, – вопрошала пресса, – что грамофонные иголки, воспроизводящие дивные мелодии, могут служить в то же время и для уничтожения рода человеческого? И уж кому в голову могло прийти, что германцы будут скупать их у нас, когда Германия всегда была одним из крупнейших производителей и все фабрики там мобилизованы?» Жалкие остатки, которые могли найтись в российских лавках, вряд ли устроили бы германскую агентуру; да и вывезти их из страны было невозможно, ибо ни одна таможня не пропустила бы стальной груз.

В глубинке, с легкой руки местной администрации, слухи приобрели форму реальных действий. Так, например, в Симбирске 21 марта 1916 г. полиция обходила все магазины и описывала запасы грамофонных иголок. Одновременно отцы города выпустили постановление об отпуске иголок покупателям только по особым прошениям, оплачиваемым рублевыми гербовыми марками (от одной до пяти коробок). По сути, это означало введение талонов, словно речь шла не об иголках, а о ржаном хлебе, пшеничной муке или банном мыле.

Компании зорко следили за всем происходящим на фронте и оперативно откликались на все события записями своих пластинок: «Подвиг Риммы Ивановой», «Георгиевский кавалер», «Смерть героя», «Гусары-усачи», «У берегов голубого Дуная» и др. – все эти

пластинки были подобны сводкам новостей с фронта, тем более что тогда не было ни радио, ни телевидения. На патриотических дисках вышли гимны союзных государств, которые сразу же стали пользоваться таким огромным успехом, что на фабриках не успевали выполнять все заказы.

В период военных тягот наряду с патриотической темой граммофонные деятели не забывали и о юморе. Именно в самые тяжелые дни была записана сенсационная юмористическая пластинка «В очередь за сахаром, мукою и... любовью!», представляющая собой замечательное попурри 32 самых любимых и популярных мелодий того времени. Разумеется, больше всего доставалось пресловутому германскому кайзеру.

Из артистов, много записывавшихся на грампластинках, в действующей армии постоянно выступали: тенор Е. Виттинг, куплетисты Ю. Убейко, С. Сокольский, певцы С. Садовников, Д. Богемский, М. Эмская и другие».

«Галицийские поля»

Брали русские бригады
Галицийские поля,
И достались мне в награду
Два тяжелых костыля.
Из села мы трое вышли,
Трое первых на селе.
И остались в Перемышле
Двое гнить в сырой земле...
Я вернусь в село родное,
Дом поставлю в стороне.
Ветер воет, ноги ноют,
Будто вновь они при мне.
Брали русские бригады
Галицийские поля,
И достались мне в награду
Два тяжёлых костыля.

«Последний нонешний денечек»

Песня о призыве в армию. Была очень популярной и сохранилась во множестве вариантов. Мелодия игралась шарманщиками в эпоху Первой мировой и Гражданской войн

Последний нонешний денечек
Гуляю с вами я, друзья!
А завтра рано чуть светочек
Заплачет вся моя семья,
Заплачут братья мои, сестры,
Заплачут мать и мой отец,
Еще заплачет дорогая,
С которой три года я жил.
Карета к дому подкатила,
Колеса о землю стучат,
В карете старшие вскричали:
«Готовьте сына своего!».
Крестьянский сын давно готовый,
Семья вся замятво лежит.
«Прощай, папаша и мамаша,
Прощайте, все мои друзья!
Прощайте, все мои кусточки,
Прощай, любимая моя!».

«Горит свеча, в вагоне тихо»

Популярная солдатская песня времен Первой мировой считается «логическим продолжением» песни «Последний нынешний денечек»

Горит свеча в вагоне тихо
И все солдаты сладко спят,
А санитарный несется быстро,
Лишь слышно ветер в проводах
Сидит солдатик обожженный,
Склонивши голову на грудь.
Тоска по родине далекой
Не дает ему уснуть.
«Зачем, маманя, зачем, родная,
Меня на свет ты родила,
Судьбой несчастной наградила,
Шинель мне серую дала?
Я отслужил четыре года
И думал, что домой пойду,
Но тут пришел к нам приказ строгий –
Всем явиться на войну.
И вот идет наш бой кровавый
И кровь льется из ран в груди,
Льет по оборванной шинели,
Лежит бедняжка без руки.
Вот санитар к нему подходит:
«Давай тебя перевяжу».
А тот негромко ему промолвит:
«А я за родину умру».
Горит свеча в вагоне тихо
И все солдаты сладко спят.
А санитарный несётся быстро,
Лишь слышно ветер в проводах.

«Слышали деды»

В годы Первой мировой войны в армии была популярна эта песня на мелодию «Белой акации грозди душистые» с мелодией припева, заимствованной у гусарской мазурки. Вариант той же песни в переработке Добровольческой армии, исполняемой хором Валаамского монастыря.

*Слыхали, деды,
Война началась,
Бросай свое дело –
В поход собирайся.*

Припев:

*Смело мы в бой пойдём
За Русь святую,
И как один прольём
Кровь молодую.
Деды вздохнули,
Руками взмахнули,
Знать на то воля,
Надо власть спасти...*

«Сигнальный марш»

(муз. А. Колотилина) пользовался большой популярностью во время Первой мировой войны.

Ура! Ура! Ура!

Ура, пойдем мы на границу

Бить отечества врагов,

За Царя и за Царицу

И за родину отцов.

Все дружнее собирайтесь,

Попроворней снаряжайтесь!

Живо седлай коней

И собирайся скорей!

Всадники други, в поход собирайтесь –

Радостный клич вас ко славе зовет;

С бодрым духом бодро сражайтесь:

За Царя и за Русь сладко и смерть принять.

Всех побьем, в плен возьмем

И с победой в дом войдем.

«Ревет и грохочет мортира вдали»

Ревет и грохочет мортира вдали,

Снаряд оглушительно рвется,

И браться костями на землю легли,

И стон над полями несется...

Но молча живые пред смертью стоят

И знамя их поднято гордо;

Не дрогнет наш русский великий солдат

И натиск врага встретит твердо!

Кровь льется потоком и рвутся тела

На мелкие части снарядом,

Смерть косит и косит людей без числа –

Земля словно сделалась адом.

Но слышна команда солдатам «вперед!»),

И двинулось стройно рядами

Русское войско в тяжелый поход,

И в бой беспощадный с врагами.

(1915-16 гг.)

Память о войне

Франция, Великобритания, Германия, Польша

День перемирия 1918 г. (11 ноября) является национальным праздником Бельгии и Франции и отмечается ежегодно. В Великобритании День перемирия отмечается в воскресенье, ближайшее к 11 ноября как День поминовения. В этот день поминаются павшие, как Первой, так и Второй мировых войн.

В первые годы после окончания Первой мировой войны каждый муниципалитет Франции возвёл памятник погибшим воинам. В 1921 г. появился главный монумент – Могила неизвестного солдата под Триумфальной аркой в Париже.

Главным британским памятником погибшим в Первой мировой войне является Кенотаф в Лондоне на улице Уайтхолл, памятник Неизвестному солдату. Он был сооружён в 1919 г. к первой годовщине окончания войны. Во второе воскресенье каждого ноября Кенотаф становится центром национального Дня поминовения. За неделю до этого на груди у миллионов англичан появляются маленькие пластиковые маки, которые покупаются у специального благотворительного Фонда помощи ветеранам и вдовам

военных. В воскресенье в 11 часов утра королева Великобритании, генералы, министры и епископы возлагают к Кенотафу венки из мака, минута молчания длится 2 минуты.

В марте 1922 г. в Германии в память о погибших в Первой мировой войне был учреждён Всенародный День скорби, в 1952 г. дата дня скорби была перенесена на ноябрь и с этого времени он стал символом не только павшим в войне, но и всем людям, погибшим за независимость Германии, и убитым по политическим причинам.

Могила Неизвестного Солдата в Варшаве также изначально была сооружена в 1925 году в память павших на полях Первой мировой. Теперь этот монумент является монументом павшим за Родину в различные годы.

Россия и СНГ

Особым местом памяти о войне по замыслу императора Николая II должно было стать Царское Село. Заложенная там ещё в 1913 г. Государева Ратная палата должна была стать Музеем Великой войны. По распоряжению императора был выделен специальный участок для погребения погибших и умерших чинов Царскосельского гарнизона. Этот участок стал называться «Кладбищем Героев». В начале 1915 г. «Кладбище Героев» было названо Первым Братским кладбищем. На его территории 18 августа 1915 г. состоялась закладка временного деревянного храма в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали» для отпевания погибших и умерших от ран воинов. После окончания войны вместо временной деревянной церкви предполагалось возвести храм – памятник Великой войне по проекту архитектора С. Н. Антонова.

Однако этим замыслам не суждено было сбыться. В 1918 г. в здании Ратной палаты был создан народный музей войны 1914-1918 гг., но уже в 1919 г. он был упразднен, а его экспонаты пополнили фонды других музеев и хранилищ. В 1938 г. временная деревянная церковь на Братском кладбище была разобрана, а от могил воинов остался заросший травой пустырь.

16 июня 1916 г. в Вязьме был открыт памятник героям «Второй Отечественной войны». В 1920-х гг. этот памятник был уничтожен.

В советской историографии война считалась «несправедливой и захватнической». До начала Второй Мировой войны она именовалась «империалистической». В 1919 г. был закрыт музей войны в Ратной палате, а в 1920-х гг. был снесен памятник героям Второй Отечественной войны в Вязьме. Советская пропаганда больше воспевала Гражданскую войну, которая воспитала будущих бойцов Красной армии. Однако в дальнейшем все большее внимание уделялось патриотической пропаганде и обращению к историческому прошлому. В 1938 г. был придуман миф о победе над немцами под Псковом и Нарвой как один из эпизодов войны, стала воспеваться борьба партизан с немцами в 1918 г., история которой была преувеличена и частично вымышлена. После Великой Отечественной войны Первой Мировой стало уделяться больше внимания. В частности, историков стал привлекать генерал А. А. Брусилов, воевавший в годы Гражданской войны на стороне Красной армии. В 1946 г. генерал-лейтенант М. Галактионов в своем предисловии к мемуарам Брусилова писал: «Брусиловский прорыв является предтечей замечательных прорывов, осуществлённых Красной армией в Великой Отечественной войне» (М. Галактионов Предисловие к «Моим воспоминаниям» Брусилова, 1946 г.).

Уделялось также внимание лётчику П. Н. Нестерову, погибшему в 1914 г., как первому лётчику, применившему в военной практике таран. Его именем стали называть улицы в городах СССР, также с 1951 по 1991 г. его имя носил город Жолква.

В 1960-е годы в Армянской ССР уделили внимание геноциду армян, ранее замалчивавшейся теме. В 1965 г. в Ереване был открыт мемориальный комплекс Геноцида армян.

Тем не менее, в советской исторической литературе война на протяжении всего периода считалась «реакционной», тема войны почти не исследовалась, упоминались, в основном, антивоенные демонстрации, дезертирства, нежелание рабочих воевать в интересах царя, помещиков и капиталистов. В преддверии Олимпиады в Москве в 1979 г. в районе Сокол были уничтожены захоронения участников Первой Мировой войны.

Также в Москве 1 августа 2004 г., к 90-летию начала Первой мировой войны, на месте Московского городского Братского кладбища в районе Сокол были поставлены памятные знаки «Павшим в мировой войне 1914-1918 годов», «Российским сестрам милосердия», «Российским авиаторам, похороненным на московском городском братском кладбище».

11 ноября 2008 г. на месте Братского кладбища в городе Пушкин была установлена стела – памятник героям Первой мировой войны.

В декабре 2012 г. Президент России утвердил поправку в Федеральный закон России «О днях воинской славы и памятных датах России», вступившую в силу с 1 января 2013 года, согласно которой 1 августа объявляется Днём памяти российских воинов погибших в Первой мировой войне 1914-1918 годов.

14 августа 2011 г. в Минске было возрождено Минское Братское кладбище героев Первой мировой войны, основанное в ноябре 1914 года и закрытое в 1932 г. На кладбище воздвигнута каменная часовня, рядом с которой размещены бронзовые плиты с именами 2500 похороненных на кладбище офицеров и солдат русской армии. 11 ноября 2011 г. на кладбище был впервые отмечен День Памяти павших в Первой мировой войне.

Но сегодня, в 2014 г., память о страшных событиях 1914 г. возвращается. В Царском Селе открылся пока единственный в России музей Первой мировой. Музей Первой мировой войны хотели открыть в Петрограде еще 100 лет назад, причем именно в этом белокаменном тереме, который начали строить по мистическому совпадению, в последний мирный год Империи. Музей «Россия в Первой мировой» открыли в здании Государевой ратной палаты. Ее начали строить в 1913 г. как музей Русского войска, и летом 1917 года открыли здесь Музей Великой войны – так Первую мировую называли современники. Впрочем, та выставка просуществовала недолго: в 1919 г. большевики экспозицию закрыли.

Новый музей удалось организовать всего за год. Начали практически с нуля и продолжают пополнять коллекцию до сих пор. Например, штабной «Форд» русской армии министерство культуры приобрело совсем недавно. Еще одна жемчужина нового музея – действующая модель самолета «Ньюпор-17» – дар благотворителей. Кстати, до революции под сводом был расположен сбитый немецкий самолет, но он, как и большая часть старой коллекции, утрачен. Документы времен Первой мировой, фотографии и кинохронику можно посмотреть с помощью огромного числа мультимедиа-стоек. То там, то здесь – подлинные знамена и мундиры Русской армии, союзников и врагов, даже шинели Николая Второго с погонами полковника и цесаревича Алексея – с лейтенантскими. Все это чудом пережило революцию и оккупацию Царского Села нацистами. И коллекцию планируют пополнять. Музей Первой мировой в Санкт-Петербурге должен стать образцом для устройства подобных экспозиций в других городах. Музей Первой мировой войны в Царском Селе откроет двери для всех желающих утром 5 августа.

В Челябинске вспомнили события Первой мировой войны

1 августа 2014 г., в день столетия начала Первой мировой войны, в Челябинске состоялись памятные мероприятия, приуроченные к этой трагической дате. При поддержке Управления культуры Администрации г. Челябинска в сквере на пересечении улицы Воровского и Свердловского проспекта прошел гражданский митинг, а на Кировке был организован торжественный концерт.

В 12.00 челябинцы почтили память южноуральских воинов на митинге в сквере возле городской больницы № 1. Как рассказали организаторы, именно на этом месте ровно через год будет открыт паямтник героям Первой мировой войны. В мероприятии приняли участие представители казачества, участники патриотических объединений и клуба исторической реконструкции.

Официальная часть началась с декламации ведущего, который озвучил со сцены Высочайший манифест об объявлении войны России с Австро-Венгрией, подписанный Николаем Вторым. Именно этот документ стал судьбоносным не только для истории Российской империи, но и для каждого жителя страны. Для южноуральцев эта война не

может быть ни «забытой», ни «неизвестной», ведь более 20 тысяч жителей области были мобилизованы и участвовали в боевых действиях, а гражданское население всеми силами приближало конец войны в тылу.

Выстрел из пушки символизировал начало ожесточенных военных действий с участием русского оружия. Исторический колорит митингу придал почетный караул, одетый в парадную форму офицеров тех лет. В реконструкции сцен из фронтовой жизни войны 1914-1918 гг. приняли участие активисты челябинских клуба исторической реконструкции. «Здесь сейчас собралось около двадцати членов нашего клуба. Все – в форме тех времен, с аутентичным оружием – винтовки Мосина, шашки, сабли, – говорит руководитель клуба «Серебряный единорог» Дмитрий Козманишвили. – Мы делаем это, потому что считаем, что важно сохранить память об одной из самых печальных дат в нашей истории».

О подвиге солдат Первой мировой вспоминали участники митинга. Атаман хуторского казачьего общества Тракторозаводского района города Челябинска Андрей Станиславович Коноплев отметил особую роль казачества в той войне. «Шесть казачьих полков ушли на фронт из Оренбургской губернии, и шесть казаков вернулись домой Полными Георгиевскими кавалерами, – говорит есаул. – Необходимо место в городе, которое будет напоминать о подвиге наших прадедов, сражавшихся в этой кровавой бойне». Дмитрий Семенов, руководитель Центра историко-культурного наследия, отметил, что усилия по воскрешению памяти о страницах истории вековой давности, должны быть не только приурочены к юбилейной дате. «Нужно помнить о славе предков, об эвакуации, о том, как город по-сути стал большим военным госпиталем для тысяч раненых, - считает Дмитрий. – Челябинск достоин, чтобы в городе был заложен памятник всем участникам Первой мировой», – добавил он.

И, как заверили организаторы, такой памятник появится следующим летом напротив городской больницы, которая во время войны приняла наибольшее количество пострадавших. Готовность организовать конкурс, профинансировать изготовление и установку памятника высказал депутат Государственной думы Олег Колесников. По его словам, он рад, что ему выпала честь внести посильный вклад в сохранение и передачу исторической памяти будущим поколениям челябинцев. Принять участие в конкурсе смогут все желающие, а экспертная комиссия оценит работы и выберет лучший вариант.

Со своей стороны глава администрации Челябинска Сергей Давыдов выразил надежду, что после установки стелы сквер получит достойное место в ряду городских достопримечательностей, тесно связанных с историей южноуральской столицы. Он также выразил удовлетворение тем, что в городе есть меценаты, готовые служить делу возвращения и сохранения исторической памяти.

Служили верно и нелицемерно Открылась выставка к 100-летию Первой мировой войны

В присяге тех, кто служил в Российской императорской армии, была такая строка:
«Служить верно, и нелицемерно»

Отдать дань памяти

– И сейчас эти слова, спустя сто лет, должны оставаться главными по жизни и для нас, – сказала, открывая выставку, директор краеведческого музея Розалия Галябиева.

В выставочном зале центральной библиотеки создана особая атмосфера 1900-х гг. прошлого века. С большим трудом собирался уникальный материал. И работниками музея, и жителями Кыштыма, в лице которых краеведческий музей обретает всё больше верных друзей.

На афише экспозиции – фотография русского солдата Дмитрия Серкова. Отдать ему дань памяти пришли четверо его праправнуков – Дмитрий, Андрей, Владислав и Игорь Пряхины. Четвероклассник Владик показал на витрине ложку своего прапрадеда, постоянную спутницу солдата:

– Папа нашел ее в старом чемодане на чердаке, – объяснил он, – и отдал на выставку.

Со старинных снимков смотрят на нас земляки: унтер-офицер Василий Долгов, участник Русского экспедиционного корпуса во Франции Алексей Новокрещенов, унтер-офицер санитарного обоза Александр Касков...

– Эта выставка – разговор о славе русского оружия, истории нашей Родины – продолжала Розалия Сагдеевна, – тем самым мы отдаем дань памяти людям, которые ее защищали.

Вернуть душу экспонату

Хронологическое рамки событий Первой мировой войны раздвинуты, на нас смотрят наши земляки из мирных 1902, 1903, 1907 гг. И это придало экспозиции ещё большую глубину. Странное щемящее чувство вызывают эти красивые одухотворённые лица. Они излучают вдумчивость, позы умиротворены, спины красиво и торжественно прямы.

Среди изображенных – педагоги, трудовая интеллигенция, служители церкви, дети, молодые люди и девушки. Да, мы романтизируем прошлое, потому что зависимы от стремительности времени и не умеем как они, размеренно и вдумчиво всматриваться в себя.

Героическая тема представлена по разделам «Участники Первой мировой войны», «Русский экспедиционный корпус во

Франции», «Курсанты», «Ополченцы», «Казачи» и другие.

– Важно не просто сохранить эти фотографии, предметы и документы, – продолжала директор музея, – нужно дать им жизнь. Чтобы это была не просто «картинка», висящая на стене. Чтобы у каждого экспоната появилась душа, и забилось сердце.

Поэтому к открытию выставки сотрудники музея создали путеводитель. В нем описана каждая фотография. Но есть и снимки с подписью «Неизвестный». Может, кто-нибудь, увидев этот снимок, поможет вернуть имя его герою.

Эта выставка долго не будет иметь сюжетного финала, потому что задача музея – по мере возможности дать имя герою каждой фотографии и рассказать историю его жизни. И в этом благородном деле без помощи горожан не обойтись.

Галина Шангитова

(Кыштымский рабочий. – 2014. – 5 авг.)

Рождество, остановившее войну

Зимой 1914-го на Западном фронте произошло необычное событие. За неделю до Рождества британские и немецкие солдаты отказались стрелять друг в друга и начали обмениваться рождественскими подарками. Такие «рождественские перемирия» происходили и позднее.

В канун Рождества британские наблюдатели заметили, что немцы около Ипра начали украшать свои траншеи рождественской атрибутикой. Вскоре британцы услышали немецкую рождественскую песню «Stille Nacht», а еще через некоторое время со стороны немецких позиций на ломаном английском послышалось: «Merry Christmas to you, Englishmen» (Счастливого Рождества Вам, англичане). В ответ британцы запели «Silent night». Слова у этих песен разные, но мотив один и тот же, и вскоре немецко-британский хор слился в одно целое.

Вот как те события описывал один из британских солдат: «Перед своими траншеями «швабы» поставили праздничные елки, как бы в знак доброй воли. Через минуту мы услышали песню «Stille Nacht». Немцы начали выходить к нейтральной полосе без оружия и звать нас. В их руках были коробки с подарками».

Увидев безоружных немцев, из своих окопов стали выходить и «Томми» (так называют британских солдат). Один из офицеров британской армии те события описывал так: «Я выглянул из окопа и увидел четырех немецких солдат, которые вышли из своих траншей и шли в нашу сторону. Я приказал двоим из моих людей пойти и встретить «гостей», но без оружия, так как немцы были не вооружены. Но мои ребята побоялись идти, поэтому я пошел один. Когда немцы подошли к колючей проволоке, я увидел, что это были трое рядовых и санитар. Один из них на английском сказал, что он только хотел поздравить нас с Рождеством. Я спросил, какой приказ немцы получили от офицеров, раз пошли в нашу сторону, а они ответили, что никакого приказа не было и они пошли самовольно. Мы обменялись сигаретами и разошлись. Когда я вернулся на позиции, то увидел, что в наших траншеях никого нет. Оглядевшись, я с удивлением увидел толпу из 100-150 британских и немецких солдат. Они смеялись и праздновали».

«Рождественское перемирие» использовали и для того, чтобы собрать трупы погибших солдат, которые пролежали уже несколько месяцев на нейтральной полосе. Были даже проведены совместные церковные службы.

В перемирии участвовала даже авиация. Так, в рождественскую ночь британский пилот пролетел над французским городом Лиллем, оккупированным немцами, и сбросил в самый центр неприятельских позиций большой, хорошо упакованный сливовый пудинг.

В 2010 г. на одном из британских аукционов продавалось письмо неизвестного британского солдата, который писал матери о том, как происходило «Рождественское перемирие» во Фландрии. Вот выдержки из того послания: «После обеда мы разыграли футбольный матч. Несколько немцев пришло посмотреть. Кроме этого немцы выслали своих санитаров ближе к нашим позициям, чтобы те похоронили убитого нами вчера немецкого снайпера. Наши солдаты пошли помочь немецким санитарам. Перед обедом

пообщался с немцами и обменялся с ними вещами. Так мы отпраздновали Праздник Рождества Христова».

Интересно, что футбольные матчи между британцами и немцами во время перемирия случались довольно часто. Чаще всего «швабы», обыгрывали родоначальников футбола. О тех матчах на поле боя потом писали многие британские газеты.

Мало кто знает, что такие же события происходили и на восточном фронте. В конце декабря 1914 г. немецко-русский фронт проходил по территории Королевства Польского, на линии рек Бзура и Равка. И в немецкой и в русской армии было много католиков. Историки вспоминают, что во время битвы под Сохачевом «мазуры» в немецких касках «пикельхаубах» насмерть бились со своими соотечественниками в русских папах. Но в рождественскую ночь бои утихли, и над полем сражения разнеслась польская песня «Січа пос». Ее пели и «немцы» и «русские». Ведь праздник был один для всех.

В декабре 1914 г. на Северо-Западном фронте были отмечены случаи т.н. рождественского «братания» между солдатами 249-го Дунайского пехотного и 235-го Белебевского пехотных полков русской армии и солдат кайзеровской армии. В телеграмме командующего 1-й русской армии генерала А. Литвинова отмечалось, что немцы все чаще «приглашают русских в гости». Царским командирам предписывалось пресекать такие «хождения в гости» и арестовывать как предателей тех, кто ходит в расположение немцев. Кроме этого, командование русской армии отдало приказ открывать пулеметный огонь по тем, кто идет на братание.

Но рождественские «встречи» русских солдат с немцами не прекращались. Так, 20 солдат, 4 унтер-офицера и один ефрейтор 301-го Бобруйского пехотного полка 76-й пехотной дивизии русской императорской армии приняли приглашение немцев посетить их и, оставив свои позиции, пошли к «фрицам». Во время одного из братаний русских и немцев состоялось состязание по песнопению. Солдаты менялись хлебом, папиросами, алкогольными напитками, шоколадом.

Рождественские братания происходили и в декабре 1915-го. В одном из русских донесений, в частности, отмечалось, что части Русской императорской армии на некоторых участках фронта установили с противником «дружеские отношения».

Например, солдаты 55-го Сибирского пехотного полка на Западной Двине и русские солдаты в Форте Франц условились с немцами «жить в дружбе», не стрелять во время праздников и не брать пленных. От немцев русские солдаты получали коньяк, папиросы, а санитарам давали ... медикаменты. Что самое интересное, в таких дружеских отношениях с немцами состояли не только рядовые чины, но даже офицеры. Не смотря на попытки прекратить контакты с противником со стороны командования, в дни Рождества и Нового 1916 года русские и немецкие солдаты встречались и обменивались праздничными подарками.

Реакция главного командования русских войск на факты «Рождественского братания» была отрицательной. Но и британцы не были в восторге от фактов дружбы между «Томми» и «Гансами». Командир британского 2-го корпуса, генерал Горацио Смит-Доррен, узнав о братании британцев с немцами в декабре 1914 г., издал жесткий приказ, который запрещал все контакты с противником. В 1915 г. попытки братания под Рождество пресекались британскими офицерами. Большинство историков подчеркивает, что братание было вызвано, прежде всего, религиозным фактором. Для западных европейцев праздник Рождества был одним из главных и поэтому командование пошло на объявление двухдневного перемирия. К тому же была и практическая необходимость похоронить убитых и умерших, которые, лежали на ничейной полосе уже несколько месяцев. Непосредственные контакты британцев и русских с немцами приводили их к мысли, что им противостоят такие же *обычные люди, как и они сами, которые тоже хотят жить. Поэтому люди вместо смерти выбирали жизнь.*

Игорь Мельников,
кандидат исторических наук

Содержание

Обращение к читателю

Вёшенский манифест

Орхан Памук. Мой скромный манифест для всех музеев

Из истории Кыштымского музея

Дорогой читатель! (вступительная статья)

Только факты

Русская армия Первой мировой

Фотографии из фондов Кыштымского музея

Список кыштымцев-участников Первой мировой

Фотографии из фондов Кыштымского музея

Шангитова, Г. Нет солдата без котелка: *Целый век служит в одной семье полевая утварь с царским гербом (статья из газеты «Кыштымский рабочий»)*

Белая гвардия в лицах

Хмельков, С. А. Стратегическое значение крепости Осовец. Краткое описание долины реки Бобра на участке Августовский канал – река Нарев (из книги: Борьба за Осовец. – М. : Воениздат НКО СССР, 1939).

Схемы:

1. Долины Бобра от Августовского канала до Нарема
2. Долины Бобра между железной дорогой, древней Сосня и фортом № 3
3. Схема развития Осовецкой крепости
4. Атака передовых позиций Бялогронды-Сосня

Осовец. Атака мертвецов

Фотографии из фондов Кыштымского музея

Скиба, Я. Бессменный часовой

Фотографии из фондов Кыштымского музея

Тихомиров, В. Отец иприта и «циклона»

Брусиловский прорыв

Рацион питания русского солдата 1914-17 гг.

«Король сувениров»

Делиард, Ф. Небесное воинство

«Для создания Воздушного флота нужна массовая поддержка»

Военное прошлое белого шелкового шарфа

Первая мировая война на море

Кыштымский след: братья Абрамовы

Российский подводный флот в Первой мировой войне

«Гангут» в Первой мировой войне

Фотографии из фондов музея

Женщины на фронтах Первой мировой войны

Белый платочек и крест на груди...

Фотографии из фондов Кыштымского музея и личных коллекций

Немного о грустном

Орден Святого Георгия

Георгиевская лента

Георгиевские кавалеры – кыштымцы

Пахалюк, К. Первые русские «пленные» Великой войны. *О судьбе туристов из Российской империи, оказавшихся в Германии в августе 1914 года*

Военнопленные на Урале

Военнопленные в экономике Среднего Урала (1914–1917)

Военнопленные-славяне на территории Пермской губернии в годы Первой мировой войны

Ощепков, Л. Г. Положение военнопленных в Пермской губернии в годы Первой мировой войны

Жизнь в тылу

Кыштымские заводы в годы Первой мировой войны

Сводка о частных уральских горных заводах, могущих исполнять военные заказы от 3 августа 1915 г.

Общественная жизнь уральского города в годы Первой мировой войны

Фотографии из фондов Кыштымского музея

Баженова, К. Е. Деятельность Екатеринбургского уездного комитета Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам Пермской губернии в начальный период Первой мировой войны (1914 – вторая половина 1915 г.)

Беженцы и общественность Пермской губернии в годы Первой мировой войны

Китайский труд на Урале в годы Первой мировой войны (по материалам В. Г. Дацышен)

Каменских, М. С. О причинах волнений китайских рабочих на Урале в период Первой мировой войны

Как 96 тысяч рублей спасли от голода целый уезд

Итоги Первой мировой войны

Мир человека после Первой Мировой войны. «Потерянное поколение» в литературе

Первая мировая война в художественной литературе: список

Кинематограф Первой мировой войны. Фильмы о Первой мировой войне

Солдатские песни времен Первой мировой войны

Память о войне

В Челябинске вспомнили события Первой мировой войны

Шангитова, Г. Служили верно и нелицемерно: *Открылась выставка к 100-летию Первой мировой войны*

Мельников, И. Рождество, остановившее войну

Музейный альманах

«Мечтаемъ...»

Составители

Р. С. Галябиева, Е. В. Кузнецова, М. А. Лезина

Ответственный редактор

Е. В. Кузнецова

Предисловие

Е. В. Кузнецова

Фотографии из фонда Кыштымского музея и личных семейных архивов

Новокрещенной О. А., Казакова В. В., Елисеева В. А., Старченко З. Д., Огниовой Т. Н.,
Пряхина В., Козманишвили Д.

Издано на средства благотворителей